

Михаил Волконский

Сирена

Михаил Николаевич Волконский

Сирена

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172938

Аннотация

«В июле 1798 года Петербург был немало взволнован тремя происшествиями, случившимися почти одновременно.

В одно утро все будочники по Невскому проспекту оказались арапами, с лицами, выкрашенными разведенной на масле сажей...»

Содержание

Глава I	5
Глава II	9
Глава III	13
Глава IV	17
Глава V	32
Глава VI	43
Глава VII	54
Глава VIII	62
Глава IX	77
Глава X	87
Глава XI	96
Глава XII	104
Глава XIII	112
Глава XIV	117
Глава XV	129
Глава XVI	140
Глава XVII	150
Глава XVIII	159
Глава XIX	172
Глава XX	182
Глава XXI	191
Глава XXII	205
Глава XXIII	218

Глава XXIV	234
Глава XXV	249
Глава XXVI	263
Глава XXVII	278
Глава XXVIII	284
Глава XXIX	303
Глава XXX	314
Глава XXXI	332
Глава XXXII	345
Глава XXXIII	359
Глава XXXIV	368
Глава XXXV	378
Глава XXXVI	387

Михаил Волконский

Сирена

Роман из времен Павла I

Глава I

В июле 1798 года Петербург был немало взволнован тремя происшествиями, случившимися почти одновременно.

В одно утро все будочники по Невскому проспекту оказались арапами, с лицами, выкрашенными разведенной на масле сажей.

В те времена для нижних полицейских чинов на их постах на улицах ставились полосатые будки с дверками, в которых были проделаны окошечки. Бдительные городские стражи забирались ночью в эти будки со своими алебардами, составлявшими их вооружение, и, разумеется, засыпали крепким сном. В случае какого-нибудь недоразумения обывателям предоставлялось право кричать «караул» настолько громко, чтобы разбудить стражей; стражи терпеть этого не могли и просыпались неохотно, да и проснувшись, долго прислушивались, не затихнут ли неистовые крики сами собой. Если же тишина не водворялась, то будочник выползал из своей будки, потрясал длинной алебардой и шел на помощь кри-

чавшим лишь в том случае, если эта помощь требовалась на его участке.

В достопамятную июльскую ночь 1798 года будочники были разбужены не криками, а деликатным стуком в дверцы их будок. На этот стук они выглядывали в окошечко, и, как выглянут, так им лицо и окрасят большой кистью, жирно пропитанной сажей на масле. Дверцы будок при этом оказывались предупредительно подпертыми колышками, так что отворить их изнутри было нельзя, и окрашенные в черную краску будочники должны были ждать, когда наутро явится смена и освободит их из неприятного заточения.

Эту проделку произвели неизвестные забавники. Из показаний пострадавших будочников выяснилось, что этих забавников было не менее трех человек. Один бежал впереди с колышками и подпирал дверцы будок, другой стучал, третий красил. Больше ничего пострадавшие не могли показать, и кто были милые шалуны, устроившие такую неприятность блюстителям порядка, осталось невыясненными.

Об этом происшествии говорил весь город.

Другое обстоятельство, занявшее петербуржцев и подавшее повод к бесконечным пересудам, разговорам и предположениям, состояло в том, что в устье Невы пришла трехмачтовая отменно разукрашенная яхта и стала там на якорь. Она была, несомненно, английская, так как явилась под английским флагом, и принадлежала частному лицу. Говорили, что это частное лицо, собственность которого составляла

яхта, – женщина, званием леди, а по фамилии Гариссон.

Никто не знал, зачем она пожаловала на своем судне в невскую столицу и что она намерена тут делать. До поры, до времени никто еще не видел и самой леди на улицах Петербурга. На палубу яхты тоже никто из посторонних не допускался.

Яхта была красиво окрашена в голубой и светло-желтый цвета. На ее носу выделялась среди золоченого хитрого узора вырезанная из дерева, тоже золоченая, фигура сирены. Название судно носило по этой фигуре. Корма была тоже вся в золотых узорах с огромными фонарями. На корме красовался большой родовой герб Гариссонов. Судя по яхте, владельница ее должна была быть очень богата.

Первое и самое естественное предположение, а именно – что леди Гариссон явилась в Петербург просто в виде знатной путешественницы, объезжающей для своего удовольствия чужие страны, – показалось слишком незамысловатым и, по правде сказать, не соответствовало поведению леди, окружившей свой приезд таинственностью.

Почему она не съезжала на берег, почему никто не допускался на яхту, почему, наконец, у знатной леди не оказалось никого знакомых даже в английском посольстве? Ведь если бы у нее там были знакомые, она бы, конечно, поехала туда с визитом.

Общество терялось в догадках. Не знали даже, какова собою эта леди: молода она или стара, красива или нет?

Любопытные ездили на лодках к яхте, оглядывали ее, рассматривали герб на корме и носовую фигуру сирены, дивились на золоченые узоры и красивую, нежную раскраску судна, но больше ничего увидеть не могли. Трапы на «Сирене» были всегда подняты, и даже движения на ней не было заметно. Только виднелись на своих местах часовые в огромных широкополых лакированных черных шляпах. Они стояли недвижимо и безмолвно, как статуи.

Третьим происшествием, заставившим говорить о себе весь Петербург того времени, была смерть екатерининского вельможи, князя Верхотурова.

Князь Верхотуров был старик, проживавший в собственном доме на Фонтанке, холостой и вполне одинокий. Умер он скоропостижно от апоплексического удара, и неизвестно было, кому же теперь достанется состояние князя? Прямых наследников у него не было, завещания после него тоже не осталось. По закону наследство должно было считаться выморочным, иначе говоря, идти в казну в том случае, если бы не оказалось каких-нибудь косвенных наследников, то есть родственников столь дальних, что и сам князь не знал о них.

Глава II

Как ни странно, но из всех трех фактов наиболее интересным и серьезным общественное мнение считало окраску будочников.

При строгостях, заведенных императором Павлом Петровичем, такой поступок, действительно, являлся дерзостью из ряда вон выходящей, так как были оскорблены хотя и нижние, но все-таки чины полиции при «исполнении ими своих обязанностей» Откройся имена шалунов, решившихся на это дело, им бы несдобровать.

Но, по-видимому, они умели молчать.

Впоследствии выяснилось, более или менее, кто была таинственная леди Гариссон и зачем она пожаловала на своей яхте в Петербург, нашлись и наследники у князя Верхотурова, а кто выкрасил арапами будочников, осталось «покрыто мраком неизвестности», как выражались тогда.

Знали об этом только молодой художник Варгин, известный в своем кругу под именем «Петрушка», офицер Елчанинов да барон Кирш, дворянин без определенных занятий, преданный каким-то книгам, над которыми он просиживал иногда по целым неделям. Однако книги тогда занятием не считались, и Кирш общим голосом был признан бездельником, потому что нигде не служил.

Поведение его было вообще довольно странно.

Несмотря на его немецкую фамилию, натура у него была необузданная, склонная к резким крайностям. Свойственные германской расе аккуратность и расчетливость были совсем чужды ему.

Мать его была урожденная Елчанинова, чистокровная русская, и по-видимому, молодой Кирш пошел в ее род. Своему приятелю, офицеру Елчанинову, он приходился троюродным братом.

Когда Кирш садился за свои книги, ничто не могло оторвать его от них; день и ночь сидел он запершись у себя в комнате и не пускал к себе никого.

Но потом вдруг так же внезапно и неожиданно, как «находил на него книжный стих», по выражению художника Варгина, Кирш бросал книги, шел к двум своим приятелям и предавался с ними неистовому кутежу, придумывая проделки вроде окраски будочников. Главным зачинщиком всех «фортелей» был он, а художник с офицером только служили ему тогда помощниками.

Период неистовства длился у Кирша иногда несколько недель подряд, и продолжительность этого периода не зависела ни от каких внешних обстоятельств.

Если не хватало денег, Кирш доставал их путем какой-нибудь гениальной по своему остроумию штуки; заболел он, чувствовал себя нездоровым – и это не влияло на него, потому что он лечился именно тем, что напьется и потом на другой день ходит как встрепанный. Да и болел он редко. Здоровой

вье у него было железное. Откутив, он садился за письменный стол иногда сразу же после бессонной темной ночи, и Елчанинов с Варгиным вдруг находили дверь его запертой. Тогда они не беспокоили его, зная по опыту, что это будет напрасно.

Из всех трех самым сильным и мускулистым был Елчанинов. Гигантского роста, с огромными лапищами, он был в их маленькой компании представителем физической силы и всегда выступал на первый план в тех случаях, когда приходилось сокрушать или своротить что-нибудь. Изобретательностью он не отличался, но зато был чрезвычайно исполнительен.

Барон Кирш, тоже дюжий мужчина, уступал в силе Елчанинову, но являлся неисчерпаемым кладезем ума и находчивости. Он считался поэтому умником.

Варгин был щедушный, маленький человек. Ни силы у него не было, ни особенных способностей, ни выдумки, но без него у Кирша с Елчаниновым никогда ничего не выходило как-то.

Если Кирш был умственным двигателем, а Елчанинов физическим, то Варгин являлся душою всех их предприятий. Он умел раззадорить своих друзей, взвинтить их и сообщить ту веселость, которая была необходима, чтобы сделать интересными их легкомысленные, но безобидные, в сущности, выходки.

Человек он был очень талантливый, и, живи он в другое

время, его имя было бы окружено ореолом славы и известности. Но тогда русские меценаты предпочитали поощрять иностранные таланты, покупали втридорога картины, подписанные чужестранным именем, и не доверяли своим. Надо было обладать исключительным счастьем, чтобы русскому человеку составить себе имя художника, а у Варгина такого счастья не было. Да и курс он кончил не особенно блестяще в основанной Екатериной академии художеств. Вместо этюдов с академических натурщиков, он рисовал больше карикатуры на профессоров, за что те мстили ему и выпустили далеко не по первому разряду. Волей-неволей Варгину пришлось после выхода из академии взяться за частные заказы и исполнять их, расписывая стены и плафоны в богатых домах, делая дешевые портреты да изготовляя образа по шаблону.

Однако он не унывал. Приятели звали его Петрушкой не столько по крестному имени Петр, которое он носил, сколько потому, что он, действительно, был похож по внешности на Петрушку Уксусова, известного героя уличной кукольной комедии, представлявшейся тогда в русских городах беспрепятственно. И говорил он в нос, как настоящий Петрушка.

Глава III

Варгин жил на Фонтанке у Обуховского моста, подальше от академии, с которой он, как говорил, не хотел иметь никакого дела.

Его мастерская обыкновенно служила для приятелей штаб-квартирой, откуда они отправлялись на свои подвиги и где собирались для обсуждения планов новых действий. После окраски городских они притихли на несколько дней, опомнившись, что выкинули штуку слишком смелую, и рассудив, что лучше пообождать немного с дальнейшими проделками. Поэтому они сидели у Варгина в мастерской и пили ром, закусывая его свежей малиной.

Варгину она нравилась не столько своим вкусом и запахом, сколько цветом. Он находил, что уж очень колер хорош у нее. Блюдо с ягодами стояло перед ним, и он чистил их на общую пользу.

Кирш со стаканом рома в руках развалился в кресле, единственном имевшемся в незатейливой мастерской художника. Елчанинов растянулся на софе. Она была составлена из двух деревянных ящиков, покрытых сенником, на котором лежали потертый ковер, ситцевый валик и две ситцевые же подушки.

Кроме этой мебели, в мастерской было еще несколько табуреток, стояли два мольберта и этажерка с красками, лака-

ми, бутылками масла и кипой газетной бумаги. Впрочем тарелки и горшки с красками попадались повсюду: и на полу, и на табуретках, и на столе, рядом с блюдом малины и тремя бутылками рома, из которых одна уже опустела.

На подоконнике лежал плоский камень для растирания красок. По стенам висели гипсовые руки, ноги и маски, и были прибиты оконченные, и недописанные, и брошенные этюды. На длинной полке лежало несколько книг, покрытых густым слоем пыли.

– Что же, мы так и будем сидеть? – проговорил Кириш, отпивая ром из стакана.

– Во-первых, мы не сидим, а один из нас лежит, – поправил его Варгин, показав на Елчанинова, – а во-вторых, что же нам делать?

– Да ведь скучно так!

– Почему же скучно? Разве уж нельзя добрым приятелям посидеть в компании за бутылкой рома?

– За тремя бутылками, – в свою очередь поправил Кириш Варгина, – отчего же не посидеть, но только от долгого сидения, скажу по правде, у меня поясницу ломит.

– Петрушка, расскажи что-нибудь, – пробурчал Елчанинов, зевая и потягиваясь.

Варгин встрепенулся. Он очень любил рассказывать, и так, чтобы его слушали.

– Что же мне рассказывать? – спросил он, соображая.

– Да что хочешь. Мне спать хочется. Под твои рассказы

спать хорошо.

– А вот и врешь, – заговорил Варгин, – я такую историю знаю, что и не заснешь. Хотите расскажу?

– Что ж, это страшное что-нибудь? – отозвался Кириш.

– Страшное!

– Так ты огонь засвети, – улыбнулся Кириш.

Был поздний вечер, на дворе стояли сумерки надвигающейся летней петербургской ночи.

– Нет, так в полутьме лучше, – возразил Варгин, – больше произведет впечатления.

– Да и спится лучше, – подтвердил Елчанинов, поворачиваясь на другой бок, лицом к стене.

– Знаете ли вы, – начал Варгин, – что после умершего недавно князя Верхотурова осталось наследство, неизвестно кому принадлежащее?

– Об этом, брат, все толкуют теперь, – несколько разочарованно протянул Кириш, приготовившийся было слушать.

– Ну так вот, в числе этого наследства есть между другими именьями земля под самым Петербургом.

– Что ж тут страшного? – сказал Кириш, наполняя стакан, который успел уже допить.

– погоди, все в свое время! Земля эта лежит по дороге на Варшаву, всего в нескольких верстах от заставы. Там есть трактир...

– Вот это хорошо! – одобрил Кириш.

– Трактир-то скверный, – продолжал Варгин, – да не в

нем дело, а в сторону от дороги и от этого трактира находится господский дом со службами, словом, усадьба целая. Она стоит заколоченная, и никто не живет в ней, даже сторожа нет. Умерший князь никогда не бывал там, да и никто не решается, говорят, туда отправиться. Нечистое место! Князь послал туда – давно уже это было – насильно крепостного человека сторожем. На другую же ночь, как он поселился там, нашли его мертвым. С тех пор дом со службами стоит там необитаемый. Окна и двери заколочены досками, двор летом зарастает бурьяном, а зимой покрывается снегом, так что и не проберешься. Между тем молва говорит, что по ночам виднеется там свет, слышатся стоны, стучат цепи, и тени мелькают внутри.

– Какие же цепи стучат там? – спросил Кириш.

– Разве ты не знаешь, что призраки всегда тащат за собой цепь из грехов, содеянных ими при жизни? – уверенно пояснил Варгин.

– Вот оно что! – сказал Кириш. – Но почему же эти призраки облюбовали этот пустой дом князя Верхотурова?

– А вот тут-то и начинается история, которую я хочу рассказать.

– Ну, рассказывай!

Варгин отпил рому, поправился на табурете, облокотился на стол и стал рассказывать.

Глава IV

– Этот дом построен был около девяноста лет назад, почти при самом основании Петербурга, прадедом ныне умершего князя Верхотурова. Тогда император Петр насильно заставлял знатное дворянство переезжать в Петербург и возводить хоромы на Васильевском острове.

Прадед князя Верхотурова, князь Иван Андреевич, принадлежал к старомосковской партии, не одобрявшей заграничных новшеств Петра Первого. Однако послушаться императора он не посмел, явился в Петербург и выстроил себе, как было указано, хоромы на Васильевском острове. Невмоготу только ему было жить здесь. Тут все шло по-новому, а князь Иван Андреевич был человек старого закала, и все в Петербурге ему не нравилось. Тогда он придумал построить себе загородный дом и обстроить его по-старинному, чтобы можно было жить тут, как ему хотелось, ничем не стесненному, а хоромы на Васильевском острове держать только для вида. Тогда земля под Петербургом продавалась почти за бесценок. Князь купил себе кусок леса, вырубил в нем поляну и построил тут себе дом со службами, с баней, амбарами и сараями – все, как следует. Официально жил он якобы на Васильевском острове, но на самом деле проводил все время в своем загородном доме, где жизнь шла на московский лад, с шутихами и шутами, с блинами и пирогами, без табач-

ного дыма, вдали от ассамблей и маскарадов. У князя было два сына. Один, старший, был не любимый им. Он служил в войске, предавался курению заморского зелья и всей душой был предан новому заведенному строю. Второй, младший, сын князя являл полную противоположность старшему брату. Тихий, скромный, послушный, он не перечил воле отца и проводил время в уединении. Старшего звали Максимом, младшего – Михаилом.

Благодаря своему богатству князю Ивану Андреевичу удалось так сделать, что молодой князь Михаил только числился на службе, но на самом деле жил свободно дома.

Любимым его занятием была соколиная охота. Охотиться он предпочитал без загонщиков, без свиты, в одиночку. Возьмет своего сокола, сядет на коня, уедет и целый день пропадает. В одиночку с соколом трудно охотиться, даже почти невозможно, но князю Михаилу это-то, по-видимому, и нравилось. Редко возвращался он с добычей, зато, когда такая попадалась ему, счастлив он был чрезвычайно.

Других развлечений, кроме охоты, у князя Михаила не было, да он и не искал их. Из загородной отцовской усадьбы в Петербург он даже зимой не выезжал, никого, кроме домашних своих, не видел, однако вполне довольствовался этим.

Среди домашних была девушка, воспитанница князя, сирота, дочь его соседа и приятеля, разорившегося вконец. Звали ее Марфушей, и красоты она была неписаной. Старый

князь водил ее по-старинному: в сарафане, шубейке и кике, и русский наряд был так ей к лицу, что лучшего и придумать было нельзя. Однажды старый князь призвал к себе сына Михаила и говорит ему: «Пришло тебе время жениться, князь Михаил, ну, так вот я тебе невесту сыскал». Побелел, как полотно, князь Михаил, стоит ни жив ни мертв и, что ответить, не знает. «Что же ты молчишь, – спрашивает старый князь, – или на мой выбор не надеешься?» Князь Михаил сделал над собой усилие и проговорил, что из воли родительской выходить не желает и что, как ему родитель прикажет, так он и поступит. «Только по нраву ли тебе придется невеста, которую я выбрал для тебя?» – спрашивает старый князь. Совсем опустил голову Михаил и едва выговорил: «Если она по нраву вам, батюшка, так и мне будет по сердцу». – «Ну, так вот бери за себя Марфушу, даю я тебе на это свое родительское благословение». Князь Михаил вдруг переменялся весь; никак не ожидал он, что избранная ему отцом невеста была бедная сирота Марфуша. А с Марфушей они давно уже поладили, во всем, как следует, объяснились и поклялись друг другу в вечной любви до гробовой доски. Обрадовался он, ног под собой не чувствовал, стал благодарить отца, а тот только посмеивается. С этого дня стали Марфуша и князь Михаил жених и невеста.

Раз сидят они вечером, – дело было летом, – вдруг раздаются бубенцы на дороге, и подкатывает к крыльцу тройка с колымагой, а в колымаге сидит князь Максим. Приехал

он к отцу за деньгами, без которых ему неведомо жить стало. Иван Андреевич встретил сына не особенно дружелюбно, однако не прогнал его, потому что Максим был на службе по воле царской и кроме этого ничем другим не досадил отцу. Он почтительно приветствовал старого князя и остался жить в усадьбе, сначала выжидая удобного случая, чтобы поговорить с отцом о деньгах, а потом задержался тут и по другому случаю: приглянулась ему красавица-невеста брата, и от любви к ней обезумел совсем он.

Варгин на несколько минут прервал свой рассказ, а затем, снова выпив большой глоток рома, продолжал:

– Раз отправился, по своему обыкновению, князь Михаил на охоту и целое утро провел в поле. К обеду возвращался он домой через лес и здесь встретился с братом, у которого в руках была огромная железная лопата. Сразу было заметно, что с князем Максимом происходит что-то странное, что ему не по себе: и глаза горели как-то особенно, и бледность на щеках была необычайная. «Что с тобой, – спросил его князь Михаил, – и что ты тут делаешь?» У Максима дрожали и руки, и ноги. «Клад ищу! – ответил он. – Понимаешь ли? Клад! Я уже большую яму выкопал. Хочешь помочь мне, тогда мы поделим пополам добычу». Князь Михаил ответил, что клада ему не нужно. «Ну, так просто помоги мне, – стал просить его Максим, – потому что я очень устал, а работу откладывать на завтра нельзя: клад уйдет завтра еще глубже в землю». Уговорил он брата, тот слез с лошади, привязал

ее к дереву, посадил на седло сокола и пошел за Максимом. Последний привел его к широкой яме, выкопанной им, и, как только князь Михаил приблизился к ее краю, ударил его сзади лопатой по голове и раскроил ему череп надвое. Убитый упал в яму, а Максим засыпал его землей, но только стал ее сравнивать, как слетел с дерева ворон, забил крыльями и затоптался на месте. Максим и его убил лопатой, закопал тут же, потом сравнял все, завалил камнями и мхом, так что и узнать нельзя было, что это место раскопано. Вернулся он домой как ни в чем не бывало.

Прошел день, наступил вечер. Князь Михаил не возвращался. Хватились его и стали беспокоиться. Наконец дворецкий пришел доложить, что прилетел домой сокол князя Михаила и пришла его лошадь, а самого его нет. Максим, уходя из леса, догадался отвязать лошадь брата от дерева. Все в усадьбе переполошились, и больше всех сделал вид, что беспокоится, Максим; он поднял весь дом на ноги и целую ночь со слугами рыскал по лесу, якобы ища брата. Казалось, он был в отчаянии и в такой горе, что Марфуше и старому князю пришлось утешать его.

Князя Михаила не нашли, он пропал без вести. Долго горевали о нем, но мало-помалу горе улеглось, а между тем Максим остался жить у старого князя и так ловко подделался к нему, что сумел заменить младшего брата, а через год отец души в нем не чаял.

С Марфушей Максим старался быть ласковым и привет-

ливым, но она относилась к нему с каким-то безотчетным и необъяснимым страхом. Когда дело дошло до того, что старый князь, по просьбе Максима, благословил его на брак с нею, Марфуша залилась горькими слезами, но ее не спрашивали, и возражать она не смела. Она была объявлена невестой Максима, и ее повели с ним под венец; ее слезы были приняты как должное, потому что, по старому обычаю, девушке приличествовало плакать, идя под венец.

В день этой свадьбы небо к вечеру покрылось тучами и разразилась страшная гроза. Марфуша, придя в опочивальню, заперла за собой дверь и в страхе прислушивалась к бушевавшей на дворе непогоде. Вдруг ночник погас, и в дверь раздался стук. «Кто там?» – спросила Марфуша. «Это я... я... твой муж, – шепотом ответили ей из-за двери. – Отвори скорее!» Марфуша в темноте отперла дверь и услышала, как за вошедшим мужем словно впорхнуло что-то в комнату и заколыхало крыльями по воздуху. «Ой, страшно!..» – А вошедший обнял ее и стал уговаривать, что нечего ей бояться с ним, с ее любящим мужем, с которым ее соединила их вечная и неразлучная любовь. Он обнял ее, стал целовать, она почувствовала прикосновение его губ; они были холодны как лед. «Что с тобой? Ты озяб?» – спросила она. «Ничего, ты согреешь меня!» – ответил он. Через некоторое время в дверь опять постучали, и ясный голос Максима проговорил: «Впусти меня, жена! Теперь я могу войти к тебе?» Марфуша бросилась с кровати к двери, засов отошел сам собой,

дверь отворилась, и на пороге показался Максим со свечой в руке. Комната осветилась, на постели лежал бездыханный труп Михаила с разбитым черепом, а в изголовье на подушке был распластан черный ворон, широко раскрывший свои мертвые недвижимые крылья.

– Вот так история! – сказал Кириш. – Что же с ними потом было? Или легенда умалчивает о дальнейшем.

– Нет, – возразил Варгин, – рассказывают, что Марфуша и князь Максим, увидев труп и ворона, как были, так и грохнулись на пол. Наутро их нашли так лежащими. Князь Максим был мертв, только Марфуша без памяти. Ее привели в чувство, но она оказалась помешанной. Кроме того, язык отнялся у нее, и она до самой смерти не проронила ни слова. А умерла она ровно через девять месяцев после этой свадебной ночи... родила сына, и умерла.

– Ну а труп? – спросил Кириш.

– Какой труп? Князя Максима? Его похоронили.

– Нет, того, другого, Михаила, что ли, который в постели очутился.

– Тот к утру исчез.

– И с вороном?

– Да.

– И никто, значит, его не видел, кроме Марфуши и князя Максима.

– Никто.

– Так как же, братец, о нем узнать-то могли? Если Максим

тут же умер, а Марфуша помешалась и лишилась языка, кто же мог рассказать о том, что являлся труп и все прочее? И выходит, все это – ерунда, бабьи сказки и только!

И в подтверждение такого своего вывода Кирш обратился к софе, где лежал Елчанинов, и добавил:

– Вот и он подтвердит тебе то же. Елчанинов, правду я говорю?

Но Елчанинов не ответил ничего; только легкий свист, который он производил носом, показал, что он спит крепким сном.

Варгин обиделся.

– Э, не знаю, – стал он оправдываться, – бабьи сказки это или нет, только так рассказывают, а истина из всего этого та, что с тех пор в усадьбе по ночам привидения гуляют и никто и близко к дому подойти не смеет.

– Чепуха! – сказал Кирш.

– Как чепуха? Может, хочешь попробовать?

– Что попробовать?

– Да вот в этот дом ночью съездить и побывать в нем.

– А отчего же нет? – подхватил Кирш. – Отчего нам в самом деле не поехать туда? Ты едешь?

Варгин поднял брови, поджал губы и, подумав, ответил:

– Когда же ты хочешь ехать?

– Да сейчас. Теперь дело к ночи идет. Как раз поспеем.

– Поспеть-то мы поспеем, – протянул Варгин, – только рому-то выпито много.

– Ну что ж? Тем веселее будет!

– И то правда, – согласился Варгин.

– Значит, решено? Едем?

– Едем!

У Кирша, Елчанинова и Варгана решения всегда принимались так, вдруг, и сейчас же приводились в исполнение. И, чем дело было сложнее, тем охотнее они брались за него.

Кирш стал будить Елчанинова, тряся его за плечо.

– Вставай, брат, – сказал он, когда тот открыл глаза и, щурясь спросонок, бессмысленно глядел перед собою.

– Что-о? – протянул Елчанинов, еще не придя в себя.

– Вставай, говорят тебе, едем... Мы с Варгиным решили ехать.

– Куда ехать?

– В дом с привидениями.

– С какими привидениями?

– С самыми настоящими.

– Откуда вы взяли их?

– Так ты, значит, ничего не слышал?

– Должно быть, ничего, я спал.

– Ну, так вставай и едем!

Елчанинов сел на софу, потянулся, сладко зевнул и проговорил:

– Ну что ж? Ехать – так ехать.

Однако для задуманной экспедиции потребовались кое-какие приготовления.

Во-первых, нужно было найти, на чем ехать, потому что идти пешком было далеко. За это взялся Варгин, у которого был поблизости знакомый чухонец. У него компания не раз уже брала лошадь и таратайку. Чухонец отдавал им свой экипаж охотно, потому что платили они щедро, а правила умеючи.

Во-вторых, нельзя было ехать вовсе безоружными. На всякий случай осторожность требовала захватить с собой заряженные пистолеты. За пистолетами отправился Елчанинов к себе домой.

Наконец, в-третьих, требовались деньги для уплаты чухонцу и на расходы в трактире на дороге вблизи таинственного дома. Не будь там этого трактира, экспедиция потеряла бы свою прелесть.

Однако денег ни у кого не было. Последние были истрачены на три бутылки рома и малину.

– Как же быть? – спросил Варгин. – Неужели откладывать?

Он по опыту знал, что если уж они отложат что-либо, так наверняка оно не состоится потом.

– Чепуха, – сказал Кирш, – я денег достану.

– Да откуда же ты их достанешь теперь, почти ночью? – усомнился Варгин.

– Ну, вот вздор! Достану! – и Кирш отправился за деньгами.

Через час, не больше, все трое опять сошлись в мастер-

ской. Варгин привел чухонскую лошадку с таратайкой. Елчанинов принес пистолеты. Кирш явился с пятью целковыми.

– Хватит? – спросил он только, не объясняя, откуда и как получил эту сумму.

– За глаза! – решил Варгин.

– Ну, едем, – сказал Елчанинов. – Садитесь!

Сели и поехали.

По дороге Кирш не утерпел: остановил таратайку (он правил лошадей), слез и стал стучать в окно к булочнику, перед домом которого вылез. Хозяева ее, по-видимому, спали. Кирш не смутился этим и стучал до тех пор, пока в отворившуюся форточку не показалось заспанное лицо булочника в ночном колпаке.

– У вас сдобные булки есть? – серьезно спросил Кирш.

– Есть, – ответил булочник.

– И белый хлеб?

– И белый хлеб.

– И слоеные булки?

– Соленые? – переспросил немец-булочник, не расслышав.

– Нет, слоеные.

– Есть и слоеные.

– А белый хлеб хороший?

– Очень хороший.

– Ну вот, а у многих и дурного черного нет! Спокойной ночи! Спите в свое удовольствие, если у вас столько хлеба! –

и Кириш, вежливо приподняв шляпу, повернулся к своей таратайке.

Булочник сердито заворчал и захлопнул форточку.

– А ведь гроза будет, – заметил Варгин, глядя на небо, которое действительно заволакивало тучами, – ишь, и ветер какой поднялся.

Ветер, по мере того как ехали они, дул сильнее и сильнее. Дул он порывисто, и его порывы становились все чаще и неистовее.

– Да, такой ветер непременно тучи нагонит, – подтвердил и Елчанинов.

– И все ты врешь, – сказал Кириш. – Это так бабы только говорят: «Ветер нагнал тучи» и «Ветер разогнал тучи», смотря по тому, что им хочется. Почему ты знаешь, что он нагонит их, а не разгонит?

– А ты не придирайся к словам, – остановил его Варгин, – лишь бы нам добраться сухими до места, а там в грозу даже лучше будет – страшнее. Привидения-то в непогоду главные балы свои и дают.

Сумерки петербургской летней ночи становились все гуще и гуще, так что дорогу можно было различить только благодаря черным пятнам росших по ее сторонам деревьев.

Было совсем темно, и появились уже крупные капли дождя, когда друзья подъехали к освещенному трактиру. Тут торговали всю ночь, в особенности в такую, какая выдалась на этот раз. Можно было ждать, что проезжие завернут сюда,

чтобы укрыться от непогоды, и потому трактир был освещен сверху донизу.

Когда три приятеля поднимались по узкой скрипучей деревянной лестнице в верхнюю горницу, служившую чистой половиной и предназначенную для благородных гостей, блеснула молния и раздался первый удар грома. Хозяин, показывавший с фонарем дорогу гостям, вздрогнул и перекрестился. Дождь вдруг полил ручьем и захлестал в маленькие окна чистой горницы, куда хозяин, ввел приезжих.

Эта горница была чистой только по названию, на самом же деле спертый ее воздух и грязь по стенам, лавкам и столам свидетельствовали о совершенно противоположном.

– Вовремя доехали! – сказал Кирш, прислушиваясь к звукам грозы. – Ну, вот что, борода, – обратился он к хозяину, – ты приготовь нам, во-первых, водки, потом пива английского, потом самовар поставь да закусить что-нибудь сделай: яичницу-глазунью, что ли.

– Это можно, – согласился хозяин, – сию минуту все подадим.

– Нет, ты не торопись, – остановил его Кирш, – подашь все это впоследствии. Мы сейчас пойдем, а потом вернемся и будем закусывать.

Хозяин поглядел на него, вытаращив глаза, и отшатнулся даже, недоумевая, куда можно было идти в такую погоду.

– Тут, говорят, есть поблизости усадьба князя Верхотурова, – заговорил Варгин, – так вот ты нам расскажи, как по-

пасть в нее.

– С нами крестная сила! – произнес хозяин и опять перекрестился. – Вы хотите идти туда?

– Вот именно! – сказал Кириш.

– В такую-то ночь?

– Это не твое дело; отвечай на то, о чем у тебя спрашивают.

Хозяин снова закрестился и замахал руками.

– И говорить не хочу про это проклятое место. Виданное ли дело, чтобы кто-нибудь ночью туда идти посмел? Да и дороги-то в такую темень не найдете.

Новый блеск молнии и раздавшийся без перерыва вслед за нею удар грома заставили на этот раз вздрогнуть всех. Удар был такой оглушительный, что молния должна была упасть где-то очень близко.

– Ишь его как! – сказал Кириш, оглядываясь на окно. – Ну, так что ж, борода, в какую сторону усадьба? А?..

– Отпустите, господа добрые! – взмолился хозяин. – Не пугайте! Мне и говорить-то об этом страшно!

– Да что ты дурака ломаешь? – начал было до сих пор молчавший Елчанинов, но остановился, потому что в это время сквозь стоны грозы слышались отчаянные крики нескольких голосов.

– Там случилось что-то! – сказал Варгин и бросился к двери.

Хозяин юркнул впереди него, внизу слышались тяже-

лые шаги, и несколько людей, с трудом переступая с ноги на ногу, стали подниматься по лестнице, неся на руках человека с окровавленным лицом, по-видимому, лишившегося сознания.

Глава V

Оказалось, что почти перед самым трактиром опрокинулся на ухабе огромный дормез, следовавший на почтовых. Лошади испугались громового удара, ямщик не справился с ними, они рванули в сторону и опрокинули попавший в это время в ухаб экипаж. Ямщик и лакей, сидевшие на козлах, угодили в грязь и отделались легкими ушибами, а бывший в дормезе господин не обошелся так счастливо. При падении тяжелая шкатулка ударила его углом в голову, так что его вынули из дормеза окровавленного и в бесчувственном состоянии. Это был иностранец, французский эмигрант, покинувший, как объяснил его лакей, родину ввиду тех неприятностей, которые чинила там дворянам народившаяся республика. Лакей был поляк, живший в Париже и говоривший по-французски. Он все всплескивал руками и жалобно стонал, повторяя: «Jesus, Maria».

Раненого уложили на тюфяке на скамейку в чистой горнице, и Кирш, Елчанинов и Варгин, забыв уже о первоначальной цели своего приезда сюда, стали ухаживать за ним.

Рана оказалась серьезной, крови вышло слишком много, и можно было опасаться сотрясения мозга.

Сделали перевязку, положили лед на голову; распорядился всем Кирш, но больше всех хлопотал Варгин.

Часа через полтора раненый очнулся, открыл глаза и по-

вел ими вокруг, как бы спрашивая, где он и что с ним произошло.

Лакей нагнулся над ним и, называя его маркизом, стал спрашивать, где у него болит и как он себя чувствует. Маркиз узнал своего слугу, улыбнулся ему и пристально уставился на Кирша.

Тот, свободно владевший французским языком, назвал себя и своих двух товарищей, объяснив, что они рады служить, чем могут, иностранному гостю и помочь ему в его несчастье.

– Где я? – спросил маркиз, закрыв глаза и снова открывая их.

Ему объяснили.

Веки француза опять опустились, он стал тяжело, но ровно дышать, словно погрузился в глубокий сон.

– А как фамилия маркиза? – шепотом спросил Варгин у его лакея.

– Маркиз де Трамвиль! – значительно произнес тот, подымая брови.

– Он французский дворянин?

– Аристократ, – сказал лакей.

– В первый раз в России?

– В первый!

– Никогда не был тут?

– Никогда!

– И не говорит по-русски?

– Ни слова!

– Вы давно у него служите?

– Нет, недавно. Пан нанял меня в Познани за то, что я говорю по-русски.

По-русски говорил он очень плохо, с сильным акцентом и часто вставлял в свою речь польские слова.

– А вы не знаете, – продолжал спрашивать Варгин, – где маркиз должен был остановиться в Петербурге?

– Того совсем не знаю! – покачал головой лакей.

– Есть у него, по крайней мере, здесь кто-нибудь, кому можно было бы дать знать о случившемся с ним?

– И того не знаю!

– Как же быть? – обратился Варгин к товарищам. – Ведь нельзя же оставлять его здесь, на перепутье!

– Да и везти никуда нельзя, – сказал Кириш, – пожалуй, не выживет. Похоже на то, что дай Бог, чтобы до завтра дожил.

– Вот жизнь-то человеческая! – философски заметил Варгин, глядя на молодое, нежное и красивое лицо маркиза, – ведь какой молодец, подумашь! Если бы ему сегодня утром сказали, что вечером он будет накануне смерти, он, конечно, не поверил бы, а теперь...

Маркиз вдруг поднял глаза и, словно в ответ на слова Варгина, произнес ясно и отчетливо на французском языке:

– Я умру!

Эти два слова Трамвиль произнес так неожиданно, что никто в первую минуту не нашелся, что ответить ему, и во-

дворилось неловкое и долгое молчание.

– Я умру, – повторил маркиз, – я это чувствую. Станислав! – позвал он, не поворачивая головы, двинуть которую был не в силах, и только глазами ища своего слугу.

Станислав, стоявший у изголовья, подошел и стал так, чтобы его было видно больному.

– Шкат... шк... – невнятно пробормотал тот заплетающимся уже языком.

Сделанные им усилия, чтобы проговорить несколько слов, заставили его снова ослабеть.

– Шкатулку? – подсказал Станислав, видимо научившийся уже понимать барина с полуслова.

Трамвиль закрыл глаза, как бы сказав этим: «Да!». Станислав взял со стола тяжелую, окованную скобами шкатулку и поднес ее.

– Открыть?

Маркиз опять показал глазами, что «да».

Шкатулка была та самая, которая при падении экипажа причинила все несчастья, ударив углом в голову бедного Трамвиля.

Станислав открыл ее.

Там стоял в бархатных гнездах ряд пузырьков и флаконов, так надежно помещенных, что ни один из них не разбился. Правда, они были сделаны из прочного, граненого, очень толстого хрусталя.

– Крайний... в... левом... углу... – напрягая все свои си-

лы, выговорил маркиз.

Тут на помощь Станиславу пришел Кирш. Он скорее поляка распознал, какой угол считать левым, достал флакон, показал его Трамвилю и спросил:

– Этот?

Трамвиль закрыл глаза.

– Сколько капель?

– Три.

– Три капли только, на стакан воды? – переспросил Кирш.

– Да!

Кирш налил воды в стакан, капнул три раза из флакона ярко-красной, цвета чистого рубина, жидкости, отчего вода не порозовела, а приняла только перламутровый оттенок, и снова спросил:

– Дать вам это выпить?

– Да, да!.. – показал глазами маркиз.

Кирш осторожно поднес к его губам стакан со странным лекарством и бережно почти вылил ему в рот его содержимое.

Через несколько минут глаза Трамвиля широко открылись, он улыбнулся и заговорил бодро и свободно. Три капли сделали чудо, вернув ему, полуживому, жизнь.

– Чем ушибся, тем и лечись, – заметил Варгин. – Шкатулка ушибла, в ней же и лекарство оказалось.

– По всей вероятности, удар, полученный мной в голову, не обойдется без серьезных последствий, – заговорил мар-

квиз. – Рана, вероятно, не опасна, но по тому состоянию, в котором я только что находился, можно судить, что существуют несомненные признаки мозговой горячки.

Тогда почти всякую болезнь называли «горячкой».

– Светлый промежуток, который позволил мне очнуться, – продолжал маркиз, – и который я решился поддержать и продолжить приемом сильного средства, скрытого в каплях этого эликсира, – не что иное, как вспышка угасающей лампы, которая вдруг блеснет, перед тем как окончательно потухнуть. – Трамвиль приостановился, как бы испугавшись, не слишком ли он говорит многословно и поспеет ли договорить то, что ему было нужно. – Силы скоро снова оставят меня, – сказал он, – и, может быть, не вернуться. Но я не могу умереть, не исполнив до конца того, зачем приехал сюда. Надеяться на выздоровление трудно.

– Отчего же? – начал было Киш. – Может быть, и обойдется?

– Дайте мне договорить, пока я могу это сделать, – перебил его Трамвиль. – Я вижу, вас трое возле меня добрых людей, принявших во мне участие. Судьба, пославшая мне, может быть, последнее испытание, столкнула меня при этом с вами, точно желая все-таки оказать мне помощь. Дайте же мне слово, что вы исполните мою просьбу...

– Что он говорит? – спросил Варгин, не понимавший по-французски.

Елчанинов понимал, хотя говорил плохо.

– Он просит нас что-то исполнить для него, – пояснил Кирш.

– Ну, конечно, мы согласны! – решил Варгин.

– Говорите, – сказал Кирш Трамвилю, – мы готовы слушать вам.

– И даете слово, что все сделаете так, как я скажу?

– Даем.

– Немедленно, то есть сегодня же на рассвете?

– Когда угодно, хоть сегодня на рассвете.

– Тогда слушайте, – проговорил Трамвиль и начал объяснять, в чем состояла его просьба.

Он лежал, неподвижно вытянувшись на скамейке, с обвязанной головой, не шевелясь, но говорил отчетливо, словно владел всеми своими силами. Эта бодрость его голоса составляла странную и резкую противоположность с полным бессилием его тела. Казалось, на скамейке лежал не живой человек, а покойник, который вдруг заговорил, и речь его жутко звучала в освещенной сальными свечами закопченной «чистой» горнице придорожного трактира.

Гроза на дворе унялась, и только изредка раздавались раскаты удалявшегося грома.

– Я не могу двинуться, – сказал Трамвиль, – боюсь, что всякое лишнее усилие скорее заставит наступить забытье. У меня на груди надета замшевая сумка на тесемках; снимите ее!

Кирш распахнул ему ворот рубашки и достал сумку. Труд-

но было, не беспокоя больного, снять ее ему через голову. Кирш обрезал тесемки.

– Так, – одобрил маркиз. – В этой сумке лежит письмо. Вы возьмете его и сегодня же на рассвете отправитесь в Зимний дворец.

– В Зимний дворец? – переспросил Кирш.

– Да, и если государь император сегодня там...

– Это письмо к государю? – удивился Кирш.

– Я забыл попросить вас еще об одном, – сказал Трамвиль, – не спрашивайте меня ни о чем, потому что большего, чем я скажу вам, я не могу сказать, и отправляйтесь в Зимний дворец, и если государь император там, то спросите придворного арапа Мустафу и отдайте ему письмо. Не рассказывайте ничего о том, как и откуда очутилось оно у вас. Если Мустафа будет спрашивать, отвечайте ему только: «Он жив в сыне». Тогда он замолчит, пойдет и передаст письмо, кому следует. Подождите. Он принесет ответ. Этот ответ немедля привезете сюда, ко мне.

Кирш выслушал очень внимательно и, казалось, все отлично запомнил.

– Все-таки я должен спросить вас, – проговорил он, – если государя нет в Петербурге, а он, что вероятнее всего, теперь в Петергофе, то как мне поступить?

– Государь здесь, в Петербурге, – уверенно произнес Трамвиль, – будьте спокойны. Если его даже вчера утром не было, вечером он приехал наверняка и почивал в Зимнем

дворце. Поезжайте туда смело и сделайте все, как говорят вам.

«Вот так штука! – думал Кирш, внутренне улыбаясь. – Ехали, чтобы встретиться с привидениями, и вдруг маркиз, Зимний дворец, арап Мустафа... Странные случаются на свете положения!»

– Теперь, – продолжал между тем Трамвиль, – выньте верхнее отделение шкатулки с флаконами... Станислав!..

Лакей поспешил исполнить приказание. Под флаконами шкатулка была разделена надвое. С одной стороны были насыпаны золотые монеты, с другой – лежало несколько связок писем и бумаг.

– Ого, сколько золота! – проговорил Варгин. – Он, должно быть, богатый.

– погоди, не мешай, – остановил его Елчанинов.

– Возьмите эти бумаги, – сказал маркиз, – и отвезите их на яхту, остановившуюся на Неве. Яхта называется «Сирена» и принадлежит леди Гариссон.

– Что он говорит? – опять спросил Варгин, не понимавший по-французски.

Кирш перевел ему.

– Я думал, он нам хочет подарить свое золото! – несколько разочарованно протянул Варгин. – Впрочем, на яхту ехать – это тоже хорошо. Я с удовольствием поеду... Все-таки интересно...

Письма и бумаги были переданы Варгину. Он обещал до-

ставить их на яхту сегодня же на рассвете.

– Затем последнее... самое важное для меня, – сказал маркиз заметно уже ослабевшим голосом (силы, видимо, оставляли его, и действие возбуждающего лекарства проходило), – пусть третий из вас поедет в дом к князю Верхотурову...

– Князь Верхотуров умер несколько дней тому назад, – заметил Кирш.

Трамвиль продолжал, как бы не слушая:

– Отвезет туда перстень, который у меня на безымянном пальце, и расскажет все, что со мною случилось... Это самое важное для меня... Умоляю... Сделайте!

– Да князь Верхотуров умер, – повторил опять Кирш.

– Не князю расскажет, а...

Трамвиль не договорил. Судорога исказила ему лицо, все тело дрогнуло, и маркиз замер недвижимый и безжизненный.

– Пан кончается! – проговорил поляк-лакей, сложив руки.

Кирш нагнулся к больному.

– Нет, еще дышит, – успокоил он. – Снимите же с его руки перстень!

– Я боюсь, – заявил поляк.

– Да куда же я поеду с этим перстнем и кому стану рассказывать? – спросил Елчанинов. – Ведь он не договорил... Подождем, может, он еще очнется.

– Едва ли! – сказал Кирш, смело наклоняясь к Трамви-

лю. – А ехать тебе все-таки надо в дом князя Верхотурова. Не найдешь там никого – дело другое, а ехать – поезжай... Мы обещали ему.

– Что ж, я поеду! – согласился Елчанинов.

Кирш снял перстень и отдал его Елчанинову.

Глава VI

До рассвета друзья решили не оставлять больного.

Варгин заявил, что он просидит возле него всю ночь. Елчанинов сказал, что сидеть не может, потому что все равно заснет, и лег на скамейку под окна. Кириш ничего не сказал, но, оказалось, один он всю ночь провел без сна у изголовья Трамвиля. Собравшийся бодрствовать Варгин быстро заклевал носом и захрапел, положив руки на стол и беспомощно опустив на них голову. Поляк-лакей расположился на полу. Кириш заставил его лечь и подкрепиться сном, чтобы потом он мог ухаживать за своим барином, когда они уедут и он останется при нем.

Положение Трамвиля было очень серьезно. Однако жизнь не оставляла его. В середине ночи дыхание как будто стало яснее, и маркиз несколько раз бредил, ясно произнося слова. К утру он снова едва дышал.

На рассвете Кириш разбудил товарищей и Станислава и, передав ему попечения о больном, сам заложил чухонскую лошадку в таратайку.

Сонный Елчанинов и едва проснувшийся Варгин, лениво потягиваясь, сели в экипаж. Но утренний свежий воздух быстро заставил их разгуляться.

– Станный этот маркиз, – сказал, когда они тронулись, Кириш, молчавший до сих пор все время.

– Чего страннее! – подтвердил Варгин. – Одно слово – француз.

– В том-то и странность, что он выдает себя за француза, ни слова не понимающего по-русски, – пояснил Кирш, – а между тем ночью в бреду он произнес несколько слов чисто русских и выговорил их совершенно правильно.

– Какие же это слова? – любопытствовал Варгин.

Кирш ему не ответил.

Въехав на заставу, они расстались. Варгин отправился в тарантайке домой, чтобы сдать лошадь чухонцу и затем везти порученные ему бумаги на яхту. Их он положил в нагрудный карман и поддерживал все время рукой, из боязни потерять.

Кирш с Елчаниновым пошли пешком до извозчиков. Идти им пришлось долго, почти до Ямской слободы, где они встретили наконец два «калибра», то есть дрожки того времени, на которые седоки помещались верхом.

Усевшись на такой, не отличавшийся особенными удобствами, экипаж, Кирш, простившись с Елчаниновым, затрясся по бревнам старомодной мостовой, на главных улицах уже замененной камнем, но сохранявшейся еще тогда в Петербурге на окраинах. Бревна, положенные рядами поперек улицы, ходили в иных местах под дрожками, как клавиши. Положение седока, сильно напоминало положение морского пассажира во время качки на корабле, но обыватели в силу привычки мирились с этим.

Кирш тоже покорно сносил посланную судьбой пытку, и

только когда экипаж уж очень встряхивало, у него вырывалось отчаянное восклицание:

– О, чтоб тебя!

Однако извозчик со своим выпущенным на спину из-за ворота жестяным номером на ремешке не принимал этих слов на свой счет, делал вид, что погоняет лошадь, и дергал вожжами, как будто говоря кому-то:

– О, чтоб тебя!

Был ранний час утра, и улицы пустовали. Но мало-помалу стали попадаться на них чиновники, спешившие в присутственные места, и так же, как Кирш, покорно выносили пытку извозчичьей езды.

Еще недавно, при мудром управлении блаженной памяти императрицы Екатерины II, чиновники почти совсем не бывали на службе, руководясь пословицей, что «дело-де не волк, в лес не убежит»; но теперь, при новом государе, Павле Петровиче, они должны были ежедневно являться к своим местам в шесть часов утра. Порядки изменились. Кто хотел служить, должен был подчиняться им. Еще не отворялись лавки, еще кухарки не выходили со своими корзинками на базар, а уже сгорбленные, с перекосившимися от вечного писанья плечами фигуры чиновников мелькали на улицах...

Когда Кирш въехал на Невский проспект, пробуждение города стало заметнее.

Странный вид представляла тогда лучшая улица русской северной столицы: наряду с большими зданиями, не усту-

павшими своим великолепием дворцам, тянулись деревянные заборы и попадались одноэтажные деревянные домики с покосившимися мезонинами. Возвышалась постройка католической церкви, а Казанский собор представлял собой низенький четырехугольный корпус с неуклюжей колокольней по типу собора в Петропавловской крепости. Аничков и Поллицейский мосты были подъемные, на цепях, с павильонами по углам.

Гостиный двор, похожий скорее на базар или рынок, был облеплен ларями мелких торговцев. Магазинов было мало. Попадались вывески аптек с нарисованными на них чашами, в которые, обвив их, опускают голову змеи. Помещенные над лавками надписи часто вовсе не соответствовали тому товару, который можно было найти в них. В помадной лавке продавалась свежая сельтерская и пирмонтская вода; в овощной линии, в лавке Ярославской мануфактуры, предлагали покупателям русские песни с нотами для фортепиано, «которые и на скрипке можно играть»...

Длинный и широкий Невский проспект был обсажен по обеим сторонам деревьями, правда, довольно тощими, которые росли без всякого за ними ухода. Грязь, пыль и нечистоты царили повсюду, и это неустройство ничуть не уменьшалось, хотя по всему проспекту тянулся ряд хорошо знакомых Киршу будок для блюстителей порядка. От этих будок, раскрашенных косыми полосами – черными и белыми, – немилосердно рябило в глазах.

Год тому назад, когда государь возвращался из Москвы после коронации, военный губернатор Петербурга Архаров императорским именем распорядился, чтобы к приезду Павла Петровича все заборы обывательских домов были выкрашены одинаково, под стать будкам, – косыми черными и белыми полосами. Распоряжение последовало внезапно, и на исполнение его было дано так мало времени, что в Петербурге вздорожала в один день чуть ли не вдвое черная и белая краска.

Архаров думал доставить этим удовольствие государю, но Павел Петрович, разумеется, рассердился на такую нелепость, и Архаров лишился места.

С ним вместе выгнали со службы полицмейстера Чулкова, за его безобразные распоряжения, в силу которых сено страшно вздорожало.

Варгин все это изобразил в карикатуре, ходившей потом по всему городу и вызывавшей неразрешимые догадки о том, кто ее автор. Он нарисовал Архарова, лежавшего в гробу, выкрашенном косыми черными полосами, как полицейские будки, по четырем углам изобразил уличные фонари, а в изголовьях гроба – Чулкова в полной парадной форме, плачущего и вытирающего глаза сеном. Эта карикатура почему-то вспомнилась Киршу, и он улыбнулся, подумав о ней.

Солнце уже взошло и светило яркими лучами. Воздух был чистым и теплым. После вчерашней грозы наступал хороший, ясный день.

Кирш слез и отпустил извозчика, не доезжая до Зимнего дворца, потому что не счел удобным подъезжать на калибре к императорской резиденции.

Большое здание дворца с колоннами и вычурными украшениями широко растянулось и показалось Киршу сегодня особенно объемистым. Он никогда не бывал внутри и положительно не знал, к какому подъезду ему направиться. Почему-то он решил, что с площади, где выдвигались широкие вестибюли, не следует идти, а лучше поискать со стороны набережной более скромного входа.

Он обогнул дворец. Перед ним открылась широкая Нева. Она была так красива, что Кирш всегда останавливался, чтобы полюбоваться ею.

У парапета набережной он заметил человека в партикулярном платье, который стоял и оглядывался по сторонам, как будто поджидая кого-то. Цвет его лица был более чем смуглый, почти темно-коричневый.

Кирш подошел к нему, вежливо приподнял шляпу и без некоторой запинки спросил, стараясь сделать это как можно учтивее:

– Я имею честь говорить... то есть вижу перед собой, вероятно, одного из придворных арапов?

Он никогда не разговаривал с придворными арапами и решительно не знал, как следует вести себя с ними.

Арап внимательно глянул на него своими черными, как уголь, глазами и, точно прочтя его мысли, ответил:

– Да, я – придворный арап Мустафа.

– Вас-то мне и нужно! – вырвалось у Кирша.

Мустафа снова оглядел его.

– Если вам нужно меня, – ответил он, – то, значит, вы, должно быть, тот, которого я жду.

По всей видимости, Кирш разговаривал именно с тем лицом, к которому у него было поручение от маркиза де Трамвиля, но он все-таки не пожелал так сразу отдать ему письмо, не убедившись окончательно, что оно попадет по назначению.

Кирш помнил, что Трамвиль настаивал еще на пребывании сегодня в Петербурге государя.

– Если вы меня ждете, – сказал он арапу, – то, очевидно, знаете, с чем я пришел к вам.

– С письмом, – ответил Мустафа, добродушно улыбаясь и как будто одобряя этой улыбкой осторожность Кирша.

Тот поднял было руку к карману, где у него лежало письмо, но потом вдруг опустил ее и спросил:

– А государь сегодня провел ночь в Петербурге?

Арап ответил не сразу. Он выждал некоторое время, как бы раздумывая, и потом проговорил:

– А вам было сказано, что он должен провести ночь здесь?

– Да.

– В таком случае и я вам могу сообщить, что государь, действительно, в настоящее время находится здесь, во дворце, но приехал сюда вчера из Петергофа инкогнито. Об этом

никто не должен знать.

Это было сказано так, что Кирша невольно взяло сомнение, правда ли это. С какой стати было приезжать императору в свою столицу инкогнито, когда он мог посетить Петербург совершенно открыто?

«Врешь ты, черномазый», – подумал он, поглядев на арапа.

Мустафа, словно поняв это, но нисколько не смутившись, скинул плечами и сказал:

– Впрочем, пребывание здесь государя совсем не важно для вас. На письме должны стоять вместо адреса пять латинских литер: «J. H. V. M. L.» Если у вас письмо с этими литерами и вам велено передать его придворному арапу Мустафе, чтобы он отнес его, куда следует, то не сомневайтесь дальше и давайте мне письмо, потому что я – Мустафа.

Арап оказался хорошо осведомленным. На письме, которое лежало в кармане Кирша, стояли вместо адреса названные Мустафой литеры: «J. H. V. M. L.»

Это убедило Кирша. Он вынул письмо и отдал его.

– Мне нужен ответ, – заметил он при этом.

– Я вам принесу его, – кивнул головой Мустафа.

– Мне ждать вас здесь, на улице?

– Зачем на улице? Я проведу вас в более подходящее для ожидания место. Пожалуйста за мной!

«Как этот арап хорошо и правильно говорит по-русски!» – подумал Кирш, входя за Мустафой в маленький подъезд, слу-

живший входом на каменную витую лестницу с отлогими и спокойными ступенями.

Они поднялись на один пролет и вошли в просторную прихожую, оттуда повернули в длинный сводчатый коридор. Кроме старика-солдата, стоявшего у подъезда и являвшегося, вероятно, помощником швейцара, никто не попался им по дороге.

Мустафа отворил первую дверь в коридоре направо и ввел Кирша в небольшую комнату, по-видимому приемную, потому что в ней, кроме стола и стульев по стенам, никакой другой мебели не было.

Кирш думал, что арап оставит его здесь, а сам уйдет с письмом, но тот затворил дверь и приблизился к окну, поманив за собой Кирша.

– Судя по вам, – заговорил он, пригибаясь близко к Киршу, – вы петербургский житель?

– Да, я – петербургский. Но откуда вы это заключаете? – спросил Кирш.

– Вас зовут барон Кирш... Я вас знаю, – сказал арап.

Кирш невольно отступил, удивленный, каким образом этот Мустафа, которого он видел в первый раз в жизни, знает его фамилию.

– Вы меня не знаете, – продолжал Мустафа, – а я вас знаю, и знаю даже, какие книги вы читаете, вдруг бросив кутеж и запершись у себя в полном уединении.

Удивление Кирша росло. Если бы не он сам своими уша-

ми слышал то, что ему говорили, он не поверил бы – до того оно казалось невероятным, почти сверхъестественным.

Мустафа не мог не видеть, какое впечатление производят его слова.

– Но дело не в этом, – заключил он, – мне нужно знать, каким образом это письмо попало к вам в руки и почему именно вы привезли его сюда?

Как ни был поражен Кирш, он все-таки помнил, что маркиз наказал ему ничего не упоминать о нем и не рассказывать, что с ним произошло. Он совладал с собой и ответил, судя по внешнему виду, очень спокойно:

– Вы знаете обо мне так много, что мне самому о себе говорить не приходится.

– Но я все-таки прошу вас сказать... – начал было снова арап.

Кирш не дал договорить ему. Он наклонился и, как научил Трамвиль на случай расспросов со стороны Мустафы, шепнул ему на ухо:

– Он жив в сыне!

Кирш не знал значения и тайного смысла этих слов, хотя по тем книгам, которые он читал, смутно догадывался.

На Мустафу они произвели немедленное и словно неотразимое действие. Он вдруг оборвал свою речь, смолк, поклонился и приложил руку ко лбу.

– Будьте добры, – тихо произнес он, став вдвое почтительнее, – повремените здесь, пока я вернусь. Лучше всего за-

прите дверь на ключ, чтобы не вошел кто-нибудь и не увидел вас здесь одного. Я постучу треугольным ударом.

Он поклонился еще раз и вышел из комнаты.

Глава VII

Мустафа вышел, Кирш остался один и запер за ним дверь на ключ, потому что так действительно было спокойнее.

Его охватило то странное рассеянное чувство, которое испытывает обыкновенно человек, предоставленный самому себе в незнакомой и чуждой ему обстановке. Барон не мог сосредоточиться настолько, чтобы привести в порядок свои мысли и разобраться в испытываемых со вчерашнего дня новых впечатлениях, не мог привести в своем уме в порядок последовательность фактов и распознать взаимное их отношение. Как будто все происходило без всякой связи, вдруг выскакивая, словно ракеты в фейерверке.

Очутись он один у себя дома, он спокойно отличил бы важное от неважного, но тут, запершись в комнате, где он был в первый раз, он должен был чувствовать, что приключение, в которое он попал, не отошло еще в прошлое, и потому еще рано делать по поводу него какие-нибудь выводы. Что будет дальше – Кирш не знал, не знал даже, что это за треугольный удар, которым обещал постучать Мустафа, когда вернется.

Кругом стояла полная тишина. Кирш на цыпочках приблизился к окну: оно выходило на Неву. Кирш сел на подоконник и стал смотреть на широкую, темную реку. Кое-где видневшиеся лодочки начавших свою работу перевозчиков

казались совсем маленькими, точно игрушечные.

«То, что он знает, как меня зовут, – думал Кириш про Му-стафу, – хотя и удивительно, но все-таки поддается объясне-нию. Он просто мог где-нибудь меня встретить и спросить у кого-нибудь, кто знает меня, как моя фамилия. Но книги! Книги! Откуда ему известно про них?»

По коридору раздались шаги, кто-то быстро прошел ми-мо; через некоторое время вновь раздались шаги, затихли у двери, и дверная ручка шевельнулась; кто-то хотел войти, но, поняв, что дверь заперта, прошел дальше, и снова насту-пила тишина.

По набережной прошли два мужика, сняв перед двор-цом шапки. Показался ялик, державшийся ближе к берегу и плывший вниз по течению. Двое ражих лодочников крепко налегали на весла, а на корме сидела фигура, сразу показав-шаяся Киришу знакомой.

«Батюшки, да это – Варгин! – узнал его Кириш. – Он, зна-чит, с самой Фонтанки к яхте на ялике плывет. Дельно!»

В комнате было душно, но Кириш боялся открыть окно: с улицы его мог кто-нибудь заметить, а этого он не хотел.

Время шло очень медленно, ждать пришлось долго. Кириш, проведший бессонную ночь, стал клевать носом и де-лал невероятные усилия, чтобы не заснуть. Наконец в дверь стукнули: раз, потом, после некоторого промежутка, еще два раза.

«Должно быть, это и есть треугольный удар», – решил

Кирш, подошел к двери, отпер ее и встретился лицом к лицу не с арапом, которого ожидал увидеть, а с длинным, сухим серым человеком, все было у него – и кафтан, и чулки, и парик с косичкой, и глаза, и даже само лицо – серое.

Этот серый человек ничуть не удивился тому, что Кирш отворил ему дверь, как будто знал, что тот был тут. Он сложил губы в улыбку, которая, однако, не вышла, а серое лицо скорчило только гримасу, и, мотнув корпусом в виде поклона, юркнул в комнату с бойкостью, не совсем соответствовавшей его длинному росту.

Захлопнув дверь, он два раза повернул ключ в замке и, схватив Кирша за руку, оттащил его в угол.

– Господин барон! – начал он и приостановился, повернув голову в сторону коридора и прислушиваясь.

Чьи-то тяжелые, словно мраморной статуи, шаги гулко раздавались по коридору; они звучали отчетливо, ясно, и по мере того, как они становились яснее, то есть ближе, лицо серого человека становилось белее; он замер на месте и, казалось, не дышал, крепко сжимая руку Кирша, как бы желая дать понять этим, чтобы тот не двигался и не подавал признака жизни.

Кирш видел, как задрожали колени у серого человека и заходила нижняя челюсть, когда шаги раздались возле самой двери, словно они несли смертельную, неумолимую опасность. Кирш не понимал, в чем могла состоять эта опасность, однако не решился спросить, в чем дело, – до того было вы-

разительно пожатие серого человека и, главное, его испуганное, совершенно побледневшее лицо.

– Прошло! – сказал он, тяжело вздохнув, когда шаги миновали и замолкли.

– Что такое? Что прошло? – спросил с недоумением Кирш.

– Ничего, ничего, господин барон! – зашептал серый человек. – Только, если бы он увидел меня вместе с вами, нам бы обоим, пожалуй, несдобровать!

– Да кто «он»? – спросил опять и уже с тревогой Кирш. Серый человек между тем успел уже прийти в себя.

– Все равно! – сказал он. – Ничего, никто!.. Я вам принес ответ на письмо.

Он достал из кармана запечатанный конверт – тогда конверты были еще новшеством, только что входившим в употребление, – и быстро передал его Киршу. На конверте было написано: «Маркизу де Трамвилю, в собственные руки».

Кирш вопросительно поглядел на своего таинственного собеседника, с тревогой и недоумением ожидая, что он скажет.

– Скажите, – заговорил серый человек скороговоркой шепотом, торопя слова и не договаривая их, – скажите, что все идет прекрасно, что Куракин сломал себе голову. Скажите, что тут действуют не покладая рук!

– Позвольте! – остановил его Кирш, давно уже желавший возразить, но не имевший возможности сделать это – так

быстро сыпал словами серый человек. – Позвольте, но, насколько мне известно, господин Куракин – уважаемый и дочтенный вельможа. Мне кажется, радоваться падению таких лиц нечего.

Серый человек отстранился немного от Кирша, оглядел его с ног до головы, развел руками, опять сделал гримасу вместо улыбки и проговорил, тряхнув головой.

– Ловко! Очень ловко!

Кирш сердито насупился и сдвинул с гневным видом брови.

– Что вы хотите этим сказать? – сердито спросил он.

– Да то, господин барон, что есть на самом деле: что, выбирая вас, послали сюда очень осторожного и опытного человека. Право, вы прекрасно играете роль!

– Никакой роли я не играю, а говорю то, что думаю!

Серый человек усмехнулся, как бы сказав этим: «Знаем мы вас!» – и хитро подмигнул.

– Ловко! – повторил он. – Такой человек, как вы, – хорошее для нас приобретение.

– Да для кого «для вас»? – искренне удивился Кирш, начинавший уже чувствовать себя в крайне неловком положении.

– Для нас, которые, здесь, – подхватил серый человек.

– Это – черномазый Мустафа, что ли?

– О, не пренебрегайте им, господин барон! Он тоже очень дельный и ловкий; я вам рекомендую его, а вы, в свою оче-

редь, замолвите словечко у тех, которые послали вас.

– Да меня никто не посылал, – возразил серому человеку Кирш, – я совершенно случайно... – и он остановился.

Дело было в том, что он дал положительное обещание маркизу де Трамвилю ничего не рассказывать о том, каким образом и по какому поводу поручено ему было отвезти письмо. Между тем выведенный почти из терпения несуразными речами серого человека, он чуть было не проговорился. Ему стало очень досадно на себя, и он вдруг почувствовал, как кровь приливает к его щекам и он краснеет.

Серый человек понял его смущение иначе и истолковал его по-своему.

– Так вот, господин барон, – как бы заключая разговор, произнес он деловито, – все обстоит очень хорошо. Теперь позвольте проводить вас, так как мешкать нельзя, не то нас могут увидеть вместе.

Кирш только и желал, как бы поскорее выбраться из дворца, чтобы покончить, как он думал, с этой историей, в которую попал нежданно-негаданно.

Серый человек проводил его через коридор и прихожую на лестницу и там раскланялся с ним. Он не назвал себя Киршу, а тот не спросил его об этом, потому, во-первых, что торопился, а во-вторых, это его ничуть не интересовало.

Выйдя из подъезда на свежий воздух, хотя уже и согретый солнечными лучами, но все-таки вольготный, по сравнению с душной комнатой, Кирш вздохнул свободнее. Ему очень

хотелось отправиться теперь домой и лечь спать, но он чувствовал, что едва ли заснет, если не освободится от ответного письма Трамвилю, которое лежало теперь у него в кармане и словно давало себя чувствовать.

Он решил, что сядет в дилижанс, ходивший в Гатчину по дороге, где стоял трактир, в котором лежал теперь Трамвиль.

На Миллионной Кирш взял извозчика и, очень недовольный собой и всем случившимся, уселся сгорбившись, глубоко засунув руки в карманы.

«И чего я вляпался в эту историю? – упрекал он себя. – Теперь надо сильно подумать, как же быть?»

Положение его было, действительно, неприятно; по тому, что он мог понять из разговора серого человека, он видел, что затевалось что-то нехорошее, и притом в таких сферах, о которых он, Кирш, не думал, что попадет в них. А между тем он попал и так или иначе стал прикосновенен.

Что же ему было делать? Пойти и рассказать обо всем? Но, во-первых, идти ему было не к кому, а во-вторых, это значило сделать донос, что нравственно претило Киршу. Между тем молчать тоже было нельзя, потому что тогда он становился сообщником неизвестных ему людей, Бог их знает что замышлявших.

Так, сидя верхом на калибре и качаясь на нем по ухабам то в ту, то в другую сторону, барон не знал, на что ему решиться.

Доехав до дилижанса и разместившись в нем, Кирш все

еще не знал, что ему делать; но тут глаза его сомкнулись, и он крепко заснул.

До отхода дилижанса было еще много времени.

Глава VIII

Варгин, расставшись с товарищами и отведя таратайку к чухонцу, решил сесть на Фонтанке в ялик и на нем спуститься в Неву, чтобы по ней прямо пробраться к стоявшей в ее устье яхте.

Он взял двух человек на весла. Ему попались два здоровых мужика: один – совсем молодой, другой – постарше. Они ловко и споро взмахивали веслами. Ялик быстро и гладко скользил по тихой поверхности воды.

Воздух был чист и прозрачен. Поездка, выпавшая на долю Варгина, обещала, по-видимому, одно только удовольствие.

Как бы то ни было, ночью он, хотя и не ложился, но все-таки выспался, и настроение его теперь было самое благодушное и приятное.

«Не потерять бы только как-нибудь бумаги!» – подумал он и достал их, чтобы убедиться, что они все у него целы.

Бумаги состояли из двух пачек и одного отдельного, сложенного в несколько раз листа. Пачки были перевязаны: одна – красной лентой, другая – зеленой. Концы лент соединялись в очень хитрые, красивые узлы и были закреплены сургучными печатями с изображением треугольника, по углам которого стояли древнееврейские буквы.

Варгин оглядел пачки со всех сторон и спрятал обратно в карман. Узнать их содержание, не распечатывая, было нель-

зя. Сложенный лист – другое дело: стоило только развернуть его.

«Если бы нельзя было посмотреть, что в этом листе, – сообразил Варгин, – его или запечатали бы тоже, или, по крайней мере, сказали бы мне, чтобы я не смотрел».

И он развернул лист.

Это был большой и подробный план какого-то замка, расположенного у соединения двух речек. Все комнаты, двери, лестницы и переходы были тщательно показаны. Надписей не было нигде, и не было обозначено, что это за здание, однако все можно было понять. Подъемные мосты, внешний двор, или коннетабль, службы – все было ясно.

– Да не может быть! – вдруг почти вслух проговорил Варгин. – Неужели это – план будущего Михайловского замка?

Они подходили уже к Неве и были как раз у того места, где впадает Мойка в Фонтанку и где при слиянии этих двух речек возводился по повелению Павла Петровича Михайловский замок.

Прежде здесь стоял построенный Петром Великим маленький деревянный дворец в итальянском стиле. Он назывался царицыным и служил для летнего пребывания. В нем часто жила в теплую погоду императрица Анна Иоанновна, предаваясь любимой своей охоте – стрельбе из лука. Из окон этого дворца она посылала стрелы в летавших птиц.

Елизавета Петровна отстроила дворец заново. Здесь она проживала весной обычно вместе с наследником и его су-

пругой Екатериной Алексеевной, которая родила здесь сына Павла Петровича.

Екатерина, став императрицей, не посещала этого дворца, и он стоял в запустении, оживляясь только при празднествах, устраивавшихся на Царицыном лугу, оправдывавшем в то время свое название благодаря зеленой траве и клумбам с цветами, сплошь покрывавшим его.

Ходили рассказы, что вскоре после воцарения императора Павла часовой, стоявший на часах ночью у Летнего дворца, был поражен внезапным видением: ему явился светозарный муж в блестящих ризах, подобный изображению Архангела, и велел идти к государю и сказать ему, чтобы он на этом месте построил церковь в честь Архангела Михаила. Часовой исполнил все, как ему было сказано, и государь, когда выслушал его, ответил: «Я знаю». После этого он немедленно отдал распоряжение о постройке на месте прежнего Летнего дворца большого каменного замка с церковью Михаила Архангела.

Планы были разработаны с невероятной поспешностью, под наблюдением самого государя, и было тотчас же приступлено к постройке. Весь кирпич, доставлявшийся в Петербург, скупался дворцовым ведомством. Частные строители не могли найти для себя каменщиков, все они были заняты на строительстве Михайловского замка.

По слухам, замок должен был затмить своим великолепием все дворцы прежнего царствования, отличавшегося, как

было известно, блеском и роскошью. За границей для новых воздвигаемых царских палат были заказаны ковры, обойные материи, золотая и серебряная мебель. Скупались картины и статуи.

Обо всем этом знал Варгин, причастный к художественному, тогда еще очень малочисленному миру-Петербурга. Русские художники тоже готовили эскизы для фресок и плафонов. Варгин даже хлопотал, чтобы получить работу в замке, когда начнут расписывать там стены и потолки.

Теперь эти стены были почти выведены вчерне, и на возвышавшихся вокруг них лесах копошилось множество рабочих, с самого раннего утра занятых своим делом.

Как нарочно, гребцы, проходя мимо постройки, сделали передышку, подняв весла, и ялик замедлил ход, скользя только по инерции.

Варгин поглядел на строящийся замок, а затем на план – не было сомнения, это был план именно Михайловского замка: на нем были обозначены две речки, Мойка и Фонтанка, павильоны, манеж и конюшни – все так, как указывали возводящиеся стены.

«Что за странность, – удивился Варгин, – откуда этот план у иностранца, являющегося сюда прямо из-за границы, и почему он поручает немедленно отвезти его на английскую яхту к какой-то леди Гариссон? Что она будет делать с этим планом? В подрядчицы по постройке, что ли, желает она попасть?»

Неожиданное открытие, что он везет на яхту к англичанке план нового царского дворца, сильно смутило Варгина и сразу испортило благодушное настроение, в котором он был благодаря утренней поездке в лодке. Не ответственности он боялся, потому что понимал, что выдать его некому, но дело пахло какой-то интригой, и это не совсем нравилось Варгану.

«А мне какая печаль? – решил он наконец. – Поеду, отвезу – и дело с концом. Ведь план мог быть и запечатан, тогда я и не узнал бы, что везу его. Меня просил передать бумаги по назначению умирающий человек, я и передам. А больше ничего знать не хочу. Вот и все».

Он сложил план, спрятал его и, прикрикнув на гребцов, чтобы они налегли, уселся поудобнее и постарался думать о другом.

Стоявшую на якоре в Неве красивую яхту «Сирена» Варгин видел раньше, побывав вместе с другими любопытными петербуржцами возле нее и отъехав ни с чем, так как всякие попытки попасть на палубу яхты оставались тщетны.

Теперь, подплывая к ней, он издали узнал ее стройные мачты, красивый корпус и золоченую фигуру на носу. Яхта, залитая косыми лучами солнца, нежно вырисовывалась на голубоватой утренней дымке открывавшегося за ней залива.

Варгин, как художник, залюбовался переходом мягких тонов утреннего морского воздуха.

«Без берлинской лазури здесь не обойдешься, – мысленно прикидывал он, силясь распознать краски, – и неужели

можно передать это кобальтом?»

В то время злоупотреблять берлинской лазурью считалось преступлением; для синего и голубого света требовалось обходиться кобальтом.

– Вокруг яхты прикажете? – спросил у Варгина лодочник, взмахнув веслами.

– Нет, подъезжай к трапу, мне на самую яхту нужно, – приказал тот.

Лодочник мотнул головой.

– Не пустят, барин! Сколько уж мы возим – никого не пускают. Она словно истукан стоит... то есть совсем никого не пускают...

– Ну, посмотрим, – сказал Варгин, – делай, что велят тебе!

Ялик приближался к яхте, левый трап на ней был поднят, но правый – опущен.

Лодочник обернулся и, видимо, удивился этому обстоятельству.

– И впрямь трап опущен, – проговорил он, – вчера еще тут с господами были – ничегошеньки ничего, а сегодня гляди – спущен!

Варгин сам не знал, как бы ему пришлось добиться входа на яхту, не будь этого спущенного трапа, но теперь препятствие было устранено, и путь был открыт.

– Ну, вот и подходи! – наставительно сказал он лодочнику.

Ялик не совсем ловко подошел и стукнулся бортом о нижнюю площадку трапа. Лодочники схватились за нее руками

и подтянулись.

Варгин выскочил и быстро побежал вверх по ступенькам. Едва вошел он на верхнюю площадку – трап, как бы сам собою, невидимым механизмом, стал подыматься. У борта стоял часовой в широкополой лакированной шляпе.

– Мне нужно видеть леди Гариссон, – смело обратился к нему Варгин, поощренный уже тем, что так легко и просто попал сюда.

Он объяснил это себе тем, что, вероятно, на яхте ждали кого-то, кто должен привезти бумаги, потому маркиз де Трамвиль и просил, чтобы они были доставлены сегодня же.

Часовой молча поднял руку и протянул ее, показав вперед.

Навстречу Варгану по палубе шел человек, одетый по последней моде: в темно-зеленый фрак, светло-пепельный с красными мушками жилет с большими отворотами и в лакированные сапоги. Шея его была обмотана высоким галстуком-бантом, из-за которого высывались концы батистового жабо. На голове у него была круглая серая шляпа.

Этот модный костюм, введенный в республиканской Франции, был в России при императоре Павле под запрещением; в круглых шляпах и во фраках у нас тогда не позволялось показываться на улице. Император требовал, чтобы носили по-старинному: парики с косичками, кафтаны, камфозы, чулки и башмаки; так одевалась Франция времен королей, и у нас даже в одежде не были терпимы республикан-

ские новшества.

Варгин не без любопытства оглядел одежду этого господина, сделал к нему несколько шагов, поклонился и снял свою треугольную шляпу.

Господин ответил таким же поклоном и заговорил на иностранном языке, должно быть на английском; для Варгана это было все равно, потому что он никакого другого языка, кроме русского, не знал.

Он уже мысленно прикинул, как он подметит повадки встретившего его иностранца и будет представлять его, рассказывая товарищам о своем посещении яхты. Для того чтобы сцена вышла комичнее (Варгин не мог обойтись без того, чтобы не сдурить), он стал подчеркнуто жеманно расшаркиваться, разводить руками и мотать головой, как бы выражая этим свое отчаянье, что не может понять то, что ему говорят.

Иностранец перешел на французский язык, звуки которого были знакомы Варгину, но он опять сделал вид, что ничего не понимает. Тогда господин заговорил по-немецки. Варгин хотя не говорил, но кое-что понимал из германского наречия, однако опять-таки ради потехи утрированно раскланялся и проговорил скороговоркой, уверенный, что иностранец, в свою очередь, не поймет русского языка.

– Позвольте мне, почтеннейший незнакомец, выразить вам чувство живейшего сожаления, что я, выражаясь высоким слогом, ни черта не смыслю в других диалектах, кроме российского.

Проговорил он это с таким видом, как будто его выражения были чрезвычайно учтивы и высокопарны. Господин любезно кивнул головой и ответил на чисто русском языке:

– В таком случае будем говорить по-русски.

Варгин сконфузился. Он никак не ожидал этого и, чувствуя, что вместо того, чтобы высмеять господина, сам попал в смешное и неловкое положение, замялся и с глупой улыбкой очень глупо сказал ни с того ни с сего:

– Извините!

Потом он долго не мог простить себе эту глупую улыбку и никак не мог в смешном виде передать свой рассказ с иностранцем.

– Вы желали видеть леди Гариссон? – сказал господин с необыкновенной выдержкой, отнюдь не дав понять Варгину, что замечает его неловкость. – Позвольте узнать, с кем имею честь говорить?

Варгин на этот раз попросту, без ломания поднял свою шляпу.

– Я – Варгин, художник, и желаю видеть госпожу леди Гариссон, чтобы передать ей очень важные бумаги.

– В таком случае передайте их мне, – проговорил господин. – Я – управляющий леди и поверенный в ее делах.

Обходительность управляющего успела уже ободрить Варгина и вывести его из смущения.

«Ну, брат, шалишь! – подумал он. – Попасть на эту яхту и ничего не увидеть на ней – нет, не на того напал!» – и он,

нахмутив брови и вскинув плечами, деловито и твердо ответил:

– К сожалению, я могу передать бумаги только в собственные руки госпожи леди Гариссон. Впрочем, может быть, теперь еще очень рано и она еще спит, в таком случае я могу приехать позже!

– Нет, – возразил управляющий, – леди имеет привычку, находясь на яхте, вставать в шесть часов, и если вы настаиваете, то я могу доложить ей о вас.

Варгин, обретший уже обычную свою развязность, сказал:

– Пожалуйста!

Управляющий повернулся и, легко скользя по вылощенной, как зеркало, палубе, направился к кордовой части яхты, где виднелась фигурная золоченая дверь в высокое ютовое помещение.

Через несколько мгновений из этой двери, вышел окутанный белой чалмой и белым с красивыми складками плащом высокий, стройный босой индус, поклонился Варгину по-восточному, то есть приложив руку ко лбу, и красивым движением показал на дверь, приглашая его войти.

«Вот оно, самое интересное!» – подумал Варгин и вошел.

На палубе все было превосходно, необычайно чисто и красиво, но все-таки это была обыкновенная палуба богатого и роскошного судна, какие случалось видеть Варгину. Зато помещение, куда он вошел, переступив порог золоченой двери, было так великолепно, что Варгин не только никогда не ви-

дал, но и не мог даже вообразить ничего подобного.

Это была не комната, не каюта, даже не помещение, а просто какая-то сказочная греза, где разбегались глаза и стирались очертания пространства, потому что с первого взгляда не было заметно ни стен, ни пола, ни потолка, ни окон. Все это были ковры, драпировки, какие-то причудливые колонки, золотая резьба, бронзовые украшения, хрусталь и самоцветные камни. Свет проникал неизвестно откуда и разливался мягким розовым потоком.

Варгин, как был, так и остановился, разинув рот от удивления.

Первое, что бросилось между прочим ему в глаза, был большой гобелен с вытканной на нем картиной, изображавшей голую Цирцею, обратившую своих поклонников в свиней. Огромная резная курильница дымилась необычайно приятным одуряющим ароматом. Мало-помалу, ослепленный сначала, Варгин стал различать очертание отдельных предметов: диван, покрытый индийской шалью, с вышитыми шелками подушками, венецианское зеркало в хрустальной раме, серебряные и золотые кубки, мраморную статую с корзиной на голове, полной благоухающих цветов, обложенный перламутром столик с кальяном, потом еще диван, табуреты, покрытые кружевом, старинные баулы с камнями.

И вдруг среди всей этой роскоши и великолепия раздался гармонический певучий голос, произнесший приветствие на непонятном Варгану языке. Казалось, звуки были еще тем

обаятельнее и таинственнее, что он только слышал их, но не понимал их значения.

В рамке бархатной драпировки, которую, раздвинув, приподнял и, почтительно склонясь, держал управляющий, показалась женщина удивительная, прекрасная, величественная. Варгин в первую минуту подумал, что перед ним чудное видение, а не живая, простая смертная. Впрочем, если даже она не была видением, то и не могла быть обыкновенной смертной. Такого стана, такого лица, улыбки и таких глаз у обыкновенных людей не бывает.

– Да что ж это такое, что ж это такое, наконец! – вслух шептал Варгин, глядя, совсем обезумев, на женщину.

Она не была похожа на всех, даже самых красивых женщин, виденных Варгиным когда-либо до сих пор. Большинство пудрило волосы, отступив от старинной моды белых париков, но не расставшись с нею окончательно; у этой волосы были рыжие, ярко огненные и, вместо того чтобы быть поднятыми, ниспадали волнистыми локонами. Черные, прямые, строгие брови и черные же, как вишни, большие глаза не соответствовали цвету волос, но как бы именно вследствие этого еще более поражали и притягивали к себе. Лицо нежно-белое, оттененное румянцем, дышало энергией. Черты его, правильные, определенные, были классически красивы. Одетая она была в платье тоже совсем особого покроя, подходящее больше к одеянию богинь, изображаемых на Олимпе: какая-то легкая пурпуровая материя лежала воздушны-

ми, причудливо изломанными складками.

Варгин был не только по своему ремеслу, но и по своей природе истинный художник, способный на быстрое, как вспышка пороха, увлечение. Ему, бывало, случалось любоваться до самозабвения красотой вечерней зари, восходом солнца, синевою дали, он чувствовал прелесть ясного звездного неба и всего прекрасного, что есть в мире, и мог и умел наслаждаться созерцанием этого прекрасного.

Теперь, при виде красавицы леди, он пришел в такой восторг, что, не зная, чем и как выразить его перед нею, опустился вдруг на колени. Ноги сами собой подогнулись у него. Он не соображал уже, что делает. Управляющий что-то говорил ему, и хотя произносил русские слова, – Варгин не понимал их. Он видел только ее, леди, перед собою, и только она занимала его.

– Скажите ей, – заговорил он, – скажите ей, что я – художник и преклоняюсь перед красотой, потому что такой красоты не видел никогда и умилен и восхищен ею... Так и скажите ей.

Ни управляющий, ни сама леди не ожидали такой выходки со стороны Варгана. Она улыбнулась, когда управляющий перевел слова художника, и сказала что-то. Но Варгин не слышал и не видел ничего.

– Скажите ей, – продолжал он словно в исступлении, – что я не видел существа лучше ее, что она... что она лучше всех, кого я видел, и даже в грезах я не видел такой.

Ему хотелось быть в эту минуту необыкновенно красноречивым, и он воображал, что ему удастся это вполне и что говорит он вещи удивительно новые, такие, каких никто еще не говорил.

Он желал дойти до полного пафоса торжественного восторга и совершить что-нибудь из ряда вон выходящее. Ему казалось, что он теперь, по крайней мере, великан, поддерживающий землю, Геркулес, совершающий нечеловеческий подвиг, богатырь, побивающий вражеские полчища, – словом, он чувствовал в себе подъем духа, свойственный, по его мнению, героям, и хотел поступать по-геройски.

Но на деле из этого вышло лишь то, что он постоял на коленях в положении довольно глупом, наговорил окоlesiцы и в конце концов, не совершив ничего выдающегося, исполнил лишь поручение, с которым явился на яхту, то есть отдал документы и план.

Однако, как все это произошло, Варгин последовательно не помнил и глупого своего положения не осознал. Леди, ее яхта, сказочная и невиданная обстановка каюты и даже одетый по последней парижской моде управляющий – все промелькнуло у него, как сон, как видение.

Очнулся он и пришел в себя лишь после того, как спустился уже с трапа яхты в свой ялик и отплыл довольно далеко вверх по Неве.

«Что же это такое было? – спрашивал он себя. – Неужели она – такая же женщина, как и остальные? Какая красота,

какая красота!» – мысленно повторял он, закрывал глаза и старался вызвать перед собой образ поразившей его леди.

– Куда везти-то? – спросил лодочник, с усилием тяжело отгибаясь назад и выгребая веслами.

Против течения теперь плыть было гораздо труднее.

– Куда везти? – повторил Варгин, не сразу сообразив, что хотят от него. – Причаливай у Английской набережной! – приказал он, когда до его сознания дошло то, о чем его спрашивали.

От Английской набережной было рукой подать к почтамту, откуда отходили дилижансы, и Варгину пришла в голову та же мысль, что и Киршу: вернуться в придорожный трактир в дилижансе.

Глава IX

Варгин поспел как раз к отходу и нашел тут Кирша, который, давно уже усевшись, спал крепким сном, прислонившись головой в угол.

«А-а, и он здесь!» – подумал Варгин, увидев Кирша, и не утерпел, чтобы не разбудить его.

Ему хотелось поделиться поскорее впечатлениями с приятелем.

Пассажиров было мало; кроме Варгина с Киршем, в дилижансе сидела какая-то старушка, по-видимому, сопровождавшая очень миловидную девуцу. Но они заняли почти все места корзинками и узелками, которые везли с собой.

– Кирш, проснись, голубчик! – убеждал Варгин, тряся приятеля за плечо.

Кирш долго не подавал признаков сознательной жизни, наконец открыл глаза и, сонно взглянув на Варгина, спросил:

– Откуда ты выскочил?

– Откуда? – почти крикнул Варгин, не стесняясь присутствия старушки и девушки. – Я и сам не могу еще разобрать хорошенько, где был: на небе или на земле!

Кирш почавкал губами и поморщился.

– Да ведь ты на яхту ездил, кажется?

– Ну да, на яхту!

– Значит, ни на небе, ни на земле, а на воде был! – серьез-

но решил Кирш и снова закрыл глаза.

– Да, но что это за яхта! – снова подхватил Варгин. – Чудеса! А сама леди – это такая красавица, что и рассказать нельзя.

Несмотря на последние свои слова, Варгин все-таки хотел сейчас же рассказать Киршу, какая была красавица леди, но тот, равнодушный к восторгу художника, захрапел.

Варгин обиделся и тоже уткнулся в угол.

По счастью, Варгин был слишком взволнован, чтобы заснуть, а не то они проспали бы придорожный трактир, где оставили маркиза де Трамвиля. У этого трактира Варгин остановил дилижанс, разбудил Кирша и вытащил его.

Они нашли Трамвиля в том же положении, в каком оставили его. Сознание к нему не возвращалось, он лежал как пласт, Станислав сидел возле него, честно исполняя свой долг.

Елчанинов еще не возвращался.

– Что же нам делать теперь? – спросил Варгин.

Кирш покосился на больного с очень недовольным, почти сердитым видом.

– Я лягу спать! – сказал он.

Варгин не мог не заметить, что его приятель стал относиться совсем иначе к маркизу после своей поездки.

– Ну, хорошо, – стал рассуждать Варгин, – ты ляжешь спать, а потом что?

– Потом приедет Елчанинов, и ты меня разбудишь.

– Ну да! Но что же нам делать с больным? Не оставлять же нам его тут на произвол судьбы! Надо предпринять что-нибудь. Я считаю, что это наша обязанность, тем более что он иностранец и покидать его в несчастье было бы с нашей стороны, по крайней мере, неблагоприятно.

По правде сказать, благородство, выказываемое Варгиним, главным образом преследовало цель, через заботы о маркизе как-нибудь еще раз увидеть красавицу-леди.

– Ну, там видно будет! – сказал Кирш и пошел к хозяину, чтобы найти у него место, где можно было бы лечь спать.

Варгин остался один со Станиславом и, переполненный еще восторгом, который обуял его на яхте, предался самым сладостным и фантастическим мечтаниям, в которых, разумеется, на первом плане стояла леди.

Станислав тихо сидел у ложа больного, в открытые окна вместе с лучами яркого солнца вливался теплый, пахнувший сеном воздух, живительный и чистый здесь, за городом.

На дороге не было слышно движения: все было тихо кругом, и в этой тишине Варгин, задумавшись, унесся в мыслях далеко и забыл и о Станиславе, и о больном, и о трактире, и о том, что сам сидит тут, облокотясь о стол. Этот стол был белый, выструганный и оскобленный.

Варгин долго глядел на его гладкую поверхность, потом бессознательно вынул карандаш и стал чертить на доске стола женский профиль. Вышло очень похоже на леди Гариссон.

«Неужели уловил? – обрадовался Варгин. – Конечно уло-

вил!.. Кажется, хорошо!» – и он, отодвинувшись, снова на чистом месте сделал контур поразившего его лица.

– Где пан видел его? – послышался в это время голос Станислава.

Варгин вздрогнул и оглянулся. Станислав стоял сзади него и смотрел ему через плечо.

– Кого видел? – удивился Варгин. – Эту женщину?

– Да, ее, которую вы тут так похоже нарисовали, – пояснил Станислав.

В первую минуту Варгану не хотелось говорить с этим человеком о леди, и он решил соврать, что рисунок – его фантазия, но он сообразил, что Станислав мог, находясь в услужении у маркиза, знать что-нибудь о красивой англичанке, и потому спросил в свою очередь:

– А вы ее знаете?

Станислав как-то странно усмехнулся.

– Еще бы! – произнес он, вскинув плечами.

– Вы ее знаете; Знаете? – радостно повторил Варгин.

– Ну да, и давно!

– Вот как!

– Еще бы!

Варгин внимательно посмотрел на Станислава.

С тем делалось что-то странное. Рот у него нервно дернулся, и один глаз замигал, как это бывает у людей, одержимых нервным тиком.

– Что с вами? – невольно вырвалось у Варгина.

– Ничего, только у меня всегда так, когда я вспоминаю о ней. Пан может ведать, что такие воспоминания должны действовать.

– Какие воспоминания?

– Да как же? Ведь это все-таки моя жена!

– Как ваша жена? – воскликнул Варгин и даже привстал со своего места. – Эта... эта... эта женщина – ваша жена?

– Ну да!

«Нет, он с ума сошел или нагло врет! – решил Варгин. – Пьяным напитокся он не мог еще – значит, с ума сошел!»

Станислав опять усмехнулся.

– Пан, я вижу, не верит мне, – произнес он, – а между тем он нарисовал профиль моей жены. Она здесь, в Петербурге? Скажите, будьте ласковы, она здесь теперь? Я должен знать это.

Тон его был очень искренний, но Варгин все-таки не мог поверить ему.

– Она уехала от меня пять лет тому назад, скрылась неизвестно куда, – продолжал Станислав. – С тех пор я ищу ее. Но все было напрасно. Недавно я получил сведение, что найду ее в Петербурге. Я нарочно нанялся к маркизу де Трамвилю в камердинеры, потому что он ехал в Петербург, а у самого меня денег на поездку не было. Вы знакомы с ней?

«Да неужели это правда? Нет, тут что-то не так! – продолжал сомневаться Варгин. – Откуда беглой жене этого поляка стать вдруг английской леди, обладательницей такой яхты?»

Все это вздор или просто его больная фантазия!»

– Нет, ручаюсь вам, что это не ваша жена, – твердо сказал Варгин. – Вы ошибаетесь...

– О нет, я не ошибаюсь! – возражал поляк.

Но в это время по бревенчатому настилу у трактира простучали колеса кареты, которая подкатила и остановилась. Варгин выглянул в окно.

Карета была огромная, четырехместная, запряженная четверью лошадьми цугом, с форейтором. На запятках стояли два гайдука, они соскочили, откинули подножку и растворили дверцу. На дверце красовался огромный княжеский герб.

Из кареты легко и ловко выскочил Елчанинов и подал руку выходящей за ним девушке.

Елчанинов провел ее прямо в верхнюю горницу, где лежал Трамвиль. Девушка казалась очень взволнованной и, когда увидела лежавшего без сознания маркиза, пошатнулась, но овладела с собой и только крепче оперлась на руку ведущего ее Елчанинова.

– Я говорил, что вам лучше не ехать самой! – сказал он.

– Нет, нет! Ничего! – перебила его она и потом, сделав над собой усилие, добавила: – Он жив?

Елчанинов вопросительно взглянул на Варгина.

– Кажется, – ответил тот, тут только вспомнив и застыдясь, что совсем невнимательно исполняет взятую на себя роль сиделки.

– Доктор... где доктор? – спросила девушка.

В это время в комнату входил, приехавший с ней и с Елчаниновым в карете, старик-доктор. Он направился к больному, нагнулся над ним и приложил руку к его груди. Была минута томительной тишины ожидания; все затаили дыхание, притаились и замерли. Доктор покачал головой и произнес:

– Похоже на то, что все кончено!

Девушка дрогнула, доктор кинулся к ней, и по тому, что он оставил маркиза, можно было догадаться, что, действительно, все было кончено.

Но она оказалась не из тех, которые падают в обморок или впадают в истерику, когда, наоборот, от них требуются ясность сознания и бодрость.

– Во всяком случае надо увезти его скорее отсюда! – сказала она. – Скорее сделаем это; помогите мне.

Все немедленно подчинились ее влиянию и, как бы успокоенные ее самообладанием, начали хлопотать, но без суеты и излишней возни.

Все вышло как будто само собой: со стола сняли крышку и сделали из нее в карете койку. Самое трудное было перенести и уложить на эту койку Трамвиля; два гайдука, Елчанинов, Варгин и Станислав подняли его, стараясь сделать это как можно осторожнее.

Доктор ничего не говорил им и не указывал, находя это излишним, что они несли безжизненный труп, с которым уже, с точки зрения доктора, церемониться было нечего. Девушка и доктор сели в карету, Станислав поместился на коз-

лы. Оставшиеся после Трамвиля вещи обещался привезти Елчанинов.

Когда карета уехала и он остался с Варгиным, тот первым делом спросил его:

– Кто это такая?

Елчанинов был очень потрясен всем случившимся, Варгин тоже чувствовал себя не совсем ладно. Елчанинов не ответил ему на вопрос, поставил локти на камин и закрыл лицо руками.

«Однако, какой он впечатлительный!» – подумал Варгин.

– Фу, как глупо! – вдруг произнес Елчанинов, отнимая руки от лица, и, тут только оглядевшись и как бы придя в себя, спросил: – А где же Кириш?

– Он пошел спать, – ответил Варгин, – ведь он всю ночь не спал сегодня.

– Да, он не спал, – вспомнил Елчанинов. – Фу, как глупо! – повторил он и, высунувшись в окно, крикнул: – Хозяин!

Хозяин стоял на крыльце вместе с остальным населением трактира, взволнованным необычайным происшествием и обсуждавшим его, глядя вслед удалявшейся по дороге карете.

– Водки! – приказал Елчанинов и стал ходить по комнате. Хозяин принес на подносе графин водки, огурцов и хлеба.

Елчанинов налил себе рюмку, выпил ее залпом, потом налил другую, выпил и ее так же и, не закусив, опять заходил из угла в угол.

– Да что глупо-то? – решился наконец вставить свое слово

Варгин, тоже отведав водки и откусив кусок огурца.

Елчанинов остановился, скрестил руки и, мотнув головой в сторону, куда уехала карета, спросил:

– Ты ее видел?

Варгин прищурил один глаз.

– Кого? Девицу, с которой ты приехал?

– Да... да...

– Ну, конечно, видел! Я и спрашиваю тебя: кто она?

Елчанинов круто повернулся.

– Не знаю! Ничего не знаю! – вдруг быстро заговорил он. –

Ни кто она, ни даже как ее зовут, да и встретиться мне с ней пришлось при таких странных и необычайных обстоятельствах, а между тем вот поди ж ты, я теперь от нее сам не свой; знаю, что это тут вовсе не к месту и обстоятельства совершенно не такие.

– Что ж, ты влюбился?

– Умный ты человек, а говоришь глупости! – серьезно возразил Елчанинов. – Уж сейчас и влюбился! И слово какое пошлое! Ничего тут нет и быть не может, а так только: глупо, вот и все!

– Так как же ты ее нашел?

– Ах, да никак я ее не находил! Очевидно, нас свела сама судьба: мы должны были встретиться, вот и встретились! Ты знаешь: две души должны непременно встретиться.

– Знаю! – махнул рукой Варгин, хрустя огурцом за обеими

щеками.

Время, в которое они жили, было сентиментальное, чувствительное: тогда люди, в особенности молодые, как Елчанинов, верили в родство душ, predetermined судьбой встречи, в идеальную, платоническую любовь и в то, что браки совершаются не на земле, а на небесах.

Глава X

– Когда я расстался с вами, – начал рассказывать Елчанинов Варгину, – и пошел в дом князя Верхотурова, то, как известно, мне приходилось отпраиваться наугад, потому что этот маркиз просил отнести кольцо в дом князя и рассказать там обо всем, что случилось, но, кому надо было передать кольцо и рассказать, этого он не договорил. Ну вот, иду я и рассуждаю: кого же мне спросить у Верхотурова? Сам князь умер, оставил огромное состояние, наследников этому состоянию нет, значит, некому теперь и жить в его доме, кроме холопов. Ну, думаю, хорошо: раз обещал идти – все равно пойду, а там посмотрю, что будет. Дело в том, что, как ты помнишь, маркиз-то очень настаивал, чтобы непременно была исполнена эта его просьба. Вам с Киршем он какие-то документы поручил доставить, а мне приходилось рассказывать о нем и кольцо отнести. Я и смекнул по дороге, что, вероятно, эти документы его дел касались, а кольцо, наверно, к его сердечному влечению отношение имеет; значит, то лицо, к которому я направляюсь посланным, – отнюдь не мужчина, а непременно должна быть женщина. Когда я сообразил это, то пошел увереннее, все-таки уж не совсем наобум. Извозчик мне попался довольно далеко. Сел я на него и поехал, подъезжаю к верхотуровскому дому, ничего себе – дом как будто имеет жилой вид: ставни не затворены, цветник

расчищен, и дорожка к подъезду укатана, песком посыпана и водой полита, даже бронзовые вензеля на решетке и те вычищены! Извозчика я оставил у ворот, обогнул цветник, и прямо в главный подъезд: «Ну, – думаю, – заперт он, да все равно, попробую, толкнусь!» Только подхожу, ан дверь предо мной как бы сама собой распахивается. «Что за чудеса? – думаю. – Механизм, что ли какой в ней есть?» Только смотрю: это – не механизм, а карлик, маленький-премаленький, вот этакий! – и Елчанинов показал рукою на аршин от пола.

Приятель молча слушал его.

– Карлик этот, – продолжал он, – должно быть, стоял у подъезда, только я его не заметил. «Вот так швейцар!» – думаю. Вошел я, карлик на меня смотрит, а я – на него. Я чувствую, что он совершенно прав, что на меня смотрит, и что мне нужно объяснить ему, зачем я пришел. Делать нечего, я ему назвал себя, но это, разумеется, ему ничего не объяснило. У князя Верхотурова я не бывал, карлика этого я никогда не видел. Он мне поклонился; вижу – карлик обстоятельный, хорошему обращению обучен. Впрочем в княжеском доме иначе и быть не может; тогда я решил как-нибудь высказаться в общих выражениях; авось обстоятельный карлик поймет как-нибудь меня. «Видишь, милый друг, – сказал я ему, – я, собственно, тут не по своему делу, а по просьбе маркиза де Трамвиля». Как только я назвал маркиза, так карлик осклабился, словно чрезвычайно обрадовался, и сейчас говорит мне: «Пожалуйте!» Я ничего не понял и только руками раз-

вел; куда мне «жаловать» – не знаю. А карлик опять расклянчился, рукой этак показал – совсем по-придворному, «следуйте, дескать, за мною» – и повел меня вверх по лестнице. Лестница, братец ты мой, мраморная, великолепная, и ковер на ней красный, бархатный.

– Эка, подумаешь, невидаль! – воскликнул Варгин. – Ведь на яхте...

– Да ты не перебивай, а слушай! – остановил его Елчанинов. – Ну так вот, карлик ведет меня, я иду за ним. Прошли мы большой зал, одну гостиную, другую; в третьей карлик попросил меня подождать, а сам юркнул в дверь и исчез. Стал я у окна, смотрю в него в ожидании и испытываю такое ощущение, что как будто кто-то на меня смотрит сзади. Знаешь, бывает это иногда, и непременно тогда оглянешься. Оглянулся и я. В комнате никого не было, но прямо на меня смотрели два черные, как уголь, глаза, и такие острые и пронизательные, что я никогда таких не видал; так и казалось, что живые! Это на противоположной окнам стене портрет висел. Нарисован был мужчина молодой, в петровском парике, лицо изжелта-бледное, глаза так прямо и смотрят. Отошел я к другому окну, глаза опять смотрят, просто хоть вон из комнаты уходи! Самому перед собой даже совестно, а за сердце какая-то жуть хватает. Вдруг дверь с шумом растворилась, хлопнула, и в комнату быстрыми шагами почти вбежала девушка.

– Эта самая, что сюда с тобой приезжала?

– Да, да, именно эта! Вбежала она и тревожно спрашивает: «Вы от него? Что с ним? Я всю ночь не спала, он должен был приехать, самое позднее, вчера вечером, он не мог не приехать! Значит, что-нибудь случилось». Я говорю: так и так, действительно случилось, и рассказал, в чем дело. Надо было видеть ее, как она выслушала мой рассказ! Положим, я постарался не сразу говорить все, а постепенно, но, надо отдать ей справедливость, владела она собой так, что любому мужчине впору: ни «охов», ни «ахов», схватилась за колокольчик, позвонила. Вбежала горничная. Я говорю: «Принесите барышне стакан воды», – а она говорит: «Не надо воды! Скажи, чтобы сейчас же большую карету закладывали и как можно скорей подавали, а Максиму Ионычу – чтобы бежал сейчас к доктору и привел его сюда!». Распорядилась она всем этим спокойным, ясным голосом и затем опять ко мне, стала расспрашивать о подробностях, как все это было, и главное – жив ли еще «он»; она ни разу не сказала ни маркиз, ни Трамвиль, ни имени не называла, а говорила все время «он».

– Почему это так? – спросил Варгин.

– А Бог ее знает! Да, так вот что было дальше, – продолжал рассказывать Елчанинов, – видимо, в верхотуровском доме прислуга была дрессирована мастерски, потому что карету заложили словно на пожар, так быстро, что я и оглянуться не успел; явился откуда-то и доктор, сейчас же. Все сделалось, как по щучьему велению. Мы сели втроем в карету и поеха-

ли, лошади понесли что есть духу, вскачь. Девушка всю дорогу молчала, ни слова не проронила, сжала губы, и ни слова! Доктор тоже молчал; откуда его достали и каким образом подняли такую рань – я не знаю; я тоже молчал; заговаривать первому считал для себя неприличным. Так и приехали сюда, а остальное ты уже знаешь.

– Так ты не спросил у нее, кто она такая? – сказал Варгин, когда Елчанинов кончил свой рассказ.

– Да когда же было спрашивать, сам посудите! – подхватил Елчанинов. – А кроме того, я это считал неучтивым! Что же, допрос ей чинить надо было? Раз она не нашла нужным назвать себя, я не смел спрашивать ее, да к тому же все это должно выясниться сегодня же; я обещал привезти вещи маркиза и привезу их, осведомлюсь о его здоровье и увижусь с нею!

– Куда же ты повезешь эти вещи?

– В дом к князю Верхотурову.

– Ты думаешь, она отвезла маркиза к себе в дом?

– А куда же ей везти его?

– Мертвого-то?

Елчанинов поморщился.

– Бог знает; во всяком случае я повезу вещи в дом к Верхотурову; надо собрать их.

– Да, но погоди! – сказал Варгин. – Надо узнать еще не только, можно ли будет вещи везти, но будет ли на чем нам самим отсюда уехать.

– А ты-то как же добрался сюда? – спросил Елчанинов.

– Я? В дилижансе.

– А Кириш?

– Тоже!

– Дело скверное! Но, наверно, у хозяина найдется подвода для вещей.

Был снова призван хозяин, однако он принес вести самые неутешительные. Карета маркиза была изломана так, что починить ее своими средствами не было никакой возможности; увязанные на ней сундуки и важи были так тяжелы, что под них требовалась большая телега, которой у хозяина не было, а была у него маленькая таратайка, которую он только что отдал внаймы в город.

– Кому же ты отдал? – удивился Варгин, знавший, что, кроме них, никого с утра в трактире не было.

– Да вот одному из ваших же, – ответил хозяин, – тому, который с вами приезжал.

– Киришу?! – в один голос воскликнули Варгин и Елчанинов.

– Уж не знаю, как их величают, может и так, только они выпались, встали, сторговали у меня таратайку в город и уехали!

– Как «уехали»?

– Да-с! Сели в таратайку и уехали!

– И нам ничего не велел сказать?

– Ничего!

Варгин выпятил губы и протяжно свистнул.

– Елчанинов, у тебя деньги есть? – спросил он.

– Кажется, еще осталось немного.

– Насчет денег не извольте беспокоиться, – заметил трактирщик, – господин, который уехал, за все заплатил!

– Ну, хоть это хорошо! – сказал Варгин.

– А все-таки он свинья! – решил Елчанинов. – Что же мне теперь без него делать?

Варгин пожал плечами.

– Да то же, братец, что и при нем! Ведь он же не подвода, которая тебе нужна, и на нем ты маркизовых вещей все равно не сvez бы! Поэтому его отсутствие ничуть не усугубляет твоего положения, а раз у тебя есть деньги, так мы подождем обратного дилижанса, сядем в него и доедем до города.

– Да пойми ты, – рассердился Елчанинов, – что ведь мне главное – вещи!

– И вовсе не вещи тебе главное! – остановил его Варгин. – Ведь тебе что нужно? С этими вещами попасть в дом к Верховурову? Ну, так ты можешь сделать это сегодня и без них. Сегодня ты пойдешь и скажешь, что, мол-де, не имея подводы, не мог привезти вещи, а затем завтра приедешь сюда с подводой, возьмешь вещи, и у тебя будет прекрасный предлог и завтра побывать в доме князя. Понял?

Рассудительность Варгина, казалось, очень понравилась Елчанинову и вполне убедила его.

– Знаешь что? – вдруг произнес он, сразу как будто пове-

селев. – Я есть хочу.

– Ну что же, давай заказывать!

– Ты чем нас накормить можешь? – обратился Елчанинов к хозяину.

– Всем, чем угодно-с, – усмехнулся тот.

И его слова оказались не пустым хвастовством, а действительно, у него был такой запас разной провизии, что мог удовлетворить самый изысканный вкус: нашлись ветчина, превосходная пулярка, заграничные сыры, сиг копченый, соленые лимоны, турецкий щербет, персики и настоящий английский эль, стоивший тогда по утверждению правительством таксе сорок копеек бутылка. Словом, обед вышел такой, какого никак нельзя было ожидать найти здесь, и, принявшись за него, Варгин невольно удивился, откуда и для кого здешний хозяин держит такую роскошь.

– Ну, как для кого? Для гостей! – авторитетно заявил Елчанинов.

– Да какие же тут могут быть гости? – стал рассуждать Варгин, словно взявший на сегодняшнее утро патент на неопровержимую логику. – Подумай: какие гости тут могут быть? Проезжие под самым городом не станут останавливаться, а если бы ездили сюда из Петербурга, так, во-первых, это было бы известно, да и по внешнему виду трактир был бы совсем другой, а то он на вид такой, как строят для простонародья, а еда в нем барская! Согласись, что странный трактир!

И Елчанинов должен был согласиться, что трактир был, в самом деле, несколько странный.

Глава XI

Проезжавший мимо трактира дилижанс был задержан нарочно поставленным для этого человеком от хозяина, и вместе с Варгиным и Елчаниновым сели еще двое пассажиров, неизвестно откуда взявшихся. По платью они казались разночинцами, но руки у них были не мозолистые, не рабочие.

Это обстоятельство еще более усилило сомнение Варгана относительно трактира. Откуда могли взяться эти пассажиры, появившиеся вдруг, как бы из-под земли, как раз к приходу дилижанса?

– Нет, положительно, это – какой-то загадочный трактир! – сказал Варгин Елчанинову, когда они тронулись и поехали. – И заметь, что вчера на ужин дали обыкновенную еду, а сегодня вдруг явились деликатесы!

При этих словах Варгина таинственные пассажиры как-то странно перемигнулись между собой.

Приехав в Петербург, Елчанинов прямо направился в дом князя Верхотурова.

Варгин сказал, что зайдет к Киршу, хотя и предчувствовал, что это будет напрасно, потому что внезапный отъезд Кирша, вероятно, объяснялся не чем иным, как тем, что его снова обуяла, по обыкновению, охота к чтению, и он бросил все, засел за свои книги, и увидеть его нет возможности.

Варгину же нужно было увидеть Кирша для того, чтобы

расспросить его, как он был во дворце, и самому рассказать о своей поездке на яхту и о том, что среди документов, которые он вез, был подробный план строящегося Михайловского замка.

Этот план беспокоил Варгина. Без него все было бы хорошо, но о плане, как Варгин чувствовал, нужно посоветоваться с умным человеком, а Кирша он считал умным.

Елчанинов, подъехав к верхотуровскому дому, прошел по знакомой уже дороге через цветник к большому подъезду, и на этот раз его встретил здесь не маленький карлик, а огромный, толстый, важный швейцар в густо обшитой гербовыми галунами ливрее.

– Барышню можно видеть? – спросил Елчанинов, уверенный почему-то, что его сейчас же, как и нынче утром, проведут куда следует.

– Какую барышню? – строго спросил швейцар, кланяясь, однако, вежливо и почтительно.

– Как какую барышню? – удивился Елчанинов. – Да вот у которой я был тут сегодня утром.

– Не могу знать! – пожал плечами швейцар.

– Как не можешь знать? Ну, госпожа, которая живет в этом доме.

– В этом доме, – ответил швейцар, – был один господин – князь Верхотуров, ныне преставившийся и уже погребенный!

– Как же так? Я видел ее сегодня утром и вместе с нею

отсюда уехал в карете!

Швейцар степенно и с достоинством улыбнулся.

– Да вы извольте сказать, кого вам нужно и какую барышню вы ищете, а так я не могу знать.

– В том и дело, что я имени ее не знаю!

– Так что же прикажете мне сделать, если сами не изволите знать, кому доложить о вас?

«Или он очень глуп, – подумал Елчанинов, – или очень хитер».

Во всяком случае, он решил не сдаваться так легко и победить глупость или скрытность швейцара.

– Мне нужно видеть маркиза де Трамвиля! – решительно заявил он, меняя позицию и думая этим путем добиться своего.

– Маркиза де Трамвиля? – переспросил швейцар. – Такого в нашем доме нет.

– Как нет? Разве его не привезли сегодня сюда мертвого?

– С нами крестная сила! – перекрестился швейцар. – Зачем же к нам привезут мертвого? И зачем вам видеть его, если он мертвый?

Елчанинов должен был внутренне согласиться, что выразился не совсем ловко и что вся правда на стороне швейцара.

– Значит, его не привозили сюда?

– Никак нет!

Елчанинов замялся, помолчал, задумавшись. Швейцар терпеливо ждал, что он скажет ему дальше.

– Вот что, – сообразил наконец Елчанинов, – позови-ка мне карлика здешнего! Он сегодня мне отворял дверь, я с ним сталкиуюсь.

– В услужении у князя Верхотурова было два карлика; которого из них прикажете позвать?

Елчанинов вспыхнул: увертливые ответы швейцара рассердили его, и он в сердцах крикнул:

– Да зови обоих!

Швейцар поклонился, с уверенным видом подошел к висевшей вдоль стены тесьме звонка и дернул за нее три раза.

Через несколько секунд на мраморной лестнице сверху показался карлик, но не тот, которого видел Елчанинов сегодня утром, а другой, повыше его и с недобрим, как у того, а злым выражением лица.

– А Максим Ионыч где? – спросил швейцар.

– Ну вот, мне Максима Ионыча-то и нужно! – подхватил Елчанинов, вспомнив, что девушка приказывала горничной, чтобы «Максим Ионыч» отыскал доктора.

– Максима Ионыча нет! – ответил карлик.

Швейцар обернулся к Елчанинову и склонился, как бы говоря: «Сами слышите!».

Елчанинов нетерпеливо потрянул головой.

– Где же он?

– Уехал! – сказал карлик. – С час тому уехал в деревню!

– И не вернется?

– Вероятно, что нет.

Елчанинов снова увидел, что ему не столковаться с этими людьми, но отступить он все-таки не хотел.

– Хорошо! – проговорил он, как человек, принявший последнее решение. – Есть тут кто-нибудь, кто главный над вами, кто распоряжается?

Швейцар не без некоторой гордости покачал головой.

– Нами никто не распоряжается! Со смертью господина князя Верхотурова мы, по воле его сиятельства, отпущены из крепостного состояния.

– Ну да, все это прекрасно! – перебил его Елчанинов. – Но все-таки в доме есть управляющий? Проведите меня к нему.

– Управляющего в доме у нас нет и не было; покойный князь всем заведовали сами, а теперь мы – вольные люди!

Делать было нечего; приходилось сдаваться.

С этим на вид словоохотливым швейцаром можно было проговорить до вечера и все-таки ничего не узнать от него.

А в это самое время Варгин стремился попасть к Киршу. Он не ошибся, предположив, что тот преданся чтению, что всякая попытка увидеть его будет напрасной. Он с добрых полчаса стучался к нему в дверь и в окна, Кирш не откликнулся. Тогда Варгин плюнул и ушел к себе домой.

Между тем Кирш действительно сидел у себя в комнате, впившись глазами в развернутую книгу, и не впустил к себе Варгина не потому, что не хотел сделать это, а просто до того углубился в чтение, что не слышал его неистового стука. Он, как вернулся домой, так сел за книгу и не отрывался от нее.

Он читал целый день, весь вечер, забыв, что не ел с утра, и не замечая своего голода. Лишь когда спустились сумерки летней петербургской ночи и стемнело настолько, что буквы стали сливаться, Кириш поднял голову.

По другую сторону стола перед ним сидел, то есть не сидел, а ему, конечно, только показалось это, человек в совершенно таком же, как сам он, Кириш, одеянии и как две капли воды похожий на него; словом, такой, каким он видел себя обыкновенно в зеркале.

Но зеркала в комнате у него не было, и тот, кто сидел перед ним, не был изображением, а имел свой самостоятельный облик. Правда, было довольно темно, но все же Кириш различал своего двойника.

В первую минуту ему стало страшно, а затем сделалось еще страшнее, потому что он почувствовал, что его двойнику так же страшно, как и ему.

Это двойное, обоюдное ощущение страха особенно казалось жутким.

– Ты напрасно читаешь! – сказал ему двойник.

Он не сказал этого ясными и определенными звуками, как звучит обыкновенно человеческая речь, даже как будто губы его не шевельнулись, но Кириш испытал такое впечатление, как будто слова действительно были сказаны.

– Почему же напрасно? – спросил он в свою очередь, сам не зная как и не слыша звука своего голоса.

– Потому что ты попал в историю, которой нельзя пре-

небрегать, и должен так или иначе постараться если не раскрыть ее, то сообщить тому, кого она касается.

– Я думал об этом! – согласился Кириш.

– Я знаю, что ты думал, да одних дум недостаточно: надо действовать.

– Да! Но как?

– Прежде всего пойти и рассказать.

– Кому?

– Неужели ты не знаешь?

Кириш добросовестно постарался догадаться, но никак не мог собрать свои мысли.

– Нет, не знаю. И к чему загадки задавать? Если пришел, так говори прямо.

– Да, я именно затем и здесь, чтобы напомнить тебе: ты забыл про князя Куракина!

Кириш хлопнул себя по лбу ладонью.

Куракин, которого Кириш знал только понаслышке, был в самом деле наиболее подходящий человек для того, чтобы пойти к нему и рассказать все.

– Куракин! Разумеется, Куракин! – несколько раз повторил себе Кириш. – Я завтра же пойду к нему.

– Смотри, завтра же! Время терять нельзя!

– К тому же Куракин, кажется, в Петербурге. Я слышал, что он нездоров.

– Я тоже слышал.

– Больше тебе ничего мне сказать не надо?

– Больше ничего!.. Разве вот что: Варгин совсем голову потерял от этой леди; ты бы присмотрел за ним!

– Об этом я сам знаю. Еще один вопрос: ты еще когда-нибудь ко мне придешь?

– Какие глупости! Я всегда с тобой.

– Не придирайся к словам; ведь ты понимаешь, что я хочу спросить: я тебя еще раз увижу?

– Не знаю; это будет зависеть от тебя самого.

Кирш провел руками по лицу, крепко зажмурил глаза и открыл их: перед ним никого уже не было.

Густые тени ползли из углов, и только окна яснили более светлыми пятнами. Кирш зажег свечку; окна потемнели, комната приняла свой обыкновенный вид: те же крашенные стены, те же гравюры на них в узких деревянных рамах, полки библиотеки и тот же стол, заваленный книгами.

Кирш, очнувшись, стал быстро рыться в них, выбрал один небольшой томик, переплетенный в старую тисненую кожу, перелистав, отыскал в середине загнутую страницу и принялся опять читать.

Это была французская книга, и на странице, которую отыскал Кирш, начинался особый отдел, носивший заглавие «De doublement», что значит «О раздвоении».

Глава XII

На другой же день с утра Кирш бросил свои книги и отправился к князю Куракину.

Куракиных было тогда двое на видных административных постах. Один, князь Алексей Борисович, занимал место генерал-прокурора; другой, брат его, Александр Борисович, был пожалован при воцарении императора Павла вице-канцлером.

Павел Петрович в бытность свою наследником престола имел сношения через князя Александра Борисовича с масонскими ложами. Александр Куракин был сам посвященный масон, знакомый с так называемыми герметическими науками, человек безупречной жизни. Все знали его как вельможу, причем общий голос свидетельствовал о его доброте, отзывчивости и доступности.

Куракин принял Кирша, когда тот велел доложить ему, что желает видеть его по важному государственному делу.

– Ну, в чем дело? Что такое? – стал ласково спрашивать князь Александр Борисович, усадив Кирша и улыбаясь ему.

В последнее время он чувствовал себя не совсем здоровым, никуда не выходил и сидел, несмотря на лето, в городе, у себя в доме, который находился на площади, напротив Зимнего дворца.

Кирш рассказал все, начиная с поездки в загородный

трактир. Он передал подробно князю, как Трамвиль просил отвезти в Зимний дворец письмо с пятью латинскими буквами вместо адреса, передал свой разговор с арапом Мустафой и с серым человеком.

Куракин выслушал внимательно и переспросил, когда Кирш замолчал:

– Неужели он так и велел вам сказать: «Он жив в сыне»?

– Да! – подтвердил Кирш.

– Этому арапу?

– Да!

– Странно! – покачал головой Куракин.

– Мне тоже, – сказал Кирш, – показалось это странным, что у них такой лозунг, имеющий важное таинственное значение.

– А вам разве известно оно?

– Не вполне точно, князь, но в общем я, кажется, предугадываю его смысл по тем книгам, чтение которых составляет мое любимое дело.

– Вы читаете такие книги?

– Да.

– А сами не посвящены? Не имеете еще масонской степени?

– Нет, я только ищу ее!

Князь Куракин замолчал и задумался.

– Очевидно, – проговорил он наконец, – случай заставил вас попасть в хитрую интригу, затеянную довольно смело и

дерзко. В том, что она существует, я не сомневался и видел уже по некоторым данным ее действие.

– Вот именно! – подхватил Кирш. – Этот серый человек без обиняков сказал мне, что все идет отлично, потому что с каждым днем теряют и теряют свое значение при дворе такие лица, как вы. Очевидно, в их расчетах удалить от государя всех искренне преданных ему, честных людей!

– И к сожалению они добьются своего.

– Но кто «они»?

– Не знаю! Я знаю только, что государю нет удачи в окружающих его людях! Насколько была счастлива в выборе своих помощников покойная императрица Екатерина, настолько император Павел Петрович несчастлив. Россией около ста лет правили женщины; двор, а за ним и все общество, до того привыкли к этому, что им трудно испытывать теперь строгость твердой мужской власти. А проявление ее было необходимо для нас: ведь дошло до такой распущенности, что в присутственные места чиновники вовсе не ходили, а гвардейские офицеры ездили в каретах, грея руки в собольих муфтах. Павел Петрович деятельно и энергично принялся за дело правления. Посмотрите ряд указов, изданных им: один другого замечательнее; нет отрасли народного хозяйства, нет части государственного управления, о которых он не подумал бы! Он первый выказал заботы о крестьянах. К сожалению, мы, дворяне, воображаем, что Россия только для нас, и заботимся лишь о своих интересах; о своих интересах за-

ботятся также и придворные, мечтающие только о наградах и о своей карьере, и военные, недовольные тем, что отняли у них муфты и заставили их служить по-военному. Возле государя нет людей, которые точно и толково исполняли бы его распоряжения; последние истолковываются вкривь и вкось или умышленно, или по непониманию переиначиваются. Много-много лет пройдет, пока оценят Павла Петровича и воздадут ему должное, отличат его дела и распознают главное от не главного, а пока это главное будет затемнено сплетнями, нелепыми рассказами и интригами вроде той, случайная сопричастность к которой привела вас ко мне. В данном случае, очевидно, тут не без иностранного влияния. Вы говорите этот Трамвиль – француз, ехавший прямо из-за границы?

– Да! – сказал Кириш. – Тем более что тот же маркиз де Трамвиль просил отвезти какие-то документы на английскую яхту, пришедшую недавно в Петербург и остановившуюся на Неве.

– Ах, на яхту этой таинственной леди...

– Гариссон, – подсказал Кириш. – Но удивительно, что они пользуются в своем обиходе мистическими словами масонского девиза. Не может быть, чтобы они оказались членами какой-нибудь масонской ложи.

– Отчего вы так думаете? – живо спросил Куракин.

– Оттого, что, насколько я представляю себе масонов, это – люди высшей нравственности, отнюдь не способные на

недостойную интригу.

– Вы правы, – согласился Куракин, – масоны тут ни при чем.

Простой, ласковый и общительный разговор князя Александра Борисовича и его приветливое обхождение очень нравились Киршу. Он нисколько не жалел, что пришел к нему.

– Скажите, пожалуйста, – спросил его между прочим Куракин, – отчего вы обратились именно ко мне, а не к кому-нибудь другому?

– По этому поводу со мной произошел довольно странный и редкий случай так называемого раздвоения, – ответил Кирш; – вчера, вернувшись из придорожного трактира, я сел за книги, думая предаться чтению, но мысли мои были, очевидно, заняты утренним происшествием и работали помимо меня. Я просидел до вечера, напрягая свое внимание, и в сумерках увидел, будто бы сам сижу перед собой и разговариваю со своим двойником. В этом разговоре мне было подсказано, чтобы я шел к вам.

– Это очень интересно! – сказал Куракин. – Я знаю несколько случаев раздвоения, происшедших даже на расстоянии, но мне приходится в первый раз слышать, чтобы человек видел сам себя так, как вы! С вами часто случается это?

– Это было со мной в первый раз.

– Вы, вероятно, в этот день ничего не ели или, по крайней

мере, очень мало?

– Да, – подтвердил Кирш, – я ничего не ел, целый день был сосредоточен на одном умственном занятии и все-таки так или иначе перед тем испытал некоторое волнение. Поэтому то, что случилось со мной, не испугало и даже не поразило меня.

– Да поразительного тут ничего и нет для того, кто знаком с книгами, которые вы читаете. Знаете ли вы, что в Америке была девушка, у которой в Европе существовало второе «я»? В Европе жила другая девушка, которая просыпалась лишь тогда, когда засыпала та, которая была в Америке, и наоборот. По своему материальному положению они были совершенно различны; умерли они в один и тот же день и час. Этот случай был открыт случайно, и, вероятно, он не единственный, но остальные неизвестны только потому, что, действительно, чрезвычайно трудно поддаются наблюдению.

– Я думаю, – заметил Кирш, – многое так пропадает для нас бесследно только потому, что мы не можем или не умеем еще наблюдать.

– А сами вы чувствуете себя способным для наблюдений? – спросил Куракин.

– Не знаю! Вероятно, да!

– Ну, тогда попробуйте, понаблюдайте вот эту историю с французским маркизом и постарайтесь разгадать, что это за люди? Я, со своей стороны, постараюсь сделать все, что могу. А вы, когда что-нибудь узнаете, приходите ко мне, тогда

потолкуем!

– Да, но как же я буду разыскивать и наблюдать, – возразил Кирш, – когда я даже не знаю с чего начать?

– Вы должны найти это сами! Все в жизни так: разве мы знаем, в сущности, что-нибудь в ней? Даже и саму жизнь часто не знаем как начать; однако же ничего, живем и дело делаем! Вот так и вы!

– Что же, я готов! – сказал Кирш. – Только все-таки едва ли я что-нибудь смогу тут сделать по своей воле; тут можно узнать что-нибудь, если только подвернется к тому удобный случай.

– И случай подвернется, если вы захотите этого!

– Неужели человек может управлять и случаем?

– До известной степени да! Нужно только уметь желать, молчать и наблюдать!

В это время дверь кабинета, в котором они сидели, открылась, и вошел лакей, держа на подносе письмо, которое он подал Куракину. Последний распечатал письмо, развернул и, обратившись к Киршу, сказал ему, как бы прося извинения:

– Вы позволите?

Кирш почтительно поклонился.

Куракин прочел письмо и спросил у лакея:

– Кто принес?

– Человек без ливреи принес и удалился!

– Хорошо, ступай! – приказал лакею Куракин. – Ну, вот видите, – обернулся он к Киршу, – случай уже является к вам

на помощь: в этом письме меня извещают люди, известные мне, что сегодня вечером в доме на Пеньках будет маленькое собрание, судя по приметам, именно тех лиц, о которых вы мне говорили. Я сообщаю вам это для того, чтобы вы поступили, как полагаете лучше.

– Какой же дом на Пеньках? – спросил Кирш.

– Это мне неизвестно; я вам сказал все, что узнал из письма; в нем сказано, что вчера в Петербург привезены французским маркизом важные бумаги и что поэтому в доме на Пеньках соберется несколько человек. Вот вам нить, доберитесь по ней до клубка и распутайте его, если можете!

– А если я распутаю его? – спросил Кирш.

– Тогда я вам скажу, что вы не даром читали ваши книги и что испытание, выпавшее на вашу долю для достижения первой степени посвящения, выполнено вами.

– Так вы думаете, что это дается мне испытание?

– Не думаю, а уверен в этом.

Куракин близко наклонился к Киршу и таинственно произнес:

– Слова «он жив в сыне» не произносят даром!

Глава XIII

Варгин сидел с утра в своей мастерской и писал этюд женской головы с рыжими волосами и гордыми строгими чертами лица. Выходил портрет леди Гариссон, очень похожий; Варгин был доволен своей работой.

Пришел Елчанинов, грустный и очень недовольный.

Увлеченный своим делом Варгин не заметил его настроения; не кладя кисти, он поздоровался с приятелем и спросил только, кивнув на этюд:

– Хорошо?

Елчанинов рассеянно поглядел, криво усмехнулся и промычал что-то совсем неопределенное.

– Ты чего усмехаешься и мычишь? – заговорил Варгин, – ты думаешь, я не знаю? Ты ведь смотришь, а сам думаешь: «Пиши, мол, себе свою красавицу, а моя все-таки лучше!»

– Какая «моя»? – переспросил Елчанинов и деланно зевнул, притворяясь вполне равнодушным ко всему.

Варгин насмешливо подмигнул ему.

– Ну, как какая? Разумеется, вчерашняя, которую ты вчера в карете привозил. Что же ты вчера виделся с нею?

– Нет, не виделся!

Варгин, отстранившись от холста, взглядываясь в свою работу и вовсе не вникнув в то, что ему сейчас говорили, одобрительно мотнул головой и сказал:

– Отлично!

– Что же тут отличного? – обиделся Елчанинов.

– Как что? Все отлично! Да, так что же ты говоришь?

– Я ничего не говорю, – ответил Елчанинов и еще больше надулся.

– Так ты видел ее вчера?

– Да нет же!

– Значит, сегодня?

– И сегодня не видел.

– Как же это так? Ну, а вещи маркиза? Разве ты их не отвез сегодня в дом Верхотурова?

– Вчера, когда мы уехали в город и я вернулся потом с подводой за вещами, оказалось, что без нас приезжал этот лакей Трамвиля – Станислав, забрал все и уехал.

– Куда?

– Не знаю.

– Ну а в доме князя ты был?

– Был, но только меня туда не пустили.

– Вот оно что! Но ведь Трамвиля туда отвезли? Ты бы и спросил, если не самого маркиза, так его Станислава!

– Мне сказали, что никакого маркиза в доме князя нет.

– Значит, он как бы исчез бесследно?

Елчанинов ничего не ответил и, надув губы, отвернулся.

– Ну, так ты все-таки не грусти! – ободрил его Варгин. – Дело еще далеко не пропащее! И маркиз, и Станислав, и все другие найдутся!

– А разве они пропали? – раздался в это время голос Кирша, вошедшего и услышавшего последние слова Варгина.

– Кирш, – воскликнул тот, – на этот раз у тебя книжный запой недолго продолжался? Я к тебе ломился вчера, чтобы выбрать хорошенько за то, что ты нас оставил одних.

– Ну, об этом после! – перебил его Кирш. – Ты говоришь, что маркиз пропал?

– Ну да! Вот Елчанинов принес известие.

Кирш обернулся к Елчанинову и, увидев его грустное лицо, невольно спросил:

– Что с тобой?

– Влюблен! – коротко пояснил Варгин.

Елчанинов встал со своего места и проворчал:

– Все это глупости!

Варгин подмигнул на него Киршу и рассмеялся.

– Вчерашняя девица в карете, понимаешь?

– Ну, а ты что такой жизнерадостный?

– Я? – подхватил Варгин. – Я – потому что тоже влюблен!

Видишь? – показал он свой этюд.

– Странная какая-то, – сказал Кирш, – но хороша! Кто же это такая?

– Леди Гариссон.

– Она-то не пропала, я надеюсь?

– Нет! – убедительно протянул Варгин. – Я закончу этот этюд и отвезу его показать и потом буду писать с нее портрет; в этом состоит мой план; а тут и другие отыщутся! – добавил

он, обращаясь в сторону Елчанинова.

– Так ты, значит, с этой леди завел дружбу? – стал спрашивать Кирш, присаживаясь и деловито сдвигая брови.

– Уж и дружбу! До дружбы, брат, далеко! Она, по-видимому, такая знатная дама, что мне, бедному художнику, дружить с нею не приходится.

– Так что же ты хвастал тогда, что через леди отыщешь и других? – вступил вдруг в разговор Елчанинов, получивший было надежду и снова потерявший ее.

– Я тебе не говорил, что отыщу этих других через нее, – остановил его Варгин. – Они сами отыщутся.

– Как же так?

– А так, что этот самый Станислав непременно разузнает, где я живу, и придет ко мне.

– Зачем?

– В самом деле, зачем? – спросил и Кирш.

– Да он, должно быть, немножко полоумный; по крайней мере, он уверял меня, что это – его жена.

Варгин показал на этуод.

– Леди Гариссон? – переспросил Кирш.

– Ну да! Вернувшись от нее в трактир, я стал чертить на столе ее профиль, Станислав увидел и стал спрашивать, откуда я ее знаю, где я с ней встречался, и сказал, что это профиль его жены. Но это вздор, конечно; однако я ему не мог ничего объяснить, потому что тут подъехал Елчанинов в карете. Ну, так вот, я и думаю, что этот Станислав не успоко-

ится и придет ко мне, чтобы расспросить меня как следует.

– Ты это не врешь? – серьезно спросил Кирш.

– То есть ни капельки не вру!

– Ну, тогда это очень важно! – проговорил Кирш, вдруг повеселев. – Потом посмотрим, что из этого выйдет, а пока пойдем куда-нибудь завтракать. У кого деньги есть?

– Деньги у меня есть! – ответил Елчанинов, тоже несколько повеселевший. – Я пойду с вами!

– Ну вот, я говорю, что все будет отлично! – заключил Варгин.

И они все трое отправились завтракать.

Через некоторое время друзья расстались.

Глава XIV

Узнав от Варгина и Елчанинова все, что было ему нужно, Кирш сам ничего не рассказал им о себе и простился с ними, чтобы идти по делу, как он сказал им, но, в чем оно состояло, не объяснил. Они уговорились, что увидятся вечером у Варгина.

Кирш отправился один отыскивать дом на Пеньках, где, по указанию Куракина, должно было происходить собрание людей, выследить которых взялся Кирш.

Местность, где стоял этот дом, была за Чернышевым мостом, по направлению к Ямской.

Как известно, есть не только в лицах людей какой-то особый отпечаток, по которому можно определить их характер, но и у домов. По крайней мере, человеку наблюдательному по внешности дома нетрудно бывает иногда угадать, каковы жильцы его.

Кирш как-то сразу распознал на Пеньках странный дом. Впрочем трудно было его и не заметить: он был двухэтажный, небольшой, каменный и стоял фасадом на улицу; на нижнем этаже вовсе не было окон, да и на верхнем они казались не совсем обыкновенными – слишком маленькими и редко поставленными.

Этот дом был не старинный, потому что и всему-то Петербургу тогда не было ста лет, но, во всяком случае, старой

постройки, возведенной в то время, когда здесь еще не было многочисленного населения и приходилось бояться лихих людей и принимать против них меры. Иначе нельзя было объяснить железо, оковывавшее дверь, – единственное отверстие на нижнем этаже, – и крепкие железные решетки на окнах верхнего.

«Наверное, здесь!» – подумал Кирш, разглядывая дом и вдруг к собственному удовольствию убедился, что он действительно не ошибся.

У двери дома на скамейке сидел человек, и Кирш сейчас же узнал его: это был Станислав, слуга маркиза де Трамвиля.

Станислав тоже узнал Кирша и радостно бросился к нему навстречу, снимая шляпу и кланяясь.

– Пусть пан будет ласков сказать мне, как же можно после этого не верить в судьбу, – заговорил он. – Я сижу вот тут и думаю: «Господи Боже мой, как бы мне повидать хотя кого-нибудь из господ, с которыми мы вчера встретились?» – и вдруг идете вы!

– Ваша правда, – согласился Кирш, – это действительно судьба! А вы остановились в этом доме?

– Да, нас привезли сюда.

– И маркиза?

– Ну да, пана маркиза и меня! Сначала мы все думали, что маркиз умер, и доктор так говорил, а когда привезли его сюда и пригласили ксендза...

– Польского? – переспросил Кирш.

– Из католической церкви святой Екатерины. Он пришел, оглядел пана маркиза, расспросил все, как было, осмотрел шкатулку и лекарство, которое давали пану, и стал уверять, что пан жив, только будто бы ему дали слишком много лекарства. Затем ксендз из той же шкатулки взял другой флакон, влил маркизу в рот и стал растирать ему тело сукном, и пан маркиз очнулся. «Ну вот, – сказал ксендз, – а я уж думал, что мне и поговорить с ним не придется».

– Значит, они были знакомы?

– Я так понимаю, что да! Пан маркиз, когда очнулся, то сказал: «А, вы здесь уже, отец!»

– Вот что, – предложил Кириш, – не пройдем ли мы с вами куда-нибудь распить бутылку вина?

– Не могу! – ответил Станислав. – Кроме меня других слуг в доме нет; я вышел на минуту только подышать воздухом и должен вернуться.

– А кто же остался с маркизом?

– При нем теперь ксендз. Мне долго с вами говорить нельзя; будьте ласковы, скажите, как мне найти вашего товарища?

– Это который нарисовал профиль на столе?

– Да-да, профиль! Вы знаете об этом?

– Мой милый Станислав, – серьезно сказал Кириш, – я знаю больше, чем вы думаете и можете предположить.

На самом деле Кириш ничего не знал, но он счел выгодным притвориться перед Станиславом.

– Неужели? – подхватил тот, легко поддаваясь игре Кирша. – Неужели вы знаете больше, чем я могу предположить? В таком случае вам известно также...

– Чей это был профиль? – таинственным шепотом подсказал Кирш.

Станислав вздрогнул.

– Мне это известно, – заявил Кирш с неподражаемой уверенностью. – Вы приехали сюда, в Петербург, чтобы отыскать ее?

– Да! – не без удивления подтвердил Станислав, забывший, что сам рассказывал об этом Варгину.

– Только вот что! – деловито возразил Кирш. – Неужели вы думаете, что отыщете ее, оставаясь в услужении у маркиза в качестве его лакея?

– О, пусть пан не думает, я никогда не был лакеем, и если стал им, то лишь для того, чтобы добраться до Петербурга!

– Ну, а здесь вы должны уйти от маркиза и стать сами господином!

– Но на это надо иметь деньги! Если пан принимает во мне участие, то пусть покажет мне, как добыть деньги.

– И ведь надо торопиться! – нарочно поддразнивая Станислава, сказал Кирш. – Иначе уйдет время, и она может уехать!

Станислав схватился за голову.

– Иезус Мария! – вырвалось у него. – Что же из этого будет?

– Из этого будет то, что вы напрасно приехали в Петербург и что вы сами останетесь в этом виноваты, если не захотите слушать меня.

– Я рад слушаться!

– Тогда и деньги будут!

Станислав разинул рот и невольно спросил:

– Откуда?

Кирш, нимало не смущаясь, ткнул себя пальцем в грудь и ответил:

– От меня! Вам сколько нужно на первое время? Рублей двести довольно?

Станислав задумался.

– Мне нужно, – стал высчитывать он, – купить приличное платье, взять номер в приличной гостинице; с теми деньгами, какие у меня были и какие я получил от пана маркиза, у меня есть около ста рублей, и двухсот мне хватит! О, если бы я имел двести рублей!

Кирш положил ему руку на плечо и сказал:

– Вы будете иметь их!

– Пан смеется надо мной?

– Нет, сегодня же вечером я вам принесу эти деньги. Скажите мне только, как пройти к вам вечером в дом. Вероятно, сзади есть другой вход?

– Есть! – сказал Станислав. – Сзади дома – сад, этот сад кончается стеною, и в ней калитка.

– Заперта?

– Но ключ от нее у меня! Мне сказано, что сегодня вечером я должен стоять у этой калитки и пропускать всякого, кто постучит три раза и скажет слова пропуска.

– Какие это слова?

– О, это я не могу сказать вам! Я дал страшную клятву не выдавать их.

– Но, во всяком случае, вы можете пропустить меня и без них?

– И этого не могу! Той же клятвой я связан, что не пропущу никого, кроме тех, кто произнесет условленные слова!

– Так пропустите меня через дверь с улицы!

– Дверь с улицы будет заперта, а ключ от нее мне не дадут!

Разговор, так хорошо начавшийся для Кирша, вдруг принял совсем другой оборот.

Неизвестно было, правду ли говорил Станислав, или он просто испугался, что все-таки незнакомый ему человек требует, чтобы его впустили в дом.

– Но ведь я же принесу вам деньги! – попытался все-таки соблазнить Станислава Кирш.

Тот опустил голову и развел руками.

– Если пан хочет это сделать, то пусть принесет их завтра утром!

– Но завтра утром, может быть, будет поздно! – сказал Кирш.

– Так что же делать? – недоумевающе произнес Станислав.

Кирш наклонился к его уху и внушительно прошептал ему: «Ждать меня сегодня вечером!», – а потом приподнял шляпу и громко добавил:

– Так до сегодняшнего вечера! До свидания!

Станислав, ничего не понимая, остался на месте и долго глядел вслед удалявшемуся Киршу, до тех пор пока тот не скрылся за углом.

А Кирш, повернув за угол, постарался ознакомиться с местностью; он обошел квартал и легко отыскал с закоулка стену и калитку в ней.

Сделать это было легко, так же, как легко было сказать Станиславу, чтобы он ждал сегодня вечером; но, чтобы в действительности выполнить такое обещание, для Кирша существовало серьезное препятствие; оно заключалось не в словах пропуска (Кирш мог догадаться, какие они были), но в двухстах рублях; между тем их не только не имелось у Кирша, но он и не знал еще, откуда возьмет их.

Когда он явился к Варгину и Елчанинову и сказал им, что ему нужно сегодня к вечеру двести рублей, они от всей души, чистосердечно расхохотались, думая, что он шутит.

– Да вы не дерите глотки! – остановил он их. – Я говорю вам, что это вполне серьезно.

– Тем оно смешнее, – заговорил Варгин, – или, может быть, и вовсе грустно, потому что, значит, ты сошел с ума, если серьезно говоришь нам такие вещи.

– Мне нужно достать сегодня к вечеру двести рублей! –

процедил сквозь зубы Кирш и стал ходить по мастерской, углубившись в размышления.

Варгин с Елчаниновым махнули на него рукой и задумались каждый о своем или, вернее, о своей.

– У тебя сколько денег? – подошел вдруг Кирш к Елчанинову. – Ты говорил, что получил сегодня.

– У меня теперь тридцать семь рублей с копейками; только это мне на целый месяц, и их я отдать не могу!

– Я и не возьму их надолго. Давай двадцать пять! – сказал Кирш и протянул руку.

Доверие к его гению относительно доставанья денег было такое, что Елчанинов без промедления вынул двадцать пять рублей и отдал их приятелю.

– Ну, теперь идемте! – смело проговорил Кирш.

– Куда? – усомнился Варгин.

– Говорят тебе, иди, – несколько возвысил голос Кирш, – а то мы с Елчаниновым вдвоем отправимся!

Это подействовало на Варгина, и он послушно последовал за Киршем.

Тот повел их по знакомым улицам, но все-таки ни Елчанинов, ни Варгин долго не могли догадаться куда? Наконец они завидели довольно известный, еще с екатерининских времен, домик, где содержался игорный притон.

Несмотря на строгие порядки нового царствования, по которым с девяти часов вечера повсюду должны были тушиться огни, здесь круглые сутки, то есть день и ночь, шла азарт-

ная игра.

«Неужели он сюда? – мелькнуло в одно и то же время у Варгина и у Елчанинова. – Да нет, не может быть!» – усомнились они, зная характер Кирша, никогда не пускавшего в денежных делах на рискованные предприятия.

Но Кирш входил в это время в дверь игорного дома, и приятели последовали за ним.

Большая игорная комната была полна народом, и, несмотря на отворенные окна, в ней стоял синий табачный дым, пахло вином и было душно. Окна выходили, разумеется, не на улицу, а куда-то в сад, пустынный и запущенный.

Посреди комнаты стоял большой, обтянутый зеленым сукном стол, и на нем возле счастливых, которым везло, лежали груды золота и кредиток; проигравшие стояли кругом и лихорадочно-воспаленными глазами жадно следили за перипетиями игры, как голодные смотрят сквозь окна магазинов на лакомства, приготовленные для других.

Двое (один из них был старик), видимо, проиграли уже много и ставили на карту последнее, волнуясь и трясясь, не видя ничего кругом и не понимая.

Тут были люди и почтенные, и совсем молодые, и аристократы, и средние люди, но все они, забыв и воспитание, и разницу возрастов и положений, уравнивались каким-то животным чувством страсти, единственно выразившейся на их лицах.

Один банкромет, бесстрастно и как будто машинально де-

лал свое дело, отрывая карты от приколотой кинжалом к столу колоде и кладя их направо и налево. На лице его была видна только усталость, но глаза внимательно следили за играющими, делавшими ставки, и привычные руки методически загребали проигрыши в банк.

Банк был довольно значительный, и в нем лежала порядочная куча денег.

Разговоров почти не было, слышалось как будто одно общее тяжелое и напряженное дыхание.

Самая крупная ставка была на восьмерке; все, видимо, ждали ее, с нетерпением следя, куда она ляжет: направо или налево?

«Нет! – решил Елчанинов, не спуская взора с Кирша. – Если он вздумает ставить, я его не пушу, так-таки прямо силой и не пушу!»

Им случалось всем втроем бывать в этом доме, но больше для того, чтобы покутить; случалось и поигрывать, но только так себе, без всякой цели, на небольшие и шальные деньги, которые не жалко было оставить.

Теперь, если Кирш задался целью на двадцать пять рублей выиграть двести, выходило совсем другое; положим, он мог и выиграть, но мог и проиграть все двадцать пять рублей, а это, по тогдашнему времени, была, вообще, сумма довольно порядочная, для Кирша же – и очень крупная. На такой риск он не мог и не должен был идти по своим средствам, и Елчанинов твердо решил не допускать подобного безумия.

Восьмерка была бита.

Банкомет потянул бывшую на ней ставку и вдруг, прежде чем Елчанинов мог опомниться, Кирш кинул все двадцать пять рублей на стол, но не на то место, где делали ставки, а под руку банкомета, загребавшего деньги в банк.

– Это что же такое? – спросил банкомет.

– Мой проигрыш! – хладнокровно ответил Кирш.

– Но ведь вы не ставили денег на карту? – еще более удивился банкомет.

– Я поставил мысленно! – громко и отчетливо произнес Кирш, так что все это слышали.

Вокруг стола пробежал говор.

Елчанинов стоял ни жив, ни мертв, чувствуя, что ничего не может сделать. Варгин переминался с ноги на ногу, кусал губы и изумленно оглядывался кругом.

Банкомет пожал плечами, улыбнулся и как бы против воли, подчиняясь блаженной фантазии щедрого игрока, положил деньги в банк и продолжал метать.

Следующая дана была дама.

Кирш вдруг протянул обе руки к банку и потащил к себе все, что там было.

– Позвольте! – остановил его банкомет.

– То есть как «позвольте»? – возразил Кирш.

– Ну да! Вы забираете банк?

– Я мысленно шел по банку на даму! – заявил Кирш и решительно потянул к себе деньги.

Кругом заволновались. Послышались возгласы, раздался хохот. Банкомет растерянно оглядел играющих, напрасно ища в них поддержки и сочувствия: право было на стороне Кирша. Банкомет мог не принять его мысленной ставки в двадцать пять рублей, но, раз он принял ее, то должен был и отвечать теперь на другую мысленную же ставку Кирша.

– Как же это так? – начал было он все-таки протестовать.

Но тут уже выступил Елчанинов своей сильной, огромной фигурой.

– Да так, – перебил он, сообразив теперь и поняв, в чем дело, – вы двадцать пять рублей приняли?

Банкомет должен был согласиться, что принял.

– Ну, так и платите теперь! Спорить было нечего.

– Вот так случай! Такого случая не было! – удивлялись кругом.

– И уж, конечно, не будет! – сказал банкомет, убедившийся, что всякие дальнейшие протесты и разговоры будут напрасны.

Кирш же спокойно забрал деньги в карман; у него было не двести рублей, а больше.

Глава XV

Наступил вечер.

У Кирша уже был выработан план действий во всех подробностях.

При предварительном осмотре местности, который он сделал, расставшись со Станиславом, он заметил, что в закоулке, куда выходила стена с калиткой, по другую сторону тянулся довольно ветхий полуразрушенный забор, казавшийся очень удобным для засады. Он ограждал какой-то пустырь, но настолько плохо, что проникнуть по другую его сторону и спрятаться за ним не представляло никакого затруднения.

Кирш, сидя за забором, в вечерних сумерках видел, как несколько человек подошли к калитке, постучало в нее тем «треугольным» ударом, который был уже знаком Киршу, и исчезли за ней. В одном из них Кирш узнал серого человека, виденного им во дворце.

За ними вошла в калитку закутанная с ног до головы женщина. Она приехала в карете, но вышла из нее не у самой калитки, а на углу улицы, где карета осталась, чтобы ждать ее.

Лица этой женщины Кирш не видел, но ему нетрудно было догадаться, что, это – леди Гариссон, так как она, по характеру сношений с маркизом де Трамвилем, очевидно, должна была присутствовать на сегодняшнем таинственном собрании.

Леди Гариссон была последняя. Мирный закоулок погрузился в полную тишину.

Кирш выждал еще некоторое время и решил, что пора и ему действовать. Он выбрался из-за забора, смело подошел к калитке, стукнул в нее раз, потом через некоторый промежуток еще два раза и услышал со стороны сада такой же ответный стук.

Станислав был здесь, а Кирш главным образом боялся, что он, пропустив всех, мог уйти.

– Он жив в сыне! – произнес Кирш, не сомневаясь, что это и были слова пароля.

Щелкнул замок и калитка растворилась.

– Иезус Мария! – воскликнул Станислав, увидев перед собой Кирша. – Может ли это быть, что я вижу пана?

– Я вам сказал, что приду к вам сегодня вечером, – спокойно проговорил Кирш, – и, как видите, исполнил свое обещание, хотя вы и сомневались в этом.

Теперь Станислав, кажется, начинал уже верить в то, что имеет дело с не совсем обыкновенным человеком.

– Я не мог знать, что пану известны слова пароля, – возразил он.

Кирш хитро и таинственно улыбнулся.

– Я вас предупреждал, что вы вовсе не знаете и даже не можете предположить всего того, что известно мне! Я принес вам двести рублей.

– Вы принесли мне двести рублей?

– Ну да! Запирайте калитку и проведите меня куда-нибудь к себе, чтобы я мог передать деньги. Здесь это сделать неудобно: нас могут увидеть.

Кирш, в самом деле, боялся быть замеченным, потому что тогда его план рушился бы сам собой.

– Но разве пан пришел только для меня сюда? – спросил Станислав.

– Только для вас!

– А не для общества, которое собралось в доме?

– Может быть, и для общества, мой любезный Станислав, но пока делайте то, что я вам говорю, иначе вы не получите денег.

– Но мне нельзя отойти, – заговорил Станислав, смутившись, – ведь я должен оставаться у калитки, если еще постучит кто-нибудь.

– Можете быть спокойны, больше никто не постучит! – решительно уверил его Кирш, которому было важно, чтобы Станислав провел его к себе, и положительно было безразлично, если не попадут на собрание запоздавшие.

– Пан, наверное, это знает? – видимо, сдаваясь, спросил Станислав.

– О, наверное! Можете не сомневаться!

– Тогда я буду повиноваться пану!

«Слава Богу! Наконец-то!» – подумал Кирш и пошел за Станиславом по направлению к дому.

Станислав ввел его в холодную кухню нижнего этажа, где

горела превосходная бронзовая масляная лампа, очевидно, не составлявшая принадлежности кухонной утвари, а принесенная сюда из парадных комнат домика. Вообще, судя по кухне, здесь не было признаков заведенного хозяйства, и все имело вид только что потревоженного вновь прибывшими людьми, давнишнего, прочно осевшего здесь запустения.

Кирш выложил деньги на стол. Он нарочно принес их не кредитками, а золотом, и, когда при свете лампы блеснуло золото, глаза Станислава жадно вспыхнули и он, как бы не веря им, протянул руки к золоту.

– И это пан отдаст все мне? – проговорил он, как бы боясь, что его только подразнят деньгами и сейчас же отнимут их.

– Да, я это даю вам! – сказал Кирш, подавляя в себе чувство некоторого отвращения к нескрываемой Станиславом жадности.

Тот схватил деньги, придвинул их к себе и, приблизив свое лицо к лицу Кирша, заговорил нервно, отрывисто и взволнованно:

– Да, но за что, за что вы мне даете это? Скажите, будьте ласковы, за что?

Кирш почувствовал, что во избежание каких-нибудь подозрений со стороны Станислава нужно ему дать какое-нибудь объяснение, и дал первое, попавшееся ему на язык;

– Хотя бы за то, что вы много перенесли и страдали в своей жизни.

– О, да, да, – подхватил Станислав, – я много перенес и

страдал! – И он совершенно удовлетворился этим, в особенности потому, что ему очень хотелось получить двести рублей. – Да, – повторил он, – пан все знает, я, действительно, много страдал!

– Я потому поторопился принести вам сегодня деньги, – заговорил Кирш, – что завтра могло быть поздно.

– Почему же поздно? – усмехнулся Станислав, пересыпая червонцы из одной горсти в другую и с удовольствием любясь блеском золота.

– Вы думаете, – в свою очередь произнес Кирш с усмешкой, – что получить деньги никогда не бывает поздно?

– Конечно, я думаю так!

– Относительно денег это верно, но, не приди я к вам сегодня, вы, может быть, не увидели бы своей жены, которую вы ищете?

– Как? Никогда? – испугался Станислав.

– Этого я не знаю, но едва ли увидели бы ее сегодня!

– Как сегодня? – воскликнул Станислав и встал со своего места. – Где сегодня?

– Здесь, в этом доме!

– Здесь? Да пан смеется надо мной!

– Нет, я говорю вам совершенно серьезно! Здесь собралось несколько человек, которых вы сами пропустили в калитку, и в числе их явилась закутанная с ног до головы женщина. Ну так вот, она та, которую вы называете своей женой!

– Да не может быть! Не может быть! – повторил Стани-

слав.

– Погодите, не будем горячиться! Они собрались на верхнем этаже этого дома?

– Да, в большой комнате, столовой!

– И маркиз де Трамвиль там?

– Нет, он в другом конце дома.

– Со священником?

– Нет, к нему приехала та молодая панна, которая привезла его сюда из трактира на дороге.

– А кто она такая?

– Панну зовут Верой, вот все, что я знаю о ней. А кто она – мне неизвестно.

– Так она сидит с маркизом? А остальные, вы говорите, в большой комнате?

– Да, в большой комнате, потому что мне велели приготовить там стол и зажечь два канделябра. Затем мне приказали, под страшной клятвой, отворять калитку тем, кто скажет мне слова пароля, и запретили подниматься наверх. Вы ведь знали эти слова пароля, и я не нарушил клятвы тем, что пропустил вас?

– Нет, нет! – успокоил его Кирш. – Вы клятвы не нарушили! А вас тоже заставили поклясться, чтобы вы не поднимались наверх?

– Нет, такой клятвы я не давал!

– Хорошо. А есть возможность нам сейчас пройти туда и как-нибудь увидеть то, что делается теперь в столовой?

– Но зачем это? – спросил Станислав.

– Чтобы вам поглядеть на вашу жену, какая она стала теперь! – не смущаясь объяснил Кирш. – Ведь я стараюсь только для вас и хочу помочь вам, сочувствуя вашим страданиям.

– Поглядеть на нее? – заговорил Станислав. – В самом деле, в этом не будет ничего дурного; ведь она моя жена, и я имею право поглядеть на нее!

– Ну, конечно! – стал поддакивать ему Кирш. – Но только есть ли возможность сделать это?

– Возможность есть! Дело в том, что рядом со столовой библиотека, и из нее, над дверью, есть круглое окно в столовую.

– Этого довольно! – перебил его Кирш. – В библиотеку пройти легко?

– О, легко, прямо по этой лестнице!

– Тогда идемте! – и Кирш, не дожидаясь ответа Станислава, схватил его за руку, а затем потащил за собой.

Станислав повиновался ему, не сопротивляясь, и они, затаив дыхание, неслышными шагами поднялись по лестнице и очутились в библиотеке. Кирш, шедший впереди, интуитивно отгадывал дорогу.

Библиотека представляла собой небольшую комнату, стены которой от пола до потолка были заняты полками с книгами, и только над дверью – очевидно, в столовую, как указал Станислав, – виднелось круглое, освещенное с противоположной стороны окно, какие любила устраивать фантазия

архитекторов восемнадцатого века и для которых существовало особое французское название: *oeil de boeuf*, то есть «бычий глаз» в русском переводе, или слуховое окно, по-нашему. Пол библиотеки был покрыт мягким ковром.

Тихо, без шума, без слов понимая друг друга, Кирш со Станиславом неслышно придвинули по ковру к двери библиотечную подвижную лесенку, служившую для того, чтобы доставать книги с верхних полок, и первым взобрался на нее Кирш. Он добился своего, и расчет его оказался совершенно верен: благодаря Станиславу, ему удалось незамеченным заглянуть в комнату таинственного собрания.

Там, за столом, покрытым сукном, на котором горели два канделябра с восковыми свечами, велся между собравшимися оживленный разговор.

На главном месте, в торце стола, спиной к двери, сидел католический патер; рядом с ним, с края, была леди Гариссон, которую Кирш узнал по сделанному Варгиным этюду. Однако разговаривали они так тихо, что ни одного слова нельзя было разобрать.

Кирш прислушался и почувствовал в это время, что стоявший внизу Станислав в нетерпении дергает его за ногу. Он отмахнулся от него рукой, чтобы тот не мешал ему.

Кроме леди Гариссон и серого человека, Кирш не знал в лицо никого из сидевших за столом, лица же патера он не видел.

Станислав, желавший поскорее сменить Кирша на лест-

нице, дернул его сильнее, так что тот пошатнулся и, ухватившись за притолоку и отставив вперед ногу для поддержания равновесия, слегка задел ею дверь.

Было ли это слышно в столовой или случайно, но патер оглянулся; Кирш сразу же узнал его и вдруг понял: если не все, то во всяком случае многое открылось ему.

В обернувшемся патере Кирш узнал отца Грубера, видного и деятельного члена иезуитского ордена.

Присутствие этого человека здесь в качестве председателя сразу показывало, что дело, по которому они собрались здесь, было делом отцов иезуитов и, очевидно, все присутствующие были членами ордена Иисуса.

Должно быть, Грубер подумал, что ему послышался только стук в дверь, потому что неосторожность Кирша не вызвала никакого переполоха в столовой. Грубер только сказал что-то своему соседу справа, тот встал и вышел в противоположную дверь библиотеки.

Кирш поглядел вниз, желая уступить свое место Станиславу из боязни с его стороны новых знаков нетерпения, но Станислава уже не было: очевидно, он испугался, что их поймают, и заблаговременно обратился в поспешное бегство.

Волей-неволей Киршу оставалось только последовать за ним, потому что нельзя было ручаться, что сделает сейчас Станислав. Тот мог побежать и со страха признаться во всем, хотя бы тому же маркизу, и выдать Кирша. Таким образом, оставаться одному в библиотеке было опасно, да и не нужно.

Все равно услышать, что говорили в столовой, он не мог, а увидел он достаточно и знал теперь наверняка, с кем имеет дело. Сколько бы он ни стоял тут, большего ему увидеть не пришлось бы. Поэтому он осторожно сошел с лестницы и спустился вниз.

Станислав был уже на кухне и буквально дрожал со страха, как в лихорадке.

– Что пан наделал со мной! – укоризненно закачал он головой и замахал руками. – Ни в жизнь я не испытал такого страха, ни в жизнь!

Кирш, успокоенный, что Станислав не сделал никакой глупости, стал уверять его, что он совершенно напрасно испугался и что в столовой никто ничего не заметил.

Станислав прислушивался, не идет ли кто за ними сверху, но в доме все было по-прежнему тихо, и эта тишина подействовала на него более, чем слова Кирша. Любопытство взяло все-таки верх, и Станислав стал спрашивать Кирша:

– А вы все-таки видели ее? Она там? Скажите, пожалуйста, она там? Вы ведь ее знаете?

– Да, я ее знаю, – подтвердил Кирш. – Она там, и я видел ее!

– Так вот что! – подхватил Станислав. – Ради Бога, будьте ласковы, уйдите отсюда. Если узнают, что у меня здесь посторонний человек – ни вам, ни мне несдобровать!

Кирш не мог не улыбнуться, сейчас же вполне поняв наивную хитрость Станислава, с которой тот хотел спровадить

его поскорее, чтобы одному остаться хозяином положения, пробраться снова в библиотеку и без посторонней помехи занять наблюдательный пост.

Впрочем, желание это было у Станислава естественно, и Кирш не хотел мешать ему, тем более что дальнейший разговор с поляком не представлял никакого интереса.

Кирш на всякий случай объяснил Станиславу, как ему найти его, и попросил его проводить до калитки. Станислав с радостью исполнил это.

Глава XVI

Когда Кирш очутился по ту сторону стены, в закоулке, он все-таки в первый раз почувствовал, что вздохнул свободно. Робости и страха – он мог вполне признать это – он не ощущал, находясь – надо отдать должное – в положении не совсем безопасном, но, когда вышел из него, ему стало легче.

Он был очень доволен полученными сведениями и не без некоторой гордости думал о том, как явится теперь к Куракину и тот должен будет убедиться, что имеет дело с человеком, не лишенным некоторой энергии.

Трудно бороться с происками и кознями, когда только чувствуется возможный вред от них, но точно не знаешь, в чем они состоят и в чем их сила, и на какие средства способны они.

Кирш узнал сегодня самое главное: теперь ему стало известно, что те, с которыми ему приходилось иметь дело, были очень сильны, а что касается средств, то они не станут останавливаться ни перед какими, потому что, по основному правилу иезуитов, любые средства, даже преступные, оправдываются целью. Раз вопрос касается иезуитов, можно было с более или менее правдоподобной вероятностью предположить то, в чем в данном случае заключалась их цель и чего они желают добиться.

От калитки Киршу пришлось завернуть за угол, чтобы по-

пасть на улицу, куда выходил фасад дома, потому что другого выхода из закоулка он не знал, да если бы и был этот выход, пришлось бы плутать при тогдашнем не совсем еще правильном распределении домов Петербурга. Местность тут была не совсем спокойная, а время довольно позднее, так что лучше всего было выбраться поскорее на прямую улицу. Как только Кирш завернул за угол, от стены отделился человек, поравнялся с ним и пошел рядом.

Они были совсем одни, кругом все спало, ставни домов были заперты, карета леди Гариссон стояла далеко, в глубине закоулка.

Незнакомый человек поравнялся с Киршем довольно смело, несколько даже дерзко и вызывающе, вероятно желая заговорить.

«Что ему нужно от меня?» – подумал Кирш и пожалел, что не взял с собой никакого оружия.

Они повернули на улицу, и незнакомый человек, видя, что Кирш молчит, обернулся к нему и, спросив: «А вы были сейчас в этом доме?» – показал на видневшийся теперь темным силуэтом странный дом, без окон на нижнем этаже.

– А вам хочется это знать? – смело ответил Кирш вопросом, не меняя шага.

– Нет, я спросил это, чтобы только заговорить с вами, а на самом деле я знаю отлично, что вы были сейчас в этом доме, и знаю тоже, что вы принесли сюда деньги, чтобы подкупить слугу маркиза де Трамвиля, успели в этом, прельстили его

золотом, поднялись по лестнице на верхний этаж и там подглядели то, о чем вам не следовало знать.

Кирш остановился.

– Вот как! – невольно вырвалось у него. – Отцы иезуиты чисто обдeldывают свои дела! Вы, очевидно, из их компании?

– Отцы иезуиты не так просты и наивны, чтобы дать себя провести такому новичку, как вы! В то время как вы воображали, что следите за ними, они следили за вами, для того чтобы убедиться, как далеко может зайти ваша дерзость!

Тон, которым с ним говорили, не понравился Киршу.

– Так что же из этого выходит? – проговорил он, подбоченясь и принимая вызывающий вид.

– Из этого выходит, что дерзость ваша переступила границы дозволенного и что я прислан сказать вам, что отцы иезуиты не привыкли терпеть, чтобы посторонние люди проникали в их тайны.

Кирш насмешливо раскланялся.

– Поверьте, таинственный незнакомец, – сказал он, – что я приму ваши слова к сведению и они будут запечатлены в моей душе на вечные времена. Это все, что я вам могу сказать!

– Мы это увидим! – ответил незнакомец и громко и пронзительно свистнул.

Они стояли у самой двери таинственного дома; она со стуком распахнулась, из нее выскочило еще двое, и, прежде чем Кирш успел опомниться, его схватили, сдавили ему руки, словно железные тиски забрали его. Он попробовал барах-

таться, но увидел, что всякое сопротивление будет напрасно, – трое накинувшихся на него людей были сильнее его. Они хотели втолкнуть Кирша в дверь, но он, как бы предугадав это, уперся ногами.

– Вали его на землю! – послышалось приказание, и Кирш стал делать невероятные усилия, чтобы удержаться в равновесии, из которого хотели его выбить.

Все это произошло так быстро и так неожиданно, что Кирш не успел даже крикнуть, а когда раскрыл рот, чтобы сделать это, то почувствовал, что рот ему зажали мягким комком платка, вероятно, нарочно приготовленным для этого, и вместо крика, задушенного этим платком, у Кирша вышел только беспомощный хрип. Потом произошло что-то еще более неожиданное и почти совсем невероятное.

Вдруг тиски, схватившие Кирша, разжались; он почувствовал, что руки его свободны, начал работать ими и вытащил платок изо рта. Первое, что ему бросилось в глаза в темных сумерках ночи, было то, что его окружали уже не трое нападавших на него одного, безоружного, а четверо, и этот четвертый, помогая Киршу, справлялся с нападавшими на него с удивительной ловкостью, быстротой и силой. В тот же миг Кирш узнал в своем негаданном защитнике своего приятеля и воскликнул:

– Елчанинов!

– Кирш! – услышал он в ответ.

Узнав в свою очередь приятеля, Елчанинов как бы с удво-

енной энергией напал на врагов, еще раз доказывая, что недаром славился своей силой.

Один из обидчиков Кирша уже валялся на земле, сшибленный могучим кулаком Елчанинова; другой, приподнятый им на воздух, как мячик, полетел в отворенную дверь дома, третий, боровшийся в это время с Киршем, увидев, что остался один против двоих, сам юркнул туда.

Елчанинов захлопнул дверь и припер ее тростью, оставленной на поле сражения одним из позорно покинувших его.

Шум, который они подняли, был услышан внутри дома, окно на верхнем этаже отворилось, и оттуда выглянула какая-то фигура. Потом окно сейчас же затворилось, за дверью внутри дома послышались усилия, чтобы отворить ее, но подпиравшая ее трость держала дверь крепко.

– Вот так случай! – проговорил Кирш, отряхиваясь и поднимая свою шапку с земли.

Елчанинов нагнулся над побежденным, лежавшим как пласт, на улице без движения, потрогал его и сказал:

– Здорово двинул! Кажется, не шевелится!

– Пойдем отсюда! – предложил ему Кирш. – Ты как попал сюда?

– А ты как? – спросил Елчанинов.

– Был там, в доме.

– Ты был в этом доме? Ну, тогда пойдем.

И Елчанинов с Киршем скорыми шагами направились прочь от места происшествия.

– Так ты был в этом доме? Ты видел ее? – стал спрашивать Елчанинов, как только они отошли немного.

– Ну да, видел, – рассеянно ответил Кирш, ежась как будто от холода, несмотря на то, что ночь стояла теплая; ему все еще казалось, что чьи-то руки давят его, и он хотел освободиться от этого ощущения.

– Ты видел ее! – снова повторил Елчанинов. – Зачем она была здесь? И что это за люди, напавшие на тебя, и как ты попал в этот дом?

– Погоди, погоди, – остановил его Кирш, – не все сразу! Этот дом, насколько я могу понять, иезуитский, тут у них было сегодня маленькое собрание, а эти разбойники, приверженцы иезуитов, набросились на меня за то, что я сунул к ним свой нос.

– Ну, а она-то, она? – волновался Елчанинов. – Ведь она тоже была тут?

– Да, тоже на иезуитском собрании.

– Да быть не может! Ты что-то путаешь.

– Однако же я видел ее собственными глазами, точь-в-точь такую, как нарисовал ее Варгин.

– Ну, вот я и говорю тебе, что ты путаешь! Ту, что нарисовал Варгин, зовут леди Гариссон, а я тебя спрашиваю про другую!

– Про какую другую? Ах да! – вспомнил Кирш. – Ты про свою, про панну Веру?

– Ее зовут Верой?

– Кажется.

– Но отчего же ты называешь ее панной? Разве она полька?

– Ее так называл мне лакей этого маркиза.

– И ты видел ее в этом же доме?

– Да.

– Значит, и маркиз здесь?

– И маркиз. Он очухался; его воскресил патер Грубер, и она сидела с ним.

– Так я и думал! – подхватил Елчанинов. – Вот видишь ли: я ломился в дом к князю Верхотурову, меня туда не пустили, а мне так хотелось увидеть ее еще раз, не поговорить с ней, а только увидеть ее, что, когда мы разошлись сегодня, я отправился к верхотуровскому дому, получил там снова отказ и, как безумный, стал ходить под окнами, дожидаясь, не засветится ли хотя одно из них. Проходил я так довольно долго; меня словно магнитом притянуло к этому месту: не могу уйти, да и только! Потом уже я сообразил, что предчувствие не пускало меня! И ведь я дождался-таки! Со двора выехала карета, и в ней я мельком увидел один только абрис, но я сейчас же узнал ее. Я кинулся почти бегом за каретой, тут подвернулся извозчик, я вскочил на него. К счастью, карета ехала не шибко, можно было не бояться отстать от нее. И вот я видел, как она подъехала к этому дому, она вышла здесь из кареты и вошла в дом. Карета повернула и уехала, а я остался, бессмысленно озираясь, и, сам не зная, чего хо-

чу, смотрел на дом, словно хотел увидеть сквозь его стены, что там происходило внутри его. Я так и думал, что здесь лежит маркиз; только я был уверен, что он мертвый! Долго ли я стоял так, не знаю, ничего не помню, что было вокруг меня; очнулся лишь тогда, когда увидел, что трое напали на одного, и кинулся на помощь, и вдруг оказался ты...

– Спасибо тебе! Без тебя бы мне, видно, плохо пришлось! Ну, что же, брат, делать! Маркиз ожил, видно, такова твоя судьба! А признайся: ведь ты был рад его смерти?

– То есть не то что рад, а так... понимаешь ли... Или нет, ты ничего не поймешь, потому что я сам не понимаю, что во мне делается. Пусть этот маркиз живет... или нет, чтоб ему пусто было! Я там не знаю, как будет с маркизом, а только чувствую, что без нее жить не могу. Скольких я ни видел на своем веку, а такой никогда не встречал. И зовут ее Верой! Имя-то какое чудное! Ведь лучше имени придумать нельзя!

– Ничего нет особенного! Имя как имя, а только для тебя в ней все хорошо!

– Да, разумеется, хорошо!

– Даже и то, что она знает с иезуитами? В этом доме сегодня их было несколько человек!

– Господи! – воскликнул Елчанинов, хватаясь за голову. – Я просто ума не приложу: она, маркиз, иезуиты... Да, может, она и сама не знает, среди кого находится; может, они завлекли ее... Да откуда ты, наконец, знаешь, что это иезуиты? Может, ты сам ошибаешься?

– Нет, я не ошибаюсь: я сам собственными глазами видел там патера Грубера; этого довольно!

– Да сам-то ты как попал туда?

– Все из-за маркиза де Трамвиля, благодаря его поручениям, которые он надавал нам; впутались мы, брат, в скверную историю, – ответил Кирш.

– Да неужели я не знаю, во что мы впутались!.. Только не житье мне без нее!

– Ты опять за свое!

– Да, опять за свое! Послушай, Кирш, друг ты мне или нет? Можешь ты исполнить одну мою просьбу?

– Какую?

– Пойдем сейчас к дому князя Верхотурова и будем там ждать, пока она не вернется.

– Да ты с ума сошел! Ведь, кажется, ясно, что она крепко любит своего маркиза, если ездит ухаживать за ним, и до тебя ей нет никакого дела! Да к тому же нам всего два шага до меня. Лучше зайди ко мне, у меня, кажется, есть бутылка рома.

Они были, действительно, почти у самого дома, где жил Кирш, который взял путь по направлению к себе. Елчанинов же, занятый своими мыслями, шел, безотчетно следуя за ним, не разбирая, куда идут они.

– А в самом деле, мы возле тебя! – проговорил он, осматриваясь. – Ну что же, зайдем!

«Странные люди эти влюбленные, – подумал Кирш, – со-

всем как дети!»

Кирш занимал две комнаты с отдельным входом в маленьком домике и, уходя, сам запирает дверь и уносит ключ с собой. Самовар ему ставила и приходила убирать его небольшое помещение хозяйская прислуга.

Кирш отпер дверь, зажег свечку, достал из шкафа ром, подал его Елчанинову и тут только заметил, что на его письменном столе лежал большой лист бумаги, и на нем крупными буквами, совсем незнакомым почерком было написано несколько слов.

Откуда мог взяться этот лист – было совершенно неизвестно, потому что замок на двери у Кирша был довольно хитрый и другого ключа от него не было. По-видимому, без самого Кирша никто не мог проникнуть к нему, а между тем лист с надписью незнакомой рукой лежал кем-то положенный на стол, и надпись, сделанная на листе, гласила: «Он жив в сыне».

Кирш прочел и остановился в недоумении; какой-то внутренний голос подсказал ему, что на этот раз для сношения с ним этими словами пользовались не отцы иезуиты, а кто-то другой, может быть, более сильный, чем они.

Глава XVII

В 1773 году папа Климент издал декрет об уничтожении ордена иезуитов, найдя их общество заслужившим прекратить свое существование. Таким образом могущественнейший из монашествующих орденов воинствующего католицизма был осужден римским первосвященником, для защиты власти которого и создавалось это ставшее было всеильным учреждение.

Необходимо пояснить, что такое иезуиты и почему они одно время играли великую роль в общем ходе мировых событий.

Жил-был на Божьем свете в XV веке по Рождеству Христову храбрый испанец, рыцарь дон Иниго, или Игнатий, Лопес де Рекальдо, из замка Лойола. Дон Иниго был не только храбр, но и набожен. Он полагал, что назначение человека на земле есть служение Богу и Его первосвященнику на земле – римскому первосвященнику. Но эта уверенность, нисколько не помешала ему проливать кровь человеческую в битвах, проявлять рыцарскую любезность к прекрасному полу, зачитываться рыцарскими романами, вроде знаменитого в то время Амадиса Гальского, сочинять романсы. Однако случилось так. В одной битве храбрый дон был ранен в обе ноги и для дальнейших подвигов оказался негоден. Раны залечили, но Лойола остался хромым. Пока шло лечение, Лойо-

ла усердно читал творения святых отцов, и, когда оказалось, что военная слава уже не существует для него, он сообразил, что для его честолюбия найдется немало пищи на духовной почве. Чтение творений святых отцов, в особенности описание страданий мучеников, представилось хромому рыцарю равносильным подвигам в битвах, и он очень скоро завязал такой узел, развязать который вот уже пятое столетие не по силам человечеству. Лойола решил стать рыцарем Христовым, защитником Пресвятой Девы и апостола Петра и, путем духовного подвига, на небе приобрести те сокровища, какие его любимый герой Амадис Гэльский стяжал подвигами на полях битвы.

Лойола роздал все свое имущество, ушел от мира, поселился в глуши Каталонии, истощал свое тело постом и самоистязаниями, а дух – молитвой, и, в конце концов, нагипнотизировал себя так, что начал галлюцинировать, видел в галлюцинациях небесных посланников и утвердился в мысли, что высшие силы зовут его на подвиг, созданный его же болезненно раздраженным и односторонне направленным воображением.

Слава о подвижнике быстро распространилась, на Лойолу обратила внимание инквизиция, но в это время он совершал паломничество в Иерусалим. Однако инквизиция не забыла его по возвращении, и Лойола должен был уйти от ее преследований в Париж.

Здесь его пылкая проповедь о величии христианского по-

двиги увлекла даже многих богословов. У Лойолы явились последователи, видевшие в нем избранника небес, и кончилось это тем, что они, собравшись в парижской церкви Богоматери, дали монашеские обеты нищеты и целомудрия и поклялись отправиться в Палестину, чтобы проповедовать там слово Божие.

Но судьба (недаром же она слепа!) удержала этих миссионеров и Лойолу в Европе. Венеция начала борьбу с турками, и посещение Палестины оказалось невозможным. Лойола увидал в этом высшую волю, остался в Европе, добился для себя и своих друзей посвящения в сан священника, а вскоре после этого представил папе устав нового монашеского ордена, члены которого, кроме обычных иноческих обетов, давали еще совершенно новый обет – «постоянного служения Христу и папе».

Главными целями «общества Иисуса» были борьба с возникшими в обществе веяниями, защита церкви от распространявшихся свободомыслия, сомнения и критики папской непогрешимости и призванности властвовать над душами человеческими. Для достижения этих целей члены ордена, получившего «военное устройство» (глава его назывался «генералом»), предполагали действовать проповедью, влиять на людей путем исповеди, воспитывать детей и юношей в определенном направлении. Ради того же иезуиты совершенно переделали учения о грехе, добродетели и нравственности. Для достижения целей общества все средства ока-

зывались наилучшими, так как они вели «ad maiorem Dei gloriam», то есть к вящей славе Божией. Подыскав казуистические подтверждения, иезуиты находили пригодными и дозволительными для себя всякого рода средства – неповиновение законам, сопротивление государям, не говоря уже об уничтожении людей, противившихся иезуитскому ордену.

Создалось мрачное сообщество, которое развивало ради корыстных целей обман, ложь, клятвопреступления, уничтожало в людях всякое стремление к совершенству, распространяло невежество и фанатизм, установило соглашение человеческой неправды с Божьей всеправосудностью, чем разнуздало всевозможнейшие грубые и грязные инстинкты. И вся эта мерзость не только оправдывалась, но даже возводилась в доблесть и в заслугу перед Богом.

Таким орден стал вскоре после признания своего умершего основателя Игнатия Лойолы святым. В руки иезуитов стали стекаться огромные богатства, и они стали их величайшей силой.

Когда пробудившееся народное самосознание подсказало всем и каждому, что такое орден иезуитов, борьба с ним была почти невозможна. Сами папы не посмели выступить против проповедовавшей иезуитами «облегченной добродетели» и созывали против них соборы, но напрасно – иезуитство, как явление создавшееся на почве человеческих пороков, привилось столь прочно, что борьба с ним никому не

была под силу.

Орден оказался сплоченным до последней для человеческой сплоченности возможности. Им неограниченно правил «генерал», в котором все остальные должны были видеть Самого Христа. В руках генерала были все сведения о каждом члене общества, и он был волен над их жизнью и смертью.

Явились иезуиты не только явно, но и тайно монашествующие. Они проникали всюду, действовали незаметно и были необыкновенно упорны в своих домогательствах. Их прогоняли, они возвращались опять. Сами папы начали впадать в зависимость от ордена, обращавшего их из властителей в своих покорных слуг. Уже вскоре после смерти Лойолы целью иезуитов стало не охранение чистоты веры и папского могущества, а приобретение мировой власти.

Наконец, энергичный папа Климент сделал решительный шаг. Вследствие этого иезуиты перестали считаться признанными католической церковью официально, но запрет папы не послужил для ордена окончательной гибелью. Он продолжал существовать тайно и впоследствии был снова восстановлен. Иезуиты не раз были изгоняемы из разных европейских государств светскими властями, но тут наконец явился декрет самого главы католиков, воздвигшего гонение на членов братства Иисуса также со стороны духовной власти.

Таким образом в конце XVIII века иезуиты переживали довольно трудное время.

Однако, продолжая существовать тайно, они нашли себе

приют и в Европе, где могли не скрываться.

Как ни странно покажется это на первый взгляд, но таким приютом явилась Россия.

От имени императрицы Екатерины II после декрета папы Климента был издан указ, в коем выражалось, что находящиеся в белорусских губерниях иезуиты должны оставаться там по-прежнему. Мало того, сами иезуиты просили правительство дозволить им послушаться папу и уничтожить свой орден в России, но им было отказано в этом.

Получилось странное противоречие, как будто даже трудно объяснимое для людей недалёковидных и непроницательных.

На самом деле, русская государыня становилась защитницей католического ордена, изгоняемого самим папой!

Положение выходило не только неожиданное, но и как бы противоречащее логике, а между тем именно оно вполне логично вытекало из политических событий, и распоряжение Екатерины II доказывало только ее государственную мудрость.

В наших юго-западных областях большая часть населения состояла из католиков, и нам, разумеется, выгодно было отклонить притязания папы на господство над ними. Когда он уничтожил орден иезуитов, Екатерина II не послушалась его, издала указ, в котором изъявила свою собственную и идущую вразрез с желаниями папы волю, и это сделалось основанием нашей дальнейшей политики с Римом.

Таким образом, были уничтожены привилегии католических монашеских орденов в России, и они стали подчинены русской государственной власти наравне с белым духовенством, чего не было прежде, у нас создалось свое правление римской церковью, и папа потерял не только возможность, но даже и предлог вмешиваться в отношения русской власти к этой церкви.

Патер Грубер, деятельный член иезуитского ордена в Белоруссии, явился в Петербург под предлогом представления академии наук каких-то своих изобретений по части механики. Он бывал, якобы ввиду искания покровительства своим проектам, в домах петербургской знати и, будучи человеком в высшей степени ловким, смелым и предприимчивым, умел вкраснеться в доверие и блеснуть своим образованием.

Образование патера Грубера, надо было отдать ему должное, казалось недюжинным. Между прочим он одинаково владел языками немецким, латинским, английским, французским, русским и итальянским. Впрочем, это неудивительно. Хорошая научная подготовка, как известно, входила в непрременную программу воспитания молодых сил иезуитского ордена, и иезуитские школы недаром, а вполне заслуженно пользовались весьма высокой репутацией в отношении преподавания там различных наук и, в особенности, языков.

Но, насколько бесспорно хорошо была поставлена преподавательская часть в иезуитских школах, настолько мож-

но было возражать и возразить против нравственного воспитания их питомцев. Последние с ранних лет приучались, прежде всего, к самому мелкому шпионству и доносам.

Обыкновенно руководители делали так, чтобы воспитанники разделялись на группы по три человека, в том расчете, что, если двое между ними вступят в дружбу, третий станет против них. Приказывалось ежедневно доносить самым подробным образом о мельчайших поступках своих товарищей. Каждый из трех должен был следить за двумя другими. Таким образом развивались лицемерие, двоедушие, скрытность и наушничество.

Но в дальнейшем своем служении ордену иезуиты, став уже членами его, оставались скованными той же системой. Каждому брату поручалось следить за двумя остальными, а те, в свою очередь, следили за ним.

Главным принципом иезуитской деятельности было «*perinde ac cadaver*», то есть уничтожись, как труп, стань мертвым под велениями старшего и вполне беспрекословно исполняй его приказания, каковы бы они ни были и как бы чудовищны не казались они.

Другое известное правило иезуитов состояло в том, что средства оправдывают цель, то есть ради благой цели – *ad maiorem Dei gloriam* – для вящей славы Божией – можно употреблять любые средства.

Тот же смысл имело и третье иезуитское выражение, так называемое «*Reservatio mentalis*», по которому можно было

делать все, что угодно, греховное, лишь бы в мыслях держать в это время благочестивое, так как деяния наши судят люди, а помыслы – Бог.

С таким нравственным багажом иезуиты, как общественные деятели, никогда ничем не стеснялись, и их целью главным образом была власть, достичь которой они стремились повсюду, чтобы захватить в свои руки господство над всем миром и опутать своей сетью весь земной шар.

В конце XVIII века образовалось тайное общество перфектибилистов для противодействия иезуитам. Основателем его был Вейсгаупт в Баварии.

Иезуиты дали этому обществу название «иллюминатов» и своими происками добились изгнания перфектибилистов из Баварии. Тем не менее общество «иллюминатов» не переставало существовать и, может быть, существует до сих пор, по-прежнему противодействуя обществу иезуитов, ставшему снова явным, воинствующим орденом католической церкви.

Глава XVIII

Варгин окончил этюд к портрету леди Гариссон и, не дав ему высохнуть, уложил его в ящик, закрыл доской и повез прямо на яхту, наугад, ни на что, в сущности, не рассчитывая, а так: пусть будет, что будет.

Оказалось, яхта потеряла уже свою недоступность: трапы на ней были спущены, и на палубе было заметно некоторое оживление.

Варгин был принят. Его встретил опять управляющий и, узнав, в чем дело, пошел докладывать о нем.

Варгин был снова введен в обставленную со сказочной роскошью кормовую каюту и тут, открыв перед леди свой ящик, показал ей свою работу.

По-видимому, она осталась довольна. Обменявшись с ней несколькими словами по-английски, управляющий обратился к Варгану и заявил ему, что леди нашла его этюд настолько талантливым, что предлагает ему писать с нее портрет.

Только этого и нужно было Варгину, и на другой же день он явился на яхту с мольбертом, натянутым на подрамник полотном, кистями и красками.

То любовное благоговение и восторженное восхищение, с которыми Варгин смотрел на леди, как будто льстили ей, и она очень приветливо встретила художника.

При сеансе присутствовал управляющий, служивший пе-

реводчиком.

Варгин горячо и смело принялся за работу, усадив леди в вольную, непринужденную позу и уверив ее, что она может двигаться и разговаривать сколько угодно и что это ничуть не помешает ему.

По всем приемам и по первым же мазкам, которые положил Варгин на полотно, было сразу видно, что это человек талантливый.

Перед мольбертом, с палитрой и кистью в руках нельзя было узнать обыкновенного, простого смертного Варгина, которого товарищи звали Петрушкой и который готов был на какую угодно ребяческую выходку. Он весь преобразился, его лицо, одухотворенное вдохновением, было положительно красиво. Глаза разгорелись и, увеличенные, ясные, притягивали к себе; он смотрел на леди, вглядывался в нее, чтобы изобразить ее черты, и ласкал ее взором, и так бережно нес кисть с краской и чуть прикасался ею к полотну, словно это тончайший эфир, на котором он создавал нечто неосязаемое и неуловимо-прекрасное.

В то время как он писал, леди часто и подолгу разглядывала его, изредка переводя взоры на этюд, стоявший тут же на стуле.

Наконец она сказала несколько слов управляющему. Варгин остановился и вопросительно взглянул на него, ожидая, чтобы он перевел ее слова.

– Леди удивляется, – пояснил управляющий, – как вы мог-

ли так живо, по памяти изобразить ее!

Так перевел для Варгина слова леди управляющий, но на самом деле она ему сказала совсем другое, а именно:

– Оставьте меня одну с ним!

– Но это невозможно! – возразил управляющий на английском же языке, который был непонятен Варгину.

– Иначе я не могу выведать у него то, что нам нужно узнать, – ответила леди.

– Разве это важно? – спросил управляющий.

– Конечно, важно! Мы должны знать, прочел ли он документы по дороге, когда вез их ко мне, или нет? Была допущена неосторожность, что поручили эти бумаги незнакомому человеку, и теперь нужно принять меры для того, чтобы обезопасить себя!

Управляющий усмехнулся и решительно проговорил:

– Все это так, но я не могу оставить вас одну с этим художником.

Весь этот разговор велся по-английски. Варгин дальше не вслушивался в него, воображая, что леди и управляющий говорили о каких-то личных делах, вовсе не касающихся его.

И на втором, и на последующих сеансах управляющий присутствовал неотлучно, но для Варгина это не составляло помехи: он переживал то, что переживают обыкновенно страстно влюбленные, впадающие в отчаяние, когда они не видят перед собой предмета своей страсти, и наоборот, когда он перед ними, воображающие, что все их желания сбудутся.

Так и Варгин. Вернувшись домой после сеанса и оставшись один, он впал в полное уныние, логично убеждая себя в том, что никогда такая женщина, как леди, не обратит на него своего внимания; когда же он являлся на сеанс и видел леди перед собой, словно сходил с ума, и самые дерзкие мысли вихрем кружились у него в голове. Он воображал, что между ними что-то происходит и что-то решается улыбками, взглядами и выражением лица, что они без слов понимают друг друга, и он говорит с ней без слов, а она ему отвечает. Это была для Варгина какая-то беззвучная поэма любви, которую пело ему воспаленное воображение; это была музыка без звуков, и самые смелые соображения приходили ему на ум; все трепетало в нем, и нелепые при спокойном обсуждении доводы казались убедительными и правдоподобными.

Ему вспомнилось где-то слышанное определение, что сильная страсть с одной стороны вызывает непременно такую же и с другой, что для любви не может быть различия Положений, что оба они молоды – и этого довольно.

И как будто леди понимала это, улыбалась и не отталкивала, а, напротив, притягивала к себе, – так, по крайней мере, чудилось Варгину.

Между тем в то самое время, когда Варгин был счастлив благодаря своему мечтательному воображению художника, Елчанинову тоже вдруг улыбнулось счастье, которое заключалось для него не в полете несбыточных грез, а в более простом и определенном проявлении: он неожиданно получил

возможность увидеться, поговорить с Верой и был уже от одного этого на седьмом небе.

Вот как это случилось.

После бессонной ночи, проведенной Елчаниновым у себя на постели в горестном раздумье о том, что за горемычный он человек, к нему явился знакомый ему карлик Максим Ионыч, тот самый, который так некстати уезжал в деревню, и просто доложил ему:

– Пожалуйте, вас просят!

Кто просит, зачем и куда – Елчанинову не надо было объяснять. Уже по карлику он догадался, чей тот был посол, а зачем и куда его звали – ему было решительно все равно, потому что он пошел бы хоть на край света лишь для того, чтобы увидеть свою Веру. И, не подумав даже о том, чтобы спросить, откуда Максим Ионыч узнал его адрес, Елчанинов, не теряя лишней минуты, последовал за карликом.

Максим Ионыч спешил мелкими шажками, и Елчанинов должен был волей-неволей идти тише, хотя ему хотелось бежать во всю прыть.

С каким удовольствием взял бы он этого карлика на руки и понесся с ним, если бы не степенный, преисполненный достоинства вид Максима Ионыча, который не позволял сделать это!

Карлик шел с серьезной сморщенной рожицей и вел Елчанинова не прямо к дому князя Верхотурова с главного подъезда, а окольным путем, по таким переулкам, в которых Ел-

чанинов, кажется, никогда не бывал.

Они достигли наконец высокого забора, примыкавшего к стене низкого и неуклюжего здания; оно оказалось оранжереей. Через нее карлик провел Елчанинова в сад, и тот понял, что очутился в дальнем углу верхотуровского сада, раскинувшегося позади дома.

Карлик показал ему на беседку из акаций, сплетшихся плотной стеной и тщательно подстриженных, и сказал ему:

– Подождите тут, внутри, и будьте осторожны, не показывайтесь.

Елчанинов вошел в беседку и остановился, прислушиваясь; сердце у него стучало так громко, что в первую минуту заглушало все остальное, и, кроме его биения, Елчанинов ничего не слышал.

Минуты тянулись убийственно долго, и томительное ожидание готово уже было смениться полным унынием, как вдруг захрустел щебень по дорожке и все осветилось кругом, стало мило и дорого Елчанинову.

Появилась «она» – и все преобразилось: и беседка, и акации, и стол, и скамейка перед ним, – все получало жизнь и новый смысл.

Вера вошла быстрой, взволнованной походкой, видимо, непривычная к подобным встречам, но ничуть не смущенная, а светлая и прекрасная.

– Мне нужно поговорить с вами, – сказала она Елчанинову, ясно взглядывая прямо ему в глаза, – у меня есть дело к

вам! Простите, что я побеспокоила вас!

– У вас дело ко мне? – залепетал Елчанинов, сам не зная, что говорить. – Какое же это беспокойство? Я очень рад, то есть... не то... а впрочем все равно... я в огонь и в воду!

Вера внимательно смотрела на него и, как бы убедившись в нем окончательно, проговорила:

– Сядемте! Тут нам не помешают! Прежде всего дайте мне слово, что о нашем разговоре никто не узнает.

– Клянусь вам! – серьезно произнес Елчанинов.

– Мне довольно вашего слова! Вот видите ли, я обращаюсь к вам, чтобы спасти одного человека.

«Тем лучше! – подумал Елчанинов. – Пусть она даст мне хоть сверхчеловеческую задачу, я сделаю все, что она требует».

Он так хотел и ответить ей, но на словах у него вышло совершенно не то.

– Все-все, что угодно, – пробормотал он.

– Вы его немножко знаете! – продолжала девушка.

«Будь это сам маркиз де Трамвиль, – продолжал соображать Елчанинов, – я и его спасу, если это нужно!»

– Вы его немножко знаете! – повторила Вера. – Это – слуга, поляк Станислав.

– Слуга маркиза де Трамвиля? – подхватил Елчанинов. – Что же случилось с ним?

– Его надобно освободить!

– Освободить? Откуда?

– В том-то и беда, что я вам не могу многое рассказать в пояснение. У вас есть приятель по фамилии Кириш?

– О да! Кириш мой приятель! – подтвердил Елчанинов.

– Ну, так вот! Станислав просит его помощи. Сама я не знаю его и потому обратилась к вам. Расскажите все своему приятелю и сделайте все, что можно, только скройте, что это делается через меня. Станислав заключен в доме... как бы вам это объяснить... вы знаете местность на Пеньках?

– Станислав заключен в доме на Пеньках, у иезуитов? – воскликнул Елчанинов. – Но ведь он там жил с маркизом де Трамвилем.

– Откуда вы знаете это? – удивилась Вера.

Елчанинов спохватился и опустил голову. Ему стало стыдно, что сейчас, в пояснение своих слов ему нужно будет рассказать, как он выследил Веру, и тут только он почувствовал, что нехорошо было делать это.

Дух у него перехватило; в первую минуту он не знал, что сказать; лгать перед ней было еще хуже первой его вины; единственным выходом для него теперь казалось рассказать все откровенно, как было.

«Эх, была не была!» – мелькнуло у Елчанинова, голова у него закружилась, и, как поток из прорванной плотины, полились слова.

Как и что говорил он Вере, он не помнил последовательно, но в его рассказе все было сказано: и о том, как он возвращался несколько раз в дом, где она жила, как его не пус-

кали, как он, наконец, искал случая увидеть ее, ходя под окнами, и как поехал за ее каретой.

– Только верьте, – сказал он, повторив это несколько раз, – что я не думал и не хотел сделать что-нибудь дурное; напротив, мною руководило самое чистое и самое светлое чувство. Не сердитесь на меня, я... я не знаю, что со мной делается, только не сердитесь на меня!

Вера смотрела на него большими глазами, как бы несколько испуганная тем, что только теперь поняла и убедилась, что этот офицер просто влюблен в нее.

– Но как же вы узнали, что это дом иезуитский и что там живет маркиз? – спросила она, вдруг делая серьезное лицо.

– Об этом сказал мне мой приятель Кириш, – ответил Елчанинов, решивший не скрывать ничего!

– А откуда узнал он?

– Он был в этом доме в тот же вечер, когда я видел, что вы входили туда.

– Он был там? – опять удивленно переспросила Вера.

– В тот вечер там собрались иезуиты. Моему приятелю нужно было видеть Станислава, он пошел и чуть не был убит.

– Постойте, как же это так? Вы говорите, что в тот самый вечер было там какое-то собрание? Вы не ошибаетесь?

– Да нет же, могу вас уверить в том!

– Но как же я была там и даже не подозревала об этом?

«Так и есть! – радостно подумал Елчанинов. – Она не может иметь ничего общего с иезуитами!»

– Они приходили, – пояснил он, – через калитку и через сад, с другого хода, и собирались в столовой.

– Правда, я сидела все время у постели больного и не выходила из его комнаты. Именно меня просили остаться при нем, потому что, как мне сказали, Станислав был занят в этот вечер.

– Но вы слышали шум на улице?

– Слышала, кажется... да, теперь припоминаю... слышала! Входная дверь хлопала, потом все стихло, и в доме не было слышно никакого движения. Когда я приехала на другой день, то не нашла уже Станислава у маркиза; мне сказали, что он уволен, потому что сам отказался, найдя для себя ухаживание за больным не по силам.

– Кто же сказал вам это?

– Патер, который тоже ухаживает за маркизом и, можно сказать, воскресил его.

– Грубер?

– Вы и его знаете?

– Понаслышке только.

– Он нашел маркизу другого слугу, темнокожего арапа. Маркиз все еще находится в полубессознательном состоянии и не заметил перемены. Новый слуга оказался очень внимательным и расторопным, – словом, все казалось очень хорошо. Только вчера вечером, когда я была у маркиза, мне вздумалось пройти в сад, где я раньше никогда не была. Иду я вокруг дома по дорожке и слышу вдруг стон. Я прислушалась:

стонали тихо и глухо. Я огляделась и заметила маленькое окно между кустами, почти у самой земли; стон раздавался оттуда. Я подошла, нагнулась, окрикнула; мне ответил знакомый голос, только я не узнала его сразу. Он назвал себя; оказалось, это – Станислав, запертый в подвал отцами иезуитами. Он узнал меня по голосу и стал умолять, чтобы я помогла ему. Ему было известно, что я не принадлежу к числу иезуитских поборниц, и это правда. Я им вовсе не сочувствую, но, к сожалению, знаю на деле их силу. Если дать знать полиции о положении бедного Станислава, это будет напрасно, потому что у иезуитов есть везде свои люди, и, прежде чем власти соберутся предпринять что-нибудь, Станислав будет перевезен и скрыт в еще более надежное место. Маркиз тоже не может ничем помочь, потому что сам находится в беспомощном состоянии. Мне сам Станислав подсказал обратиться к вашему приятелю, который, по его мнению, единственный человек, способный помочь ему. Вот почему я и обратилась к вам.

– Так вы хотите, чтобы Станислав был освобожден?

– Мне кажется, этого требует справедливость, потому что, какая бы ни была его вина, хотя он не знает сам за собой никакой вины перед отцами иезуитами, но заключение в подвал во всяком случае – слишком тяжелое наказание.

– Так или иначе, он будет освобожден, – твердо произнес Елчанинов, – я вам ручаюсь в этом!

И он встал, как бы готовый уже сию минуту идти осво-

бождать Станислава.

Вера тоже поднялась со своего места.

Елчанинов стоял перед ней, как будто желая еще что-то спросить, но не решаясь.

– Вот что! – наконец, сделав над собой усилие, произнес он. – Простите, но на всякий случай... на всякий случай... если нужно будет... для Станислава повидать мне вас еще раз... то как мне спросить вас?

– Меня зовут Верой Николаевной Туровской, – ответила она, – но если вам нужно будет видеть меня, то не идите в главный подъезд дома, а идите вот сюда, в оранжерею, и тут скажите садовнику, чтобы он вызвал вам карлика Максима Ионыча. Мне не хочется, чтобы отцы иезуиты узнали о том, что я принимаю участие в судьбе Станислава. Берегитесь и вы, иначе и вам, и мне будет худо!

Елчанинов смело глянул на нее и ответил:

– Будьте спокойны, Вера Николаевна, я вас не выдам, и вы не ощутите ни малейшей доуки от того, что доверились мне. Что же касается меня, то не все ли равно вам, что станется со мной? А мне все равно пропадать.

– Отчего же так?

– Одна дорога! Я вам обещал и не пощажу своей жизни, клянусь вам. Станислав будет освобожден.

– И вы мне обещаете, что будете беречь себя до тех пор, пока не сделаете этого?

– О, обещаю!

– Обещайте же, что уберезетесь и потом, когда Станислав будет освобожден!

– Зачем вам это?

– Хотя бы для того, чтобы спасти этого бедного человека. Случись с вами что-нибудь – и ему несдобровать.

Елчанинов задумался.

– Простите меня еще раз, – заговорил он после некоторого молчания, – но можно мне попросить вас откровенно ответить на один вопрос?

Вера прямо взглянула ему в лицо и спросила:

– Какой?

Елчанинов собрался с духом, но все-таки не проговорил, а только прошептал едва слышно:

– Вы сильно любите его?

– Кого?

– Маркиза де Трамвиля?

Вера подумала немного, улыбнулась и ответила:

– Я люблю его.

– Очень?

– Очень!

Глава XIX

«Ну да, она прямо так и сказала мне, что любит его, она не может лгать, – раздумывал Елчанинов, быстро шагая по направлению к Киршу. – Другая стала бы жеманиться, отнекиваться, постаралась бы отделаться, говоря обиняками, а она так и сказала – и за это я еще больше люблю... Люблю? Что такое люблю? Почему? Почему я прежде не знал ее и не любил, и вдруг встретил и полюбил? Неправда! Я ее любил всегда, только не видел. И вот мы встретились, и любовь проснулась, потому что мы должны были встретиться. А маркиз? – остановил он себя. – Как же маркиз? При чем он тут и зачем? Она должна меня любить».

Дальше он шел и опять думал:

«А за что она должна любить меня? Что я сделал? Чем я лучше маркиза? Вот исполню ее просьбу – тогда другое дело... А пока скорее, скорее к Киршу».

Елчанинов не сомневался, что приятель поможет ему в этом деле. В случае чего он захватит и Варгина, но Кирш, наверное, придумает какой-нибудь план, который можно будет выполнить. Да к тому же он знаком немножко с домом на Пеньках.

«Во всяком случае без него ни на что решаться не буду, – решил Елчанинов, подходя к дому Кирша, – лишь бы застать его!»

Он прошел в сени и взялся за ручку двери. Та оказалась запертой.

«Опять сидит за своими книгами!» – сообразил Елчанинов.

С той самой ночи, которую он почти целиком провел у Кирша, выпив у него почти всю бутылку рома после происшествия на Пеньках, они не виделись. Елчанинов все время ходил только на службу, а остальную часть дня проводил дома «в огорчении и в тузе», как он мысленно трунил теперь над собой. Кирш тоже не показывался к нему.

Елчанинов постучал. Ответа не было.

«Нет, батюшка, уж я дверь выломаю, а достучусь к тебе сегодня!» – озлобился Елчанинов, зная привычку Кирша оставаться глухим ко всему во время занятий.

И он начал так барабанить в дверь кулаками и ногами, что, казалось, готов был разнести весь дом, сотрясавшийся от его ударов. Крепкая дубовая дверь сильно трещала под его кулаками.

– Что вы, сударь мой, неистовствуете? – расслышал наконец за собой Елчанинов старческий голос и обернулся.

Дверь хозяйской квартиры, выходящая в те же сени, была отворена, и на ее пороге стоял старик, маленький, худенький, бритый, в халате, туфлях и ночном колпаке.

– Вам кого угодно? – спросил он Елчанинова, когда тот обернулся.

– А вы здешний?

– Я – хозяин этого дома, отставной коллежский асессор Матвей Мартынович Зонненфельдт, – отрекомендовался старик и не без некоторой грации приподнял свой колпак.

– Вы не знаете, господин Кирш не у себя?

– Нет, не у себя, Если хотите, то есть, пожалуй, и у себя, только его здесь нет.

– Ну да, его здесь нет дома?

– Нет.

– Вы наверное знаете?

– К сожалению, наверное.

– Почему же «к сожалению»?

– Потому что хороший все-таки человек был, хотя и не платил денег аккуратно, но все-таки имел свои достоинства, словом, хороший человек был.

– Позвольте! Как это «был»? А где же он теперь?

– Может быть, там, – и коллежский асессор поднял палец, – а может быть, и там, – и он опустил руку и показал в землю.

– Я вас не понимаю. Что значат ваши слова?

– Я собственно, – пояснил Зонненфельдт, – про душу господина Кирша говорю, а тело его теперь уже там! – и он снова показал в землю.

Первое, что пришло в голову Елчанинову, было, что он, вероятно, имеет дело с сумасшедшим.

Должно быть, он так выразительно глянул на коллежского асессора, что тот догадался о его предположении.

– Вы, вероятно, сударь мой, думаете, глядя на меня, что я с ума спятил и несу вам околесицу, – заговорил он, – а между тем такова воля судеб – сегодня жив человек, а завтра нет его. Вы его хорошо знали, может, приятелями были? Я, кажется, видал вас через окно, как вы к нему хаживали.

– Господи, да что же это? – воскликнул Елчанинов, все еще боясь верить, хотя тон старика был очень похож на правду, – неужели в самом деле случилось что-нибудь с Киршем?

Зонненфельдт пожал плечами и не торопясь ответил:

– С ним случилось то, что должно случиться со всеми нами. Все реки текут в море и происходят из моря же! Так и мы. И дни наши нам не указаны.

– Да как же случилось это? Отчего же никто не дал знать нам? Отчего он не прислал за мной?

– Этого я не ведаю. Я знаю только, что господин Кирш около недели тому назад вышел из дома утром и больше не возвращался. Я подождал его день, другой, а на третий сделал объявку в полицию. Сегодня мне сообщили, что в устье Невы всплыл труп, неизвестно кому принадлежащий, и предложили осмотреть его. Я осмотрел и признал своего бывшего жильца, господина Кирша.

– Вы признали его?

– Труп был сильно попорчен, но, насколько я мог судить, я не ошибся.

– Какая одежда была на нем?

– Он был, извините, совсем голый.

– А когда он пропал?

Старик стал припоминать и объяснил с точностью. Это приходилось как раз на другой день после того, как Елчанинов спас Кирша из рук иезуитов.

Елчанинов вне себя, пораженный, уничтоженный, кинулся к Варгину.

Последний в первую минуту обозлился на приятеля, когда тот сообщил ему ужасную весть, подумал, что он захотел пошутить, и сказал, что такими вещами не шутят; но когда ему пришлось убедиться в истине и серьезности дела, он перекрестился, закрыл руками лицо и заплакал.

Целый день они, не расставаясь, провели вместе, вспоминая о бедном Кирше, ездили и узнавали и наводили о нем, где могли справки. Но единственные сведения получили они в полиции, и эти сведения были те же самые, которые дал Елчанинову отставной коллежский асессор Зонненфельдт.

Они попробовали было осторожно намекнуть частному приставу, нет ли здесь насильственной смерти; прямо обвинять они боялись, не имея в руках никаких данных. Пристав выслушал, покачал головой и махнул рукой.

– Ну, полноте! Какая там насильственная смерть! Просто ваш приятель купался и затонул. Мало ли бывает: иногда судорога в ногу или что-нибудь такое. Он, вероятно, имел обыкновение купаться?

Елчанинов с Варгиным должны были подтвердить это, потому что Кирш, действительно, любил освежать себя летом

в реке.

– Ну, вот видите! – подхватил пристав. – Да позвольте: мне только что принесли справку из Васильевской части, что туда пять дней тому назад доставлено чье-то платье, найденное матросом на берегу острова; съездите туда и посмотрите.

Они поехали, посмотрели. Платье оказалось Кирша; больше уже не было сомнения, что он, несчастный, погиб.

Грустные и молчаливые вернулись приятели в квартиру Елчанинова, где не так часто, как в мастерской Варгина, собирались, бывало, втроем, когда и Кирш был между ними.

Больше того, что они сделали, они не могли предпринять для него; его тело уже было предано полицией земле тотчас после того, как оно было признано хозяином квартиры.

Однако, не переставая думать об умершем Кирше, Елчанинов вспомнил о живом человеке, судьба которого зависела теперь от него, потому что он один мог прийти к нему на помощь.

– Вот что, Варгин! – начал он. – Как ни жаль Кирша, а мертвого все равно не воскресить. Так постараемся, по крайней мере, хоть в его память о живых. Ты помнишь слугу маркиза де Трамвиля, Станислава?

– Ах, этого, – как-то криво усмехнулся Варгин, – поляка, который говорит, что бежавшая от него жена похожа на леди Гариссон?

– Дело не в том, что он говорит, а в том, что он засажен в погреб теми самыми иезуитами, на душе которых, может

быть, лежит и смерть Кирша.

Елчанинов рассказал, не упоминая, однако, источника, откуда он узнал это, о заточении Станислава, но Варгин как-то холодно и вовсе не воодушевленно принял его рассказ.

– Да, надо будет что-то для него сделать! – сказал он довольно безучастно и добавил: – Послушай, вот ты говоришь о живых; меня леди Гариссон приглашает устроить у нее на яхте всю декоративную часть бала, который она желает дать у себя. Ведь, понимаешь, я возьмусь за это не для собственного же веселья! Ведь это для меня дело, а не развлечение.

– Полно, – остановил его Елчанинов, – я тебе говорю о человеке, которого заживо хоронят, а ты мне о каком-то бале!

– Да что же, я ничего! – сконфузился Варгин. – Я рад помочь тебе, скажи только, что нужно сделать!

«Скажи только, что нужно сделать! – мысленно передразнил Елчанинов Варгина. – Эх, нет моего Кирша! Тот бы не стал разговаривать так!»

И он вдруг почувствовал такую тоску, такое одиночество и такую жалость к погибшему приятелю, словно теперь только оценил его и понял, как тот был ему необходим.

И его неудержимо потянуло в тот маленький домик, где жил Кирш и где оставались еще его книги и вещи; ему казалось, что если он сейчас пойдет туда, то, хотя и не увидит уже больше умершего друга, все-таки, побывав в его квартире, как будто вступит в общение с ним, посоветуется, что ли, или что-нибудь вроде этого.

Он не хотел брать Варгина с собой и предложил ему просто пройтись, рассчитывая, что тот отговорится тем, что ему пора домой.

Так оно и вышло. Елчанинов один пробрался к домику Кирша и нашел на дворе коллежского асессора Зонненфельдта, сидящим на скамеечке у дверей.

– Что, опять пришли? – встретил тот его с доброй улыбкой, взглядывая на него снизу вверх.

«Я не заметил, что у него такое славное лицо», – подумал Елчанинов, разглядев как следует Зонненфельдта только теперь.

И он доверчиво рассказал ему, зачем пришел – только просить впустить его в комнату к Киршу.

– И рад бы, сударь мой, исполнить ваше желание, да не могу, ибо предержавшие власти опечатали вход в бывшую квартиру господина Кирша, как тому и быть должно, в силу охранения прав наследства.

– Да у него и наследников-то нет никого, я думаю! – возразил Елчанинов.

– Тогда имущество будет выморочным и поступит в собственность казны! Да вы присядьте со мной тут, милости просим! Здесь, бывало, и ваш приятель, сиживал.

Елчанинов сел возле старика, тот долго-долго молчал и потом вдруг заговорил каким-то глухим, сдавленным голосом, уставившись своими бледными выцветшими глазами в одну точку, как будто повинуюсь чужой воле и сам себе не

отдавая отчета, почему он говорил именно это, а не что-нибудь другое.

– Теперь вот, – начал рассказывать старик, – от всего моего имущества остался у меня один этот маленький домишка, деревянный, невзрачный, а прежде, когда я был на службе, я владел другим домом, каменным, который я купил по очень сходной цене, можно даже сказать без всякого остроловия, за бесценок. И странный это был дом: бывало, знакомые смеялись, говорили: «Все равно что огурец, как без окон и без дверей полна горница гостей». И до некоторой степени это была правда; то есть в том отношении, что окна были только во втором этаже, а на нижнем их не было; одна лишь дверь выходила на улицу. Дом был солидный и с богатым убранством внутри; правда, стоял он в не очень казистой местности за Чернышевым мостом, на Пеньках, но он мне нравился. За домом был разведен сад; он тянулся до закоулка и ограничивался тут стеной с калиткой. Но в этой же стене было углубление, а в последнем – железная дверь, от которой вела лестница вниз, в подземный ход; этот ход шел под садом и подымался в толстой внутренней стене дома в одну из комнат верхнего этажа, Рассказывали, что этот дом принадлежал прежде некой княгине и она устроила такой ход для своих амурных походов; уж не знаю, насколько справедливо это, только мне было очень жаль продавать этот дом; да ничего не поделаешь: видно, такова была судьба!

Так говорил старик, и Елчанинов, боясьдохнуть, слушал

его, и ему казалось, что недаром пришел он сюда, что действительно было какое-то таинственное сообщение между ним и Киршем и что тот из какого-то неясного, неопределенного далека дает о себе знать, что он существует и мыслит и что он где-то здесь.

Глава XX

Бал на яхте, устроенный леди Гариссон, был великолепен.

В Петербурге не видали еще ничего подобного. Говорили, что празднество у знатной иностранки превзошло даже знаменитый вечер, который дал у себя в Таврическом дворце покойный князь Потемкин. Правда, бал екатерининского любимца, славившегося своей роскошью и умением широко жить, был грандиознее и торжественнее, но зато у леди Гариссон было все оригинальнее.

В самом деле, Петербург еще никогда не танцевал под открытым небом на сказочной яхте, стоящей на широкой красивой Неве. Убранство яхты поражало самых избалованных людей, выдавших виды во времена пышного двора Екатерины Второй.

Загадочность, которой сначала была окружена яхта, усиливала интерес к ней и к ее обладательнице.

Когда стало известно, что поднятый трап «Сирены» гостеприимно опустился и леди Гариссон показалась в двух-трех гостиных избранного общества, ее знакомства стали искать и добивались, как чести, представления ей. Однако знатная леди оказалась не очень податливой на такие знакомства, действовала осмотрительно и с большим выбором. Держала она себя с необыкновенным тактом, и общее мнение про нее было таково, что одинаково все говорили: «Вот сейчас видно,

что аристократка!» Она взяла, сначала задев любопытство своей недоступностью, потом очаровала всех обходительностью.

Как бы то ни было, но в назначенный для бала на яхте день многие нарочно приехали в Петербург из окрестностей, где жили на даче, и к устью Невы потянулись целые вереницы карет, среди которых немало было с княжескими и графскими гербами и попадались даже придворные.

На берегу гостей встречали разукрашенные флагами, коврами и фонариками лодки и подвозили их к обитому алым сукном с позументами трапу.

Поднявшись по этому трапу, приглашенные вступали на палубу, преображенную в совершенно феерический, причудливый по своему убранству уголок.

Сверху спускалась огромная люстра в несколько ярусов из белых стеклянных шаров, а к ней тянулись со всех сторон цепи фонариков, из которых образовывался как бы сплошной навес разноцветных огней.

Посредине на шканцах из серебряной огромной чаши бил душистый фонтан, разукрашенный такими диковинными огромными и мелкими раковинами, каких и в Кунсткамере не видел никто в Петербурге.

Дальше стояла на возвышении, обложенная подушками для сидения, четырехвесельная лодка, сплошь наполненная плодами; тут были не только все сорта европейских фруктов, но и тропические ананасы, бананы, кокосовые орехи; распо-

ложены они были целой горой и переложены зеленью.

Были устроены целые клумбы цветов, живых, пахучих и стеклянных, в которых горели огоньки.

В сплетенной из бамбука, японской беседке раздвинулся стол с прохладительными напитками в хрустальных кувшинах, с конфетами, сладостями и огромной, сделанной из сахара фигурой сирены. Глазурь на пирогах и тортах изображала английский флаг.

Из турецких шалей была сделана палатка; там стояло целое скульптурное произведение из разных сортов мороженого, изображавшее выходящего из морских волн Нептуна.

Ют был преобразен в сад из тропических растений; над ним был натянут навес из шелковых флагов.

У рулевого колеса, на самой корме, флаги драпировались в виде занавесей у окна, часть борта была открыта, и за этим бортом виднелась декорация сказочного индийского берега, так искусно сработанная и освещенная, что казалось, как будто смотришь с яхты на фантастический действительный пейзаж южной горячей ночи.

Две огромные глыбы льда, искрившиеся как-то изнутри, служили вместилищами для сделанного из вина и апельсинов напитка.

Звуки оркестра и роговой музыки, усиленные эхом гладкой водной поверхности реки, гремели не умолкая, но самих музыкантов, скрытых зеленью, не было видно.

Лакеи в гербовых ливреях разносили угощение на боль-

ших серебряных подносах.

Роскошная каюта-гостиная осталась такой, как она была, потому что лучшего убранства для нее и придумать нельзя было.

Варгин, по приказанию леди, принимал близкое участие в декорировании яхты и был приглашен на бал, на который явился в лучшем своем праздничном платье, но держался в стороне, потому что это лучшее его праздничное платье было очень бедно по сравнению с богатой одеждой остальных гостей.

Многих из этих гостей Варгин знал в лицо, но, по своему незначительному положению художника, не мог быть знаком с ними, и они его не знали.

Сама леди была в белом воздушном платье, с бриллиантовой диадемой на голове и таким же ожерельем. Яркий блеск камней шел ее красоте и выделял ее, но Варгину казалось, что не бриллианты украшают ее, а что сами они стали красивыми лишь благодаря тому, что она их надела. Держась вдали, не вылезая вперед, он робко следил за леди и не спускал с нее глаз, как бы инстинктивно угадывая, куда она двинется и куда пойдет.

Был самый разгар бала, когда гости, достаточно налюбовавшись и надивившись и на хозяйку, и на окружающую ее роскошь, предались, наконец, самим себе и своему удовольствию.

На больших сборищах бывает такой момент, когда ве-

селье налажено и у хозяина и хозяйки есть возможность немного вздохнуть и остаться незамеченными. В такой именно момент леди прошла в гостиную. Варгин пробрался за ней до двери, не осмеливаясь переступить ее порога, потому что тут было самое почетное место, но почетные гости были усажены за мороженое в палатке из турецких шалей, и гостиная пустовала. Леди была одна в ней.

Она увидела Варгина и поманила его к себе.

Он подумал, что она хочет дать ему какое-нибудь приказание, и невольно оглянулся, чтобы поискать, нет ли тут управляющего, через которого привык уже разговаривать с леди.

Леди сделала нетерпеливое движение.

Тогда Варгин перешагнул порог и приблизился к ней. Она схватила его за руку, другой приподняла драпировку, возле которой стояла, и втащила за нее Варгина.

Драпировка была одна из тех, что сплошь завешивали стены каюты-гостиной, и никак нельзя было предположить, что за ней скрывалось маленькое, узенькое помещение. Оно было затянуто все серым атласом в складках, и единственную мебель его составляла атласная же серая софа.

Очутившись тут один на один с красавицей леди, Варгин оторопел.

– Не удивляйся ничему, – быстро по-русски заговорила она шепотом, продолжая держать его за руку и крепко стискивая ее, – не спрашивай, почему я не хочу, чтобы знали, что я говорю по-русски. Ты мне нравишься. Твои бешеные

речи и глупый восторг предо мною забавны мне. За мной следят и не дают воли. Может быть, если бы меня не держали под надзором, я не обратила бы на тебя внимания, а теперь целуй скорее: у нас лишь несколько мгновений.

У Варгина закружилась голова, он пошатнулся как пьяный, опьянев сразу от одуряющего счастья, вдруг свалившегося на него, и, сам не помня, что делает, схватил красивую женщину и прижал ее к себе. Молодая кровь заговорила.

– Прелесть, радость, счастье, жизнь! – лепетали его губы, покрывавшие ее поцелуями.

Это была минута какого-то отчаянного безумия. Варгин потерял ощущение времени, пространства, расстояния; он чувствовал только близость любимой женщины, ее руки, охватившие его шею, ее тело, трепетавшее в его объятиях.

Пролетела минута, хотя это была вечность блаженства, но все-таки она пролетела.

– Тсс... довольно, – услышал он, – нас могут застать... Сюда, сюда!

И, сам не зная как, Варгин вдруг почувствовал, что все исчезло кругом. Он стоял в темном коридоре, в конце которого виднелся свет фонарей, горевших на палубе, и мелькали гости.

– Ты что тут делаешь? – услышал он голос управляющего, вероятно, за стеной коридора, там, где только что был он сам.

– У меня закружилась голова, я ушла, чтобы оправиться, – ответил другой голос, женский.

Варгин узнал, что это была леди.

Они говорили по-русски, и тон управляющего был властен, почти груб, совершенно не похож на тот, которым он разговаривал с леди в присутствии Варгана на сеансах.

– «Голова закружилась, оправиться!»! – иронически повторил управляющий. – Я знаю тебя. Берегись!

– Берегись и ты, – возразила она, – настанет мое время, тогда и я сведу наши счета. Я тебя предупреждала несколько раз.

– А я тебе отвечал, что ни в каком случае не боюсь тебя, и теперь повторяю то же самое. Если бы только не твоя красота...

– И если бы только не твое ничтожество... тогда бы что было?

– Тогда бы... тогда бы ты пропала в своем ничтожестве. Помни, к чему обязывает созданное тебе положение!

– А ты помни свое положение предо мною! Ты – управляющий и больше ничего.

– Я управляющий для всех других, а для тебя...

– Что, что ты для меня?!

– Иди к гостям! Потом поговорим!

– Нет, я хочу знать сейчас. Слышишь? Или я не посмотрю ни на что.

– Ну, я говорю тебе: полно! Иди к гостям! Ты уже готова надеть глупостей... Довольно!

– Вот так-то лучше! Ну, проси прощения! Нет, стань на

колени... на колени, говорят тебе!.. Целуй туфлю! Впрочем, ты недостойн, довольно тебе подола платья... Нет, и этого много... Поцелуй то место, на котором я стояла! Ну, кто же я теперь, по-твоему?

– Ты... ты – сирена!

И голоса стихли. Послышался отдаляющийся шорох платья леди.

«Сирена, сирена! – повторял Варгин, выходя по коридору на палубу и с жадностью вдыхая свежий воздух. – Да, она – сирена, но, кто бы ни была, она может делать со мной что хочет... что хочет. Я в ее власти теперь!»

Он оглянулся. Из золоченой двери каюты выходила леди, гордая и спокойная, а за нею, подобострастно склонившись, следовал управляющий.

Они прошли мимо, к гостям, не обратив внимания на Варгина, словно тут его вовсе и не было, словно и забыли о существовании его или даже никогда не помнили. Обычная холодность сковывала красивые черты леди; ни глаза, ни бесстрастная складка рта не выдавали ее, и только ноздри расширились, и то слегка – чуть-чуть заметно.

Варгин владел собой плохо. Щеки его горели, рот нервно дергался, и глаза, он знал это, блестели радостью и торжеством. Ему жаль было сдерживать в себе эту радость и торжество, он нарочно хотел поддержать их, испытывая все еще наслаждение ими.

Управляющий, отстав от леди, подошел к нему.

– Что вы делаете тут, молодой человек? – спросил он, взглядывая Варгану близко в лицо испытующим, подозрительным взглядом.

Варгин подбоченился и дерзко поднял голову.

– А не все ли вам равно, что я делаю, человек средних лет? – проговорил он и смерил управляющего взглядом с головы до ног.

Тот усмехнулся, покачал головой и повернулся было, чтобы идти дальше, будто не желая обращать внимания на выходку Варгина, но потом остановился и сказал вполоборота:

– Да, чтобы не забыть: завтра вашего сеанса для портрета у миледи не будет. Вам пришлют сказать, когда вам можно будет явиться к ней.

И прежде чем Варгин успел возразить, он пошел дальше и смешался с толпой гостей.

Варгин, назло управляющему (он уже ненавидел его всеми силами души), остался на яхте до конца бала. И только когда начался разъезд, он заметил, что у него нет шляпы. К ужасу своему, он тут только вспомнил, что забыл ее в потайном уголке за драпировкой, где стояла серая атласная софа.

Глава XXI

На другой же день после своего разговора со стариком Зонненфельдтом Елчанинов отправился бродить вокруг дома на Пеньках, желая проверить, все ли там было так, как рассказывал старик.

О странности совпадения, что отставной коллежский асессор был когда-то владельцем именно этого дома, Елчанинов не задумывался. Он посмотрел на дело просто, ему подвернулся благоприятный случай, и он пошел, не рассуждая.

Осмотр подтвердил вполне, что в стене у сада за домом, кроме калитки, было еще углубление, и в этом углублении – железная дверь. Ее ржавые петли оказались смазанными, а у скважины замка на железе виднелись свежие царапины.

«Эге, – сообразил Елчанинов, – отцы иезуиты, видно, пользуются этой дверью и знают о ее существовании! Ну что ж? Воспользуемся и мы ею».

Он попробовал, крепок ли замок.

Дверь запиралась очень плотно.

«Кирш, наверное, подумал бы, что я хочу сокрушить замок, – рассуждал мысленно Елчанинов, – и ошибся бы. Я тоже понимаю, что в данном случае сила только испортит дело!» Он вынул из кармана заготовленный кусок воска, размял его и сделал несколько слепков с замочной скважины.

Возиться долго у двери было опасно. Хотя закоулок и состоял почти из одних заборов и был совсем пустынный, но все-таки мог попасться какой-нибудь прохожий, да и из домашних, чего доброго, кто-нибудь мог выглянуть ненароком из калитки.

Сделав слепки, Елчанинов смело направился было к первому попавшемуся, как он решил сначала, слесарю, но по дороге догадался, что обращаться по восковым слепкам неосторожно, да и едва ли слесарь решится взять такую, явно подозрительную, работу. И он остановился в раздумье, как ему быть.

Ему стоило больших трудов и усилий мысли найти выход из встретившегося ему вдруг затруднения. В глубине души он уже склонялся к тому, чтобы разнести дверь силой. И вдруг словно внезапная вспышка осветила его мозг: он нашел выход, придумав пойти к тому же Зонненфельдту.

Отставной коллежский асессор был домовладельцем; у него, верно, есть знакомый слесарь, через него можно сделать заказ. Он, по-видимому, человек не особенно проницательный, и его можно будет обвести, рассказав какую-нибудь историю.

Елчанинов, не откладывая, отправился к Зонненфельдту и нашел его опять на скамеечке у дверей на дворе в неизменном халате, туфлях и колпаке.

Он рассказал ему, стараясь сделать это как можно развязнее и естественнее, что затеял любовную интригу с одной

знатной дамой, которая пропускала его к себе через потайную дверку, так как познакомились и сошлись они случайно, и в дом к ней, как гость, он, Елчанинов, совершенно не был вхож из страха перед старым ревнивым мужем. У него был ключ от этой дверки, и вот он потерял его и не может теперь проникнуть за заветную дверь и дать об этом знать знатной даме тоже не может. Остается только одно: сделать новый ключ, для чего он снял с замка восковой слепок и убедительно просит почтенного Матвея Гавриловича, у которого, вероятно, как у домовладельца, есть знакомый слесарь, поручить тому сработать новый ключ по слепку.

Елчанинову казалось, что он придумал это очень хорошо и, главное, очень правдиво вел свой рассказ.

Должно быть, старик Зонненфельдт был в достаточной степени наивен и действительно непроницателен, потому что очень легко поверил в не совсем правдоподобную повесть и легко согласился исполнить желание Елчанинова.

У него был знакомый слесарь.

– Молодости подобает, – заметил он даже, – любовная интрига, ибо кому же и любить, как не молодому человеку?

Через несколько дней ключ был готов, и Елчанинов, едва дождавшийся этого, получил его от отставного коллежского асессора.

«Он не подозревает, как я его одурачил, – усмехнулся внутренне Елчанинов, – и как бы он удивился, если бы я сказал ему, что этот ключ – к той двери, о которой сам же

он мне рассказал. Но я ему, разумеется, ничего не скажу». И, не сказав ничего Зонненфельдту, Елчанинов, как только спустился вечер (тогда начинало уже темнеть по ночам), отправился, довольный своей предприимчивостью, к дому на Пеньках.

Расчет у него был таков: он заберется в подземный ход, дождется ночи, а там поступит смотря по обстоятельствам, но во всяком случае, так или иначе, освободит злосчастного поляка.

Елчанинов шел и как бы внутренне извинялся перед Станиславом за то, что несколько лишних дней оставил его в погребке. Но в то же самое время он деловито рассуждал и успокаивал себя тем, что иначе поступить было нельзя и что зато сегодня он, наверное, освободит его.

На небо набегали тучи, заволакивая звезды и сгущая тьму. Елчанинов узнавал дорогу по редким тусклым уличным фонарям, а в закоулке ему пришлось пробираться чуть ли не ощупью.

Вот наконец и углубление в стене, и дверь.

Елчанинов в темноте нащупывает замок, всовывает ключ, тот бесшумно поворачивается в замке (пружины его, видимо, жирно смазаны), дверь отворяется без скрипа. Елчанинов осторожно пробует ногой за порогом, ступеньки! Он запирает за собой дверь, прячет ключ в карман и в полной темноте, как в могиле, начинает спускаться между двух каменных стен, считая ступеньки.

С левой стороны железная полоса в виде перил; воздух спертый; с каждым шагом он становится прохладнее, пахнет сыростью, землей, жабами.

После двадцать второй ступеньки под ногой чувствуется ровная каменная плита, проход становится шире, но все же можно, расставив руки, касаться обеих стен, и Елчанинов, ничего не видя, идет вперед, не отнимая от стен рук и осторожно передвигая ноги, чтобы не оступиться, если начнется новая лестница.

Ему вовсе не страшно одному в темноте, напротив, он ощущает какое-то словно поднимающее чувство, ближе всего подходящее к любопытству: что будет дальше?

Проход вдруг круто завернул, под руку снова попала железная полоса, а нога наткнулась на ступеньку.

Елчанинов стал подниматься, не зная, куда приведет его эта лестница.

Последняя заканчивалась в упор деревянной дверью, на которую непременно наткнулся бы Елчанинов, если бы не луч света, проникавший сквозь маленькое круглое отверстие в этой двери, как раз на высоте человеческого роста.

Елчанинов понял, что это лестница во внутренней стене дома, а потому удвоил осторожность и не шел, а почти полз так тихо, что казалось, попадись ему мышь по дороге, он и той не спугнул бы.

Теперь он знал весь путь по подземному ходу и мог узнать сейчас же, куда приводил этот ход.

Он осторожно приник к двери и приложил глаза к отверстию в ней: судя по той части комнаты, которую он увидел, это была столовая; посредине стоял стол, возле него сидел католический патер, а напротив – какой-то господин во фраке, очень модно, щегольски одетый. Он говорил что-то.

Елчанинов приложил ухо вместо глаза к отверстию и тогда ясно слышал каждое слово.

– Она постоянно тычет мне в глаза, что я ее управляющий! – говорил щегольски одетый господин. – Вообще это такой нрав, что очень трудно держать ее в должном респекте! Она своенравная и самовластная натура.

– Как всякая хорошенькая женщина! – возразил патер спокойным и рассудительным тоном.

– О, она не только хорошенькая, но и красивая! – подхватил управляющий.

– А это нам только и нужно!

– Да, но все-таки я просил бы вас, отец, повлиять на нее. Уж я и так слежу за ней, не спуская глаз, не отхожу от нее, и все-таки вчера, во время бала, она улучила-таки минуту и скрылась в атласный альков, за драпировкой, в каюте!

– Не одна?

– Ну да! В этом дело.

Патер жиденько захихикал.

– Ну, что же из этого? Ей нужно дать некоторый простор для действия сообразно инструкциям; ведь и альков на яхте устроен не для того, чтобы она была там в единственном

числе!

– Я отлично понимаю это и не желаю возражать против инструкций, но ведь они не могут относиться к какому-то проходимцу-художнику, потерявшему от нее голову и почти обезумевшему от восторга перед ней.

– Как к художнику? Разве она была с ним?

– С ним!

– Быть этого не может!

– А между тем это так.

– Вы сами видели?

– Я нашел его шляпу в алькове.

– Что же особенного в этом художнике?

– Ничего, просто каприз женщины, польщенной тем, что он потерял от нее голову до самозабвения, как я говорю вам!

– Это тот самый художник, который привез к ней по поручению маркиза документы?

– Да! Большая была неосторожность посылать чужих, незнакомых людей.

– Маркиза нельзя винить в этом случае: он действовал так, как следовало. Ведь он мог умереть в этом несчастном трактире, и тогда все бумаги попали бы в руки здешних властей. Весьма понятно, что выбора у него не было, и он рискнул лучше доверить пакеты людям, на первый взгляд показавшимися ему достойными.

– Да, а теперь возись с этими верными людьми!

– Ну, один из них уже покончил свои счета во славу Бо-

жую!

– Да, кстати! Как бы не нажить хлопот с этим делом!

– Все было обставлено самым лучшим образом, и не только тело, но и все концы канули в воду. На берегу матрос нашел его платье, оно было представлено в полицию, представлено его приятелям, те признали, что это подлинная одежда, и теперь решено и подписано, что он утонул во время купания.

– Ну, и Бог с ним.

– Амон.

– Так вот я и говорю, что художник...

– А чем он опасен еще, кроме того, что она соблаговолила к нему?

– Вот чем: он знает, что она жена Станислава.

– И верит этому?

– Едва ли; но если он расскажет ей о своем разговоре со Станиславом, то она-то будет осведомлена, что ее муж был в лакеях у маркиза и приехал сюда в Петербург.

– Но каким образом Станислав мог догадаться, что английская леди похожа на его жену?

– Вся беда, что он оказался художником: он так поразился красотой леди, что, вернувшись в трактир, при Станиславе нарисовал на доске стола ее профиль.

– Как же вы узнали это?

– Доску с нарисованным на ней профилем со стола положили в карету для устройства постели маркизу, чтобы при-

везти его сюда. А здесь Станислав сохранил эту доску, как святыню; я увидел ее у него, сразу узнал профиль и спросил, откуда он взялся. И надо же было случиться такому обстоятельству, чтобы, как нарочно, попал к маркизу в услужение именно муж этой женщины! Удивительно странный случай!

– Брат Иозеф! Случаи кажутся странными лишь для тех, кто не умеет управлять ими! С нами не бывает странных случаев! Маркизу было предписано отыскать Станислава, а тому было подсказано, чтобы он поступил к нему в услужение, якобы для того, чтобы пробраться в Петербург, где теперь его жена. Он нам нужен здесь!

– Зачем же?

– А хотя бы для того, чтобы держать ее в руках, когда это понадобится. Имея Станислава в своем распоряжении, мы всегда можем припугнуть ее тем, что у нас есть несомненное доказательство, кто она такая. Вот отчего я и велел оставить его здесь запертым в подвале и не допустил, чтобы он разделил участь другого, с которым подглядывал за нами.

– Но вы согласитесь, что этот художник достоин разделить участь бывшего своего приятеля?

– А разве просто его нельзя не пускать к ней?

– Трудно. Она твердо стоит на своем. Я вам говорю, что у нее невозможно строптивый характер; побеседуйте сами с ней!

– Она сегодня здесь?

– Должна уже приехать! Вероятно, здесь.

– Позовите ее ко мне!

Весь этот разговор Елчанинов слушал ни жив, ни мертв. Он опять заглянул в отверстие и видел, как в комнату вошла красивая рыжая женщина. Прежний собеседник патера ввел ее и сам удалился.

Этюд Варгина был очень хорошо сделан, и потому Елчанинову было нетрудно узнать в вошедшей красавице леди Гариссон.

Она села напротив патера свободно и, видимо, не чувствуя никакого стеснения, заговорила первая весело и бойко, словно сама знала, что ей надо делать и как поступать.

– Вас можно поздравить, мой отец, – заговорила она по-французски, – вы торжествуете, как всегда и везде. Я еще раз преклоняюсь перед вашей ловкостью и умением и от души поздравляю вас!

Она говорила так быстро, что Елчанинов едва успевал распознавать французские слова, которые он понимал не без труда, догадываясь только о значении некоторых из них.

«Мой отец» рыжая женщина произнесла особенно, как-то певуче и звучно, и вообще ее голос был тверд, но вместе с тем мягок и вкрадчив.

– Погодите! Не надо так много слов сразу! – довольно строго остановил ее патер. – О каком торжестве вы говорите и с чем вы поздравляете меня?

– Как же! Я слышала о вас чудеса, именно чудеса, потому что иначе, как чудом, нельзя объяснить это. При дворе

только и говорят теперь о вас: вы исцелили императрицу от зубной боли и сумели понравиться императору, приготовив ему шоколад¹.

– Ах, вы говорите об этом! – усмехнулся патер. – Действительно, мне посчастливилось быть полезным ее императорскому величеству и помочь ей лучше, чем это могли сделать ее медики! А государь, еще со своего заграничного путешествия, помнил о шоколаде, приготовленном по способу, известному нашим братьям. Но не в этом дело!

– Как не в этом дело? – перебила леди Гариссон, не давая ему говорить. – Это огромный шаг, и, раз вы только получили возможность войти во дворец, вы утвердитесь там, я в этом уверена!

– Все это прекрасно...

– Еще бы, еще бы, мой отец! Все, что вы делаете, прекрасно, и я, повторяю, удивляюсь вам и преклоняюсь перед вами! Должна вам признаться, что, направляясь сюда, я плохо верила в возможность осуществления задуманного плана; мне казалось, что огромные расходы, которые были сделаны на мою обстановку, на эту роскошную яхту, не оправдаются; но теперь я должна признать, что вижу в вас такого руководителя, который может достичь всего, чего он желает. Я прямо свидетельствую, что без вас я бы втрое длиннейший срок не успела поставить себя в петербургском обществе, несмотря на все данные мне к тому средства, так, как это сделано те-

¹ Исторический факт.

перь. Вы человек исключительный!

– Но речь идет не обо мне, а о вас! Ни ваших похвал, ни вашего мнения я не требую; затраты касаются вовсе не вас, а тех, кто их делает и кто дает на них деньги. От вас требуется лишь точное исполнение приказаний и действий в том духе, как это вам предписано.

– Так разве я не действую? Все, что я могла сделать до сих пор, я сделала; я, кажется, сумела поставить свой престиж. Пока вы только этого от меня и требовали. Если нужно что-нибудь еще – говорите!

– О том, что нужно, вы знаете отлично, и говорить вам об этом нечего! А я хочу вам сказать о том, что не нужно делать!

– Я не понимаю, на что вы намекаете, мой отец?

– Намекать тут нечего. Я прямо заявляю вам, что вы ведете себя...

– Не так, как следует, или что-нибудь в этом роде? – подсказала леди Гариссон, нисколько не смутившись. – Мой отец, хитрить с вами напрасно, вы слишком хорошо знаете человеческое сердце; и, прямо скажу, я догадываюсь, что вы хотите упрекнуть меня за молодого художника.

– Вот это хорошо! – опять усмехнулся патер. – По крайней мере, вы не отнекиваетесь!

– Зачем? Повторяю, всякая хитрость напрасна с вами.

– Хорошо!

– То есть вы хотите сказать, мой отец, что вовсе нехорошо то, что я делаю? Но вы сами преподавали мне наставление,

что я не должна разбирать, что хорошо, что дурно!

– Да, относительно лиц, по чьей воле вы должны действовать. Но никто вам не приказывал... – начал Грубер.

– Обращать внимание на бедного художника, мой отец? Но не забывайте, что я женщина! У меня может же быть своя личная жизнь.

– Нет. Этого не должно быть. Наше первое правило говорит: *perinde ac cadaver*. Ни личной воли, ни личной жизни мы не допускаем.

– Так положено для братьев вашего ордена, мой отец, но я не вступала в него и состою только скромной слугой, готовой пожертвовать собой для благой цели. Вы могли бы упрекать меня, если бы я совершила какой-нибудь поступок, способный повредить этой цели... мало того, если бы с моей стороны была выказана хотя бы малейшая небрежность в ущерб делу. Но этого нет: я, не хвастая, могу сказать, что другой женщины, лучше меня, вы не найдете на мое место; я готова делать и делаю все, что мне приказано, а остальное – мое, и я считаю себя вправе поступать, как мне захочется, если это не вредит ни нашей цели, ни нашему делу. А чем может повредить какой-то бедный художник, которого никто не знает? Он никому не опасен!

– Довольно; теперь я знаю, опасен он или нет, и буду действовать сообразно этому. Вы его больше не увидите!

– Может быть, я и не буду жалеть об этом! – хладнокровно произнесла леди Гариссон.

– Тем лучше! – сказал патер.

– А может быть, я и увижу его еще!

Патер выждал немного и ответил ей:

– Нет!

Глава XXII

После леди патер опять разговаривал с ее управляющим. На этот раз их разговор не был длинным: они обменялись всего несколькими словами.

– Вы правы! – сказал патер управляющему. – Нам лучше отделаться от этого художника, и завтра же я приму к тому свои меры.

Это сказано было с таким равнодушием и с такой простотой, точно дело шло о самой обыкновенной вещи, привычной и нисколько не выходящей из ряда вон. Между тем Елчанинов, зная уже о судьбе Кирша, не мог не понять, что значило на языке патера принять меры к тому, чтобы отделаться от Варгина.

«Однако они не стесняются!» – подумал он.

И тут же ему самому пришлось пережить несколько секунд, в течение которых решалась не только судьба Варгина, но и его собственная.

Управляющий собрался уходить.

– Кстати, – сказал ему патер, – в этом доме есть секретный ход, который ведет из этой комнаты прямо на улицу. Говорю это вам на всякий случай, если бы вам он понадобился зачем-нибудь. Вот видите этот шкаф? Он сделан довольно искусно и имеет вид обыкновенного шкафа. Ключа в нем нет, он отпирается и запирается с помощью пружины, кото-

рая действует, если надавить выпуклость глаза в голове льва, который посредине.

«Вот он сейчас, – решил Елчанинов, – подойдет, нажмет пружину, дверь отворится, и они увидят меня!»

Положим, с этими двумя он мог справиться легко, но неизвестно было, сколько в доме еще людей, которые, конечно, сбегутся на зов патера.

Елчанинову оставалось только одно: спуститься по лестнице вниз и спрятаться там в темноте. Он так и сделал.

Ему удалось соскользнуть вниз и тихо, и вместе с тем быстро.

Найдя ощупью дорогу, он остановился в том месте, где ход делал поворот, твердо решив, что, если кто-нибудь станет сходить сверху, он разделается с ним, потому что с этими людьми церемониться было нечего.

Он долго ждал, но никто не спускался, и в тишине окружавшего Елчанинова мрака лишь изредка слышались шорох пробегавшей мыши и падение наплывшей наверху капли, которая с особенным звуком – гулким и неприятным – шлепалась на каменный пол. Прошло много времени, пока наконец Елчанинов снова поднялся по лестнице; отступить он не хотел, случай, по его мнению, благоприятствовал ему, и он хотел воспользоваться этим случаем.

«Хорошо, – рассуждал он, – я знаю теперь, как отворить дверь из комнаты, но как отпирается она со стороны лестницы?»

К его удивлению, дверь оказалась приотворенной; в столовой никого не было, свечи были потушены.

Елчанинов просунул голову в комнату: она была слабо освещена небольшим ручным фонарем, поставленным и словно забытым на краю стола. В остальных комнатах во всем доме движения не было слышно.

Елчанинов переступил порог, сделал шаг, прислушался... еще... тишина стояла мертвая...

Он догадался сделать пробу: нарочно двинул стулом, в расчете, что если поблизости есть кто-нибудь и послышатся шаги, то он скроется за дверь, опять в свой проход, к которому он успел уже привыкнуть настолько, что там, как ему почему-то казалось, было отличное и даже безопасное убежище.

Стук стула не вызвал никакого переполоха. Это убедило Елчанинова, что посторонние разошлись отсюда, а домашние легли спать. Тогда Елчанинов смело взял фонарь и пошел наугад.

Тут только он вспомнил и пожалел, что не догадался спросить у Зонненфельдта как следует о расположении комнат. Однако было уже поздно раздумывать об этом, пришлось действовать.

Рядом со столовой была библиотека. Елчанинов миновал ее. За ней находилась другая комната, по обстановке похожая на гостиную.

«Отсюда должен быть выход в переднюю, – сообразил Ел-

чанинов, – а из передней, вероятно, есть лестница вниз».

Ему показалось, что из двух дверей, бывших в гостиной, кроме той, в которую он вошел, в переднюю ведет та, что на лево. Он отворил ее и очутился в кабинете с большим круглым письменным столом, мягким диваном и высокими кожаными креслами.

Был один миг, когда вдруг им овладела не робость, а чувство, близкое к ней, – бессилие; ему почудилось, что он заблудился в лабиринте этого проклятого дома; но это был один только миг.

В кабинете была еще одна дверь, которая вела в большую и почти пустую комнату.

«Опять комната! – подумал Елчанинов. – Где же у них, наконец, лестница?»

Но, осмотревшись, он вдруг увидел, что на этот раз он, кажется, попался, так что ему не уйти. В следующей за этой комнатой горел тусклый свет ночника; там двинулась какая-то тень, и ясный голос спросил:

– Кто там?

Елчанинов остановился и замер.

На пороге показалась Вера. Елчанинов видел испуг на ее лице, когда ее глаза заметили его и остановились, широко открытые.

– Я здесь, чтобы по вашему приказанию спасти Станислава! – подал голос Елчанинов, боясь не за себя теперь, а за нее, чтобы ей не сделалось дурно от внезапного испуга, вы-

званного его неожиданным появлением.

Вера узнала его. Но тотчас же она быстро приложила палец к губам, чтобы он молчал.

– С кем это ты разговариваешь? – спросили ее из комнаты, где горел ночник.

– Ни с кем! Это тебе показалось, – громко ответила она. – Я принесу сейчас свежей воды для компресса.

И она, нарочно стуча каблуками, прошла через комнату, движением головы показав Елчанинову, чтобы он следовал за ней.

Они вышли в кабинет.

У Елчанинова, вместо того чтобы забиться сильнее, сердце сжалось. Ему стало ясно, что Вера сидела у кровати больного Трамвиля и ухаживала за ним, в то время как он, Елчанинов, по ее приказанию, может быть, подвергается смертельной опасности, и злое, недоброе чувство заговорило в нем; ему захотелось сейчас, сию минуту погубить всех – и себя, и Веру, и, главное, этого маркиза.

– Как вы попали сюда? – спросила она, близко пригибаясь к нему и положив свою руку на его, в которой он держал фонарь.

Ее голос, ее взгляд и прикосновение сразу перевернули все в Елчанинове, и он почувствовал, что может погубить себя, а ее не только погубить не в состоянии, но даже, если это нужно будет для нее, не погубит, а спасет самого маркиза.

– Как вы попали сюда? – повторила она, видя, что он не

отвечает.

Елчанинов вздрогнул и прошептал так же тихо, как она говорила с ним:

– Сейчас совершенно не время рассказывать об этом!.. Вы здесь одна?

– Кажется.

– Там, в той комнате, маркиз?

– Да.

– Кроме него никто не живет здесь?

– Нет. Внизу только один новый слуга арап; он, вероятно, спит.

– Вы не знаете, как пройти к подвалу?

– Знаю. Надо спуститься по внутренней лестнице до самого низа, там будет дверь, за которой заперт Станислав.

– Он здесь еще?

– Здесь. Я сегодня была в саду и опять говорила с ним через окно.

– Можете вы показать мне лестницу? – продолжал свои вопросы Елчанинов.

– Да это та самая, по которой вы поднялись сюда; на верхний этаж ведет одна только лестница.

– Нет, есть другая. Я вошел по другой.

– Зачем же вы вошли сюда, на второй этаж?

– Иначе нельзя было.

– И вы говорите, что сюда есть еще другая лестница?

– Есть, есть.

– И вы пришли один?

– Тут, во-первых, многим делать нечего, а во-вторых, ведь вы же велели мне хранить тайну.

– И потому вы решились действовать один? Но вы могли, вместо меня, встретиться здесь с кем-нибудь другим; это чистая случайность, что я осталась сегодня здесь у постели маркиза. Сегодня он в первый раз пришел в себя.

– Ради Бога, дайте мне забыть о нем, не говорите о маркизе!

– Отчего? – спросила Вера.

Елчанинов сделал над собой усилие и ответил, но вовсе не то, что думал:

– Некогда разговаривать про маркиза. Нужно скорее освободить бедного заключенного. Для него каждая лишняя минута в подвале, вероятно, вечность!

– Вы правы! Идемте! Тем более что Станислав ждет своего освобождения. Я сказала ему сегодня, чтобы он ждал, что его придут освободить.

– Значит, вы поверили в меня?

– Мне хотелось верить... мне показалось, что вы хороший человек, а теперь я вижу... Впрочем, пойдемте... Тихонько идите за мной! – вслед за тем Вера вывела Елчанинова на лестницу и сказала: – Вот сюда, спускайтесь вниз.

– А как отсюда пройти в столовую?

– Через эту дверь. Она ведет в библиотеку. Столовая рядом.

– А я из библиотеки попал в гостиную. Теперь я буду знать. Прощайте!

– До свидания, до завтра.

– Вы хотите видеть меня?

– Приходите завтра в два часа через оранжерею в сад!

– Вы хотите узнать, будет ли спасен Станислав?

– И останетесь ли вы невредимы сами. Приходите, я буду ждать.

– Однако вы не договорили того, что начали; вы сказали, что вам показалось сначала, что я хороший человек, а теперь вы видите... Что вы видите теперь? Скажите мне!

– Некогда разговаривать, вы сами остановили меня. Для Станислава каждая минута дорога.

– Ничего! Одно слово. Скажите! Что вы видите теперь?

Елчанинов стоял уже на ступеньках лестницы, Вера перегнулась через перила.

– Что вы молодец! – шепнула она.

Он, сам не помня себя, схватил ее руку, поцеловал и стремглав кинулся вниз, словно ничего не помня и не сознавая. Если бы это была не лестница, а башня, высотой до самого неба, он теперь прыгнул бы и с нее не задумываясь.

Лестница вела в подземный этаж дома, и здесь Елчанинов нашел дверь подвала.

Огромный железный болт был задвинут на ней и крепко держал ее, но висевший на болте замок оказался открытым, так что стоило только отодвинуть болт, чтобы отворить

дверь.

Елчанинов чувствовал в себе такую силу, что приготовился выломать дверь подвала, и вдруг она оказалась препятствием, легко устранимым, к его сожалению. Именно с сожалением отодвинул он болт.

То, что, может быть, здесь была приготовлена ловушка для него самого, ему и в голову не пришло. Он не подумал об этом.

Елчанинов нашел Станислава в подвале, он был на ногах и стоял почти у самой двери. Елчанинов поднял фонарь, чтобы осветить себе лицо и показать Станиславу, кто он такой.

– Пан пришел ко мне! – захлебываясь и чуть дыша, залепетал Станислав.

– Вы узнаете меня? – так же тихо спросил Елчанинов.

– Узнаю... вы товарищ пана Кирша! Значит, панна Вера не обманула; она сказала, что меня придут освободить. Ведь вы освободить меня пришли, да? – говорил он не без труда.

Нижняя челюсть у него плохо слушалась; он дрожал всем телом и от дрожи не попадал зуб на зуб.

– Да, я пришел освободить вас, – поспешил успокоить его Елчанинов. – Идемте!

Он так был уверен, что Станислав не станет медлить, чтобы последовать за ним, что схватил его за руку и двинулся было вперед, но тот уперся и жалобно протянул умоляющим голосом:

– Ради Господа Бога, скажите, пан, куда вы меня хотите

вести?

– На свободу, на волю! Я отведу вас к себе и ручаюсь вам, что у меня никто не посмеет вас пальцем тронуть!

– Да, но здесь пан не у себя!

– Оттого-то я вас и хочу увести! Ну, скорее! Не рассуждайте!

– Ради Господа Бога, пан, погодите! Как мы выйдем отсюда?

– Увидите!

– Я не знаю, как пан вошел сюда, но знаю, что вокруг этого дома такая высокая стена, что через нее не перелезть; окон на нижнем этаже нет, а есть только два выхода: один через дверь на улицу, из нее без шума выйти нельзя; а другой – через калитку из сада. У пана есть ключ от этой калитки?

– Нет. Да вы не беспокойтесь, идите, когда я вам это говорю!

– Тогда пан ошибается: мы не выйдем!

– Есть третий выход: через дом, по подземному ходу.

– Через дом? По подземному ходу? – повторил Станислав, как-то съежился и присел даже.

– Ну да! Мы подыдемся на верхний этаж, и там из столовой есть выход.

– Нет, нет, – совсем испугался Станислав, – мы не сделаем этого. Подниматься на второй этаж... Да вы не знаете, пан! В этом доме стены видят и слышат. Я послушался пана Кирша, поднялся с ним, чтобы заглянуть в эту столовую, и это сейчас

же стало известно. Как? Я понять не могу! И за это меня посадили в подвал. Если мы подыдемся теперь, нас убьют!

– Некому убивать нас. Не бойтесь, раз вы со мной! В доме никого нет и некому следить за нами.

– Я тоже так думал, когда подымался с паном Киршем. Разве он не рассказывал вам? Где он теперь?

Елчанинов не решился ответить на этот вопрос Станиславу, боясь, что тот еще больше оробеет, узнав о судьбе Кирша.

– Все равно! – сказал он. – Идемте же, говорят вам!

Станислав отрицательно покачал головой и глупо и настойчиво произнес:

– Я боюсь!

Елчанинов начинал терять терпение.

– Да чего вы боитесь? – рассердился он. – Хотите остаться в этом подвале, так оставайтесь.

– Да, я лучше останусь здесь... пан пришел освободить меня, видит Бог, я благодарен ему, но пан не знает, от каких людей он хочет увести меня! Может быть, это западня!

– Вы с ума сошли! С какой стати я вас буду ловить в западню?

– Не вы... не вы... я хочу сказать, что для самого пана, может быть, устроена западня.

Эти слова как громом поразили Елчанинова, и ему пришло на ум: а что как они – правда?

В самом деле, все как будто шло у него до сих пор слишком хорошо. К тому же Станислав вовремя напомнил ему о

Кирше, да и сам он невольно вспомнил об участии, которую готовили Варгину. Сам он был третьим из тех людей, про которых сказал управляющий: «А теперь возись с ними!»

Неужели опасения Станислава справедливы? Да нет же, не может быть! Ведь тут Вера, а она не может стать предательницей; для этого слишком ясен и светел ее взор, слишком чист и прекрасен! Что она сама может не знать! Пустяки это все!

Елчанинов вспомнил, что трусость заразительна, и с досадой на себя, что чуть было не поддался испугу Станислава, с силой схватил его за руку и проговорил:

– Так я насильно уведу вас отсюда!

– Я боюсь... я не хочу... я стану кричать, – окончательно обезумев от страха, чуть не во весь голос сказал Станислав.

Елчанинов едва успел выхватить платок из кармана и сунуть его в рот обеспамятевшему поляку, а затем схватил его, как ребенка, на руки.

К счастью, Станислав затих и не барахтался, так что Елчанинов мог прихватить фонарь; он со Станиславом на руках направился к двери и толкнул ее ногой, чтобы отворить ее.

Однако дверь не поддавалась.

Елчанинов толкнул еще раз – дверь не отворилась!

Тогда он выпустил из рук Станислава, попробовал толкнуть дверь рукой, – крепкий железный болт, задвинутый по ту сторону, держал ее.

Елчанинов растерянно оглянулся.

Станислав бледный стоял сзади него.

– Я говорил вам, пан! – произнес он, успев уже освободиться от платка.

Глава XXIII

На другой день после бала Варгин имел все-таки смелость наведаться на яхту, несмотря на слова, сказанные ему управляющим, что сеанса сегодня не будет и что ему дадут знать, когда он может снова явиться к леди. Однако на яхту его не пустили.

Художник вернулся домой, хотя и огорченный этим, но все же еще полный впечатлениями вчерашнего и потому настроенный довольно бодро.

Восторг и счастье, выпавшие вчера на его долю, еще были живы в нем, и он испытывал то, что обыкновенно бывает с человеком, бедным и несколько обиженным судьбой в смысле удачи, когда вдруг он почует благополучие и из своей бедности попадет в роскошь хоть гостем.

Он целый день провалялся на диване и мечтал. Эти мечты были самые смелые, фантастические и широкие.

Он видел себя известным, прославленным художником, картины которого лишь потому не ценятся на вес золота, что слишком мало идет драгоценного металла на этот вес, и он продает свои произведения на вес кредитных ассигнаций.

Эта комбинация ему почему-то особенно понравилась, и он мысленно на разные лады разговаривал с многочисленными заказчиками и так говорил им:

«Кладите на одну чашку весов картину, а на другую – ас-

сигнации!»

Само собой разумеется, при этом он был счастливым мужем красавицы-леди, а управляющего выгонял в шею, но был чрезвычайно благороден с ним и назначал ему ежегодную пенсию. Вместе с тем он сам путешествовал с красавицей-женой по разным отдаленным морям на ее яхте.

Так Варгин и заснул, убаюканный своими мечтами. Но в его сонных грезах произошла какая-то путаница: управляющий гонялся за ним с длинной хворостиной, а он, как это часто бывает во сне, делал страшные усилия, чтобы убежать от него, и не мог сдвинуться с места.

Этот сон всю ночь, как кошмар, мучил художника, но наутро, когда он проснулся, все стало опять хорошо и даже неожиданно вышло так, как будто вчерашние грезы стали осуществляться.

Довольно рано в мастерскую к Варгину постучали.

«Кто бы это мог быть? – подумал он. – Вероятно, Елчанинов!»

Но это был не Елчанинов, а незнакомый, очень хорошо и богато одетый господин, назвавший себя графом Кастильским. Он объяснил Варгину, что слышал от леди Гариссон о его несомненном таланте и вот, найдя его адрес, явился к нему сам, чтобы сделать срочный заказ. Ему нужен его собственный акварельный портрет для подарка через три дня. За деньгами он не постоит, весь вопрос в том, успеет ли Варгин исполнить свою работу к сроку.

Варгин, не отрезвившись еще от своих вчерашних мечтаний, с важным видом, вдруг ни с того ни с сего, как бы войдя уже в роль знаменитого художника, стал говорить графу, что у него много работы и что он для того, чтобы принять такой спешный заказ, должен отложить эту работу, а потому дешево взять не может.

– Значит, вы хотите взять дорого? – улыбнулся граф. – Я согласен на это. Какую же цену вы хотите получить?

«Что с него взять? – стал прикидывать Варгин. – Бухнуть разве пятьдесят рублей?»

– Я возьму с вас... – значительно начал он и все-таки нерешительной скороговоркой добавил: – Сорок пять рублей!

Запросить пятьдесят он все-таки не решился. Эту цену он считал хорошей и для своих масляных картин, а не то что для акварели.

Граф улыбнулся на этот раз шире прежнего.

– Сорок пять рублей я дам вам в виде задатка! – проговорил он, вынимая бумажник. – За свою работу вы получите вдвое, то есть девяносто рублей, если только успеете.

И он, вынув деньги, подал их Варгину.

Тот, как ни старался, не смог удержать своей радости, усадил графа и принялся рисовать.

Акварельные краски у него были старые, засохшие, ему немножко стыдно было за них перед графом, но зато у него имелся старинный хрустальный стакан, который он пустил ради важного заказчика для воды, чтобы макать кисть.

– Ах, – вспомнил граф, – я забыл сказать моему кучеру, чтобы он подождал меня здесь. Нельзя ли послать ему сказать, чтобы он не уезжал?

– Отчего же? – подхватил Варгин. – С большим удовольствием! Конечно, можно послать! А не то лучше я сам пойду.

«Послать» он мог только рябую девку Марфу, находившуюся у него в услужении, вечно щеголявшую без обуви, на босу ногу и с неуклюже подоткнутым грязным сарафаном. Показывать это сокровище графу он не решился и потому заявил, что лучше сам пойдет, чтобы отдать приказание кучеру, и отправился исполнять это. Он вернулся, очень довольный собой, и с жаром принялся за работу.

Граф сидел у него, позируя, часа два, потом распрощался и ушел, сказав, что опять приедет завтра.

Варгин, забыв уже всю свою важность, проводил его до самой кареты.

Начатый портрет выходил очень хорошо, краски ложились ловко и свежо. Словом, Варгин чувствовал себя в ударе и, не желая расхолодиться после отъезда графа, взялся снова за кисть.

«Вот что значит, когда повезет, – радостно думалось ему, – тогда и чувствуешь себя другим человеком и работается вдвое легче и лучше!»

И вдруг, точно он сглазил себя этими словами, он почувствовал какое-то странное, неприятное ощущение внутри, не то боли, не то тяжести.

«Что это со мной? – удивился он. – Странно!»

Вместе с тем он заметил, что те самые краски на его акварели, свежестью которых он только что так любовался, начали темнеть, быстро, на его глазах, покрываясь как будто свинцовым налетом.

Не успел он разглядеть хорошенько и распознать, действительно ли потускнели краски, или это помутилось у него в глазах, как его внимание было отвлечено стуком нового подъехавшего экипажа. Он пошел сам отворять и встретил приехавшую к нему в мастерскую леди Гариссон.

– Тебя вчера не пустили ко мне, – быстро проговорила она, входя, – тебя вчера против моей воли не пустили ко мне, и вот я назло им приехала к тебе сама!

Варгин никак не ожидал появления у себя самой леди. Он так мало был подготовлен к этому, что растерялся, забыв даже о своем недомогании, которое почувствовал за минуту перед тем.

– Это вы... то есть это – ты... – начал он говорить, сам не зная, что ему сделать.

– Ну, что же ты, – ободрила она его, – не рад что ли? Разве так встречают? – и она, вскинув руки, положила их ему на плечи. – Ну, посмотрим теперь, как ты живешь? – не умолкая тараторила она, осматриваясь. – Палаты у тебя незавидные! А это твои работы? Что хорошо, то хорошо. Таланта у тебя много. Так вот я и говорю, что назло им приехала сама к тебе...

Варгин не знал, кто были «они», назло которым она приехала, но, во всяком случае, чувствовал, что ничуть не в претензии на этих людей.

– Ну, как бы там ни приехала, но ты здесь, у меня, и я очень рад этому, – просто проговорил он.

– Вот за это я тебя и люблю, за непосредственность твою, – продолжала леди. – Другой бы стал обижаться, зачем приехала назло только кому-то, а не для него, а ты прямо так и говоришь, что рад видеть меня.

– Ну, еще бы не рад!

– Значит, ты очень огорчился, когда вчера не пустили тебя ко мне?

– Конечно! Я не знал, когда же мы увидимся снова.

– И увиделись скорее, чем ты ожидал.

– Но как же, если тебе не позволяют?

– «Не позволить» мне никто ничего не может. Знай это раз и навсегда. Я свободна.

– Все-таки не пустили же меня к тебе.

– Зато я сама приехала.

– В своей карете?

– Ну, разумеется!

– Но лакей, кучер! Ведь они донесут, что ты тут была.

– Кому?

– Хотя бы твоему управляющему.

Леди расхохоталась.

– Пусть доносят. Я не боюсь его. Постой, сядем поудоб-

нее! – Она поднялась со стула, на который было присела, и перешла на диван. – Боже мой, как тут жестко! – сказала она, усаживаясь.

– Я этот диван сам себе сделал, – пояснил Варгин, садясь возле нее, – я сделал его из ящиков.

– И очень плохо сделал. Лучше бы поручил такую работу мебельному мастеру... тот исполнил бы ее как следует, и уж, конечно, не из ящиков.

– На изделие мебельного мастера у меня денег нет.

– Ах ты, бедный! Ну, так вот, ты знаешь, я вчера еще решила, что приеду к тебе, хотя адреса твоего и не знала.

– Я управляющему говорил.

– У него я не спрашивала. Да эта подробность меня не интересовала, ну, думаю, разыщу как-нибудь. Сегодня отправилась в город и взяло меня сомнение...

– Почему же сомнение?

– А вдруг ты женат? Вдруг я приеду, а у тебя жена, дети? Скучно! Карета между тем везет меня. Потом она остановилась. Лакей соскочил с козел, отворил дверцу и говорит: «Приехали». – «Куда?» – спрашиваю. «К художнику Варгину». Я не помнила, что велела везти себя к тебе, напротив, почти наверное ничего не велела. «Разве я приказывала?» – говорю. – «Приказали», – отвечает лакей. Ему, оказалось, и твой адрес был известен, он и привез меня. Ну, делать нечего – я вышла.

– И увидела берлогу, не очень-то роскошную. Ты к такой

обстановке, как у меня, не привыкла.

– Откуда ты знаешь, к чему я привыкла? Обстановка дело наживное.

– В этом ты права. Теперь я скоро заменю ее другою. И у меня будут и статуи, и цветы. Ковры постелю, диван у мебельного мастера сделаю. Теперь у меня хорошие заказы появились. Вот сегодня граф Кастильский был, хорошую цену дал... я его акварельный портрет писал. Ты его знаешь?

– Никакого графа Кастильского не знаю.

– Как так? Он прямо мне сказал, что приехал по твоей рекомендации.

– Что-то ты путаешь.

– Да нисколько. Он очень определенно объяснил, что явился от тебя.

– Положим, я в последнее время со многими завела новые знакомства, но не помню, чтобы видела какого-то графа Кастильского. И фамилии его не помню. Каков он собою?

– Да вот его начатый портрет, – и Варгин, встав с дивана и взяв свой рисунок, хотел подать леди, но пошатнулся.

– Что с тобой? – испугалась она. – Ты мне сразу показался бледным, а теперь совсем побелел.

– Не знаю, неможется что-то. Я вдруг почувствовал себя нехорошо перед самым твоим приездом, – и художник, вдруг ослабев, бессильно опустился опять на диван.

Леди Гариссон, взглянув на портрет, который он держал в руках, произнесла:

– Нет, это лицо мне вовсе незнакомо. Но отчего так по-чернели краски?

– Не знаю... Я вот что все хочу спросить у тебя, – произнес Варгин заплетающимся языком, – отчего ты говоришь по-русски и где ты научилась этому языку?

Она тревожно посмотрела на него. Голова у него закинулась, глаза полузакрылись, губы посинели и пальцы двигались в судорогах.

– Да что с тобой?

– Ничего, – ответил Варгин через силу, – внутри жжет... как... огнем...

– Жжет внутри, губы синие, шум в ушах?

– Да!

Леди вскочила и наклонилась над ним.

– Отвечай скорее, дело серьезное! Что ты ел сегодня, пил? Соберись с силами, ответь!

Художник полулежал на диване, вытянув ноги, и, казалось, уже не слышал того, что говорили ему.

Напрасно леди Гариссон добивалась ответа от Варгина. Судороги у него от пальцев перешли в руки. Полуоткрытые глаза помутились. Рот полуоткрылся, губы вздрагивали, и трудно было разобрать, силился ли Варгин произнести ими что-нибудь, или это вздрагивание было так же произвольно, как судорожные движения пальцев и рук. В мастерскую постучали. Леди Гариссон бросилась к двери, повернула ключ в замке и, приняв эту предосторожность, спросила:

– Кто там?

– Варгин дома? – послышалось за дверью.

Леди не знала, что ответить ей.

– Кто вы такой? Что нужно? – повторила она, меняя голос с неподражаемым искусством, так что узнать его не было возможности.

В дверь опять постучали, и затем послышалось:

– Я спрашиваю, дома ли Варгин. Петрушка, ты дома? Отвори!

– Да кто вы такой?

– Товарищ его, Елчанинов. Отворите, мне нужно сейчас же видеть Варгина. Отворите, или я выломаю дверь.

«Товарищ его – тем лучше, он мне поможет, по крайней мере!» – решила леди и отперла.

– Леди, вы здесь? – удивленно произнес Елчанинов, входя и останавливаясь.

Это был он, живой, здоровый и невредимый.

– Вы меня знаете? – воскликнула она, пораженная, что этот незнакомый ей приятель Варгина называет ее.

Отворить дверь приятелю художника она ничуть не побоялась. Не было ничего предосудительного, что он заставлял ее здесь. Она могла свободно приехать с заказом или на сеанс для портрета. Она это сообразила сейчас же.

– Моя фамилия Елчанинов, – представился он, – а вас я узнал по этюду. – Он хотел еще добавить что-то, но остановился. Он увидел лежавшего на диване Варгина, и у него

невольню выразилось одно только слово: «Успели!»

С первого же взгляда он понял все, не ища и не спрашивая объяснений.

– Что вы хотите сказать этим? – спросила леди Гариссон беспокойно и вместе с тем изумленно.

– Вчера было решено «отделаться» от него, а сегодня это уже приведено в исполнение.

– Что вы говорите? Кем решено?

– И решено из-за вас, – продолжал Елчанинов. – Он им мешал, потому что вы обратили на него внимание.

– Откуда вы знаете это?

– Знаю. Теперь не время объяснять. Нужно постараться – нельзя ли помочь ему. Как это случилось с ним? При вас?

– При мне. Я только что приехала, он почувствовал себя дурно, упал на диван, тут постучали вы.

– Нужно скорее за доктором.

– Нет, доктор едва ли поможет, если это то, что я предполагаю и что подтверждается вашими словами. Пока вы побежите за доктором будет уже поздно, доктор приедет разве только для того, чтобы подтвердить его смерть, да едва ли в официальной медицине найдется и лекарство. Я думаю, что сама лучше помогу. Мне только нужно узнать, что он ел или пил.

– Вы полагаете, что это отрава?

– Не сомневаюсь. Все признаки яда, и притом сильного, известного только братьям иезуитам. Ради Бога, нельзя ли

узнать, с чем он проглотил этот яд? Мне нужно рассчитать, какое количество дать противоядия.

– У вас оно есть?

– Я его ношу всегда с собой. Имея дело с этими людьми, необходимо принимать меры и быть готовой на всякий случай. Секрет противоядия открыт мне одним из их же братьев.

– Так дайте побольше!

– Нельзя! Нужно знать точно, сколько капель, иначе не поможет.

– Что же делать? Кроме чая, он, вероятно, ничего не пил сегодня. Чай он заваривает обыкновенно сам, – ответил Елчанинов.

– Погодите, – остановила его вдруг леди, – я, кажется, нашла. Он успел рассказать мне, что к нему приезжал какой-то граф от моего имени, Кастильский, а никакого графа Кастильского я не знаю. Этот граф заставил его рисовать акварельными красками. Художники, рисуя акварелью, имеют обыкновение брать кисть в рот... Ваш приятель, вероятно, тоже?

– Да, это его привычка.

– Гадкая привычка, но теперь я знаю, что делать. Скорее принесите мне воды!

Говоря это, молодая женщина схватила со стола граненый стакан, полный еще замутившейся от красок жидкостью, в которую Варгин макал кисть, когда рисовал портрет графа.

Затем она достала из кармана флакон и начала капать из него в стакан.

Когда упала в него пятая капля, мутная жидкость вдруг получила фиолетовый отлив, потом побелела и стала молочной с перламутровым оттенком.

– Так и есть, – сказала леди Гариссон, – я не ошиблась. Так вот отчего почернели и краски на портрете! Яд был подброшен ему в стакан для красок в расчете на обыкновение художников брать кисть в рот. Скорее воды!

– Вот она! – сказал Елчанинов, подавая ей стакан с чистой водой.

Леди пустила в него пять капель из флакона и ловким движением потихоньку влила в рот Варгану содержимое стакана. Елчанинов поддерживал ему голову.

У Варгина хватило силы проглотить противоядие, которое единственно могло спасти его. Сделал он это бессознательно, захлебываясь, но действие лекарства стало заметно сейчас же. Судороги прекратились. Он задышал ровно и тихо.

– Спасен! – радостно проговорил Елчанинов.

– Не совсем еще! – возразила леди Гариссон. – Еще придется похлопотать над ним, прежде чем можно будет сказать, спасен он или нет! Вы видите эти закатившиеся, полузакрытые глаза, эти синие губы? Это признаки того, что количество яда было значительное, да и потребовалось целых пять капель противоядия – это очень много. Я никогда не реши-

лась бы дать столько, если бы не убедилась, что это необходимо. Каждая лишняя капля лекарства действует быстрее и сильнее самого яда. Теперь нужно внимательно следить за ним. Вероятно, нужно будет повторить прием противоядия через некоторое время.

– Так вы останетесь со мной при нем?

– Не в этом дело. Вопрос в том, как мне остаться?

– Ради спасения человеческой жизни нужно пожертвовать всем, – твердо и уверенно произнес Елчанинов.

– Ах, дело опять вовсе не в этом! Я боюсь, что сюда придут, чтобы убедиться, умер он или нет, – промолвила леди.

– И застанут вас здесь? Вы боитесь, что это отзовется на вас дурно?

– Не столько на мне, сколько на нем. Если удастся отходить его, через два дня он будет здоров, но эти два дня потребуют большой возни и ухода. Едва ли, кроме меня, кто-нибудь может указать, что и как нужно будет делать, я одна могу угадать симптомы улучшения или ухудшения; следовательно, в течение двух, по крайней мере, дней я должна следить за ним. К себе на яхту я не могу его взять.

– Вам не позволят этого?

– Да, мне не позволят. Мало того, если застанут или увидят меня здесь при нем, не пустят больше сюда... просто силой не пустят, и тогда все будет потеряно.

– Что же делать?

– Единственно – перевезти его сейчас куда-нибудь отсюда,

куда бы я могла приехать так, чтобы не знали, что я ееду к нему. Другого выхода я не нахожу.

– Но едва ли выход этот возможен, – упавшим голосом возразил Елчанинов, – кроме моего собственного угла, я ничего не имею, но перевезти Петрушку ко мне при данных условиях – все равно что оставить здесь. Вам одинаково неудобно быть у меня, как и в квартире Варгана.

– Конечно. Но нет ли у вас родственницы, знакомой, какой-нибудь близкой семьи?

Родственники Елчанинова жили в провинции, а близких людей в Петербурге у него только и было что Кириш да Варгин.

– Нет, у меня никого нет! – ответил он.

– Я тоже не знаю никого в Петербурге, я чужая здесь! – сказала, в свою очередь, леди.

И оба замолчали, словно придя к преграде, сокрушить которую, казалось, не было человеческой силы.

– Вот что, – проговорил наконец Елчанинов, – сделать все-таки что-нибудь надо. Можете вы мне дать час в распоряжение?

– Вы придумали что-то?

– Не знаю, не надеюсь; мое предположение почти невозможно, но утопающий хватается за соломинку! Все, что я могу сказать: авось! Позвольте мне уехать, через час я вернусь... Дайте мне час в распоряжение.

– Это, пожалуй, будет слишком долго. Возьмите мою ка-

рету, чтобы съездить скорее.

– Нет, туда, куда я хочу отправиться, мне в вашей карете нельзя. Если мне удастся сделать что-нибудь, я вернусь в ямском экипаже и перевезу в нем Варгина.

– Одному вам, пожалуй, не справиться. Нет ли у вас еще кого-нибудь, кто бы помог вам?

– У меня есть один человек, я заеду за ним. Мы приедем сюда, вы уедете, чтобы не вызвать подозрения у ваших слуг, и затем отправитесь в то место, куда мы перевезем Варгина. Туда вы можете явиться смело. Никто не заподозрит, что Варгин там. Лишь бы мне удалось устроить его.

– Так идите. Я подожду вас здесь.

Глава XXIV

Сговорившись с леди Гариссон, Елчанинов выбежал из дома, вскочил на первого попавшегося извозчика и первым делом отправился домой, откуда послал денщика за ямской каретой.

Станислав, которого он приютил у себя, спал крепким сном, очевидно, вознаграждая себя за неудобства, причиненные ему в погребке; Елчанинов разбудил его и велел быть готовым на всякий случай. Он сказал ему, что, может быть, скоро вернется и они поедут вместе в карете, которую приведет денщик. Куда и зачем они поедут – Елчанинов не объяснял Станиславу, потому что не имел на то времени. Он поспешил дальше.

Соломинкой, за которую он схватился, как утопающий, было его свидание с Верой, назначенное ею на сегодня в два часа. Ему пришла в голову отчаянная мысль уговорить Веру взять Варгина на два дня в верхотуровский дом, где она жила.

В самом деле, если бы оказалось возможным поместить тайно бедного художника где-нибудь, хоть в той же оранжерее, через которую Елчанинов имел сообщение с домом князя, – леди Гариссон могла бы смело приехать туда явно, не вызвав никаких подозрений. Очевидно, она была знакома с Верой, и никто не помешал бы ей навещать свою знакомую

по несколько раз в день.

Сильно билось сердце у Елчанинова, когда он подъехал на извозчике, загнавшем по его приказанию лошадь, к знакомой уже оранжерее. Здесь его ждал карлик Максим Ионыч.

– Пожалуйте, – встретил он Елчанинова, так и сияя весь радостной улыбкой. По его лицу было видно, что он чем-то чрезвычайно обрадован и доволен сегодня. – Пожалуйте, – повторил он и сделал своей маленькой ручкой не лишнее грации движение, с которым обыкновенно важные слуги важного дома приглашают важных гостей.

Елчанинов думал, что карлик опять проведет его в беседку, но тот вместо того, чтобы повернуть к группе акаций, за которыми стояли стол и скамейка, направился по дорожке, ведущей прямо к дому.

«Что это значит? – удивился Елчанинов, – и отчего он такой счастливый сегодня?»

Дорожка между клумбами цветника вела к большой каменной террасе, уставленной статуями и вазами с растениями. На террасе за маленьким столиком сидела Вера. Она была одна.

Она издали увидела приближающегося Елчанинова, улыбнувшись, кивнула ему головой и встретила его словами:

– Ну, здравствуйте! Я рада, что вижу вас целым и невредимым. Значит, ваше ночное приключение обошлось благополучно. Станислав освобожден?

– Вы этого хотели! – ответил Елчанинов.

– Где же он теперь?

– У меня пока, а что нам делать дальше – приказывайте.

– Потом подумаем об этом. Но я крайне рада, что все окончилось благополучно.

– Благополучно, – вероятно, благодаря только вам, – сказал Елчанинов.

– Как благодаря мне? – удивилась Вера. – При чем же тут я? Разве не вы сами проникли каким-то непостижимым образом в этот дом и вывели оттуда бедного поляка?

– Я-то, я, – вздохнул Елчанинов, – но не совсем. Я чуть не остался сам запертым в подвале.

– Да не может быть!

– Разве не вы выпустили нас оттуда?

– Я, может быть, и сделала бы это, если бы могла предположить, что моя помощь нужна вам. Но я и не подозревала, что вы находитесь в новой опасности. Как же это было?

– Очень просто или, вернее, вовсе не просто, потому что, если вы говорите, что не знали даже, что меня заперли вместе со Станиславом, то я ничего не понимаю. Дело в том, что, когда я проник в подвал и Станислав увидел меня, он сначала очень обрадовался, а потом заартачился и не хотел идти за мной на свободу.

– Неужели? Отчего же?

– Он сильно был напуган могуществом братьев иезуитов. Он оробел и стал уверять, что в этом доме стены слышат, и так далее в этом роде, что мы попадем в ловушку. Я хо-

тел силой увести его, и, пока возился с ним, дверь в подвал задвинули болтом с наружной стороны. Кто это сделал, не знаю, но только мне пришлось убедиться, что страх Станислава был вовсе небезоснователен.

– Как же вы вышли?

– Через некоторое время, когда я снова попробовал отворить дверь, она оказалась уже отпертой так же таинственно, как была заперта. Я объяснил себе это только тем, что вы спустились к подвалу и отодвинули болт.

– Нет, я все время оставалась наверху. Я прислушивалась, но все было тихо.

– Тогда я ничего не понимаю.

– Да вы точно помните, что дверь была заперта?

– Еще бы. Я в нее ломился несколько раз. Я отлично помню.

– Как бы то ни было, вам удалось перехитрить отцов иезуитов. Ну и слава Богу!

– А вы не боитесь так громко говорить это?

– Теперь не боюсь... Сегодня, как видите, я принимаю вас уже не потихоньку в беседке, а открыто на террасе.

Елчанинов оживился и с любопытством спросил:

– Значит, случилась какая-то перемена для вас?

– И большая.

– К лучшему?

– Если хотите, да, к лучшему.

– То-то ваш карлик Максим Ионыч такой сияющий сего-

дня.

– Да, он очень рад. Он предан мне всей душой.

«Он ли один?» – внутренне усмехнулся Елчанинов.

– Чего вы улыбаетесь? – спросила Вера.

– Ничего... так... не знаю... Так какая же радостная перемена была сегодня для вас? Или, может быть, нескромно с моей стороны спрашивать?

– Нет, отчего же! Я вам скажу.

– Дело, вероятно, идет о маркизе, о его здоровье. Вы сказали мне при нашей встрече в доме у него, что он пришел в сознание. Ему лучше?

– Да, лучше, – подтвердила Вера, – он теперь уже вне всякой опасности, и это меня очень успокоило. Но в его выздоровлении я не сомневалась; по ходу болезни я ждала этого, и то, что он почувствовал себя лучше, не явилось для меня новостью. Нет, сегодня я получила известие, которое сильно изменило мою жизнь.

«Ну да, все кончено, – подумал Елчанинов, – вероятно, решено, что она выходит замуж за маркиза, который выздоровел, и это, конечно, изменит ее жизнь».

– Сегодня, – продолжала между тем Вера, – я узнала наконец, кто я такая, или, вернее, могу говорить о том, кто я. Пршлый раз я приняла вас в беседке потихоньку, как бедная, ничего не знающая девушка, не имеющая ни роду, ни племени, чужая всем в этом доме, а сегодня я – полная хозяйка тут, настолько сильная, что могу вступить в открытую

борьбу, если это понадобится, с отцами иезуитами и во всяком уже случае имею возможность не бояться их козней так, как вынуждена была это делать еще вчера.

Она приостановилась.

Елчанинов с изумлением слушал ее, в душе радостно волнуясь за это благополучное изменение ее судьбы.

Между тем Вера втянула в себя полной грудью воздух и продолжала:

– Бывший покойный владелец этого дома князь Николай Иванович Верхотуров был моим отцом. Этого никто не знал, так как князь не был женат на моей матери, она была его крепостной. Воспитывались мы, его дети, за границей под фамилией Туровских, и только незадолго до своей смерти отец выписал меня к себе. Я жила у него на правах дочери для всех домашних, но в городе вовсе не знали об этом. Князь в последнее время никуда не выезжал и сам никого не принимал. О моем существовании не подозревали и, когда умер отец, думали, что у него нет наследников. Завещания не осталось, а прямых наследников не оказывалось. После смерти отца я осталась в его доме в самом неопределенном положении, не зная, что предстоит мне в будущем. Дворяне, которые обожали мою мать, вышедшую из их же среды и умершую, когда мне было пять лет, – относились ко мне с большой добротой и продолжали служить как будто законной дочери их покойного барина. Они все сделали это по собственному желанию, потому что получили перед смер-

тью князя все до одного вольную. Но, конечно, навсегда мне здесь оставаться было нельзя, и приходилось думать о том, что делать. Без родных – по отцу, если бы они и были, они не признали бы меня, а со стороны матери у меня только карлик, которого вы знаете, Максим Ионыч – он приходился ей двоюродным братом, – так вот, без родных, без связей, без всяких средств я была в сильных руках иезуитов. Волей-неволей мне приходилось опасаться их и просить вас хранить в глубокой тайне, что я просила вас хотя бы о таком деле, как освобождение Станислава. И вдруг сегодня я получила известие, что отец перед смертью, давая вольную дворовым, обращался с письмом к государю, прося утвердить наследство за его детьми и дать нам дворянскую фамилию. Государь ввиду заслуг, как сообщено мне теперь, покойного князя Верхотурова, изъявил согласие исполнить его предсмертную волю, и, по Высочайшему повелению, нам дана фамилия Туровских, а все наследство утверждено за нами.

Из всего этого рассказа Веры, который Елчанинов прослушал не перебивая, он понял только два обстоятельства и сделал два вывода: что теперь она – счастливая и равноправная невеста маркиза де Трамвиля и что ему, Елчанинову, легче теперь рассчитывать на то, что она, уже как хозяйка верхотуровского дома, согласится приютить у себя Варгина.

О первом он счел за лучшее промолчать, потому что Вера не упоминала о маркизе, ему заговаривать о нем не прихо-

дилось еще раз, тем более что он уже не утерпел сегодня и задал вопрос о Трамвиле. Что же касается второго, то есть помещения Варгина, то Елчанинов сейчас же поспешил прямо приступить к делу. Он рассказал Вере все без утайки, как случайно узнал о существовании подземного хода в доме на Пеньках, как достал к нему ключ, как шел по этому ходу, что услышал, притаившись за дверью в столовой, и что случилось сегодня с Варгиным.

– Так скорее привезите его ко мне! – решительно проговорила Вера, сразу сообразив, в чем было дело, и прежде чем Елчанинов успел договорить ей свою просьбу.

– Я так и думал, я не сомневался, что вы не откажете, если будет хоть какая-нибудь возможность! – воскликнул он, невольно восхищаясь ею.

– Теперь есть полная возможность, – сказала она. – Так не теряйте времени, отправляйтесь за ним, подвезите его к оранжерее, об остальном я распоряжусь. Вас встретят и проведут в дом. Я велю приготовить комнату. Доктор нужен?

– Нет, по-видимому, леди знает лучше доктора, что нужно делать.

– Тогда пусть леди приедет ко мне с главного подъезда, как будто в гости. Она уже была у меня тут один раз. Отлично, идите же! – и Вера, встав, протянула ему руку.

В то время рукопожатие между мужчиной и девушкой не было вовсе в обыкновении. Если девушка протягивала руку кому-нибудь, ей целовали ее.

Елчанинов поднес к губам руку Веры и несколько дольше, чем это нужно было для официального поцелуя, не отнимал губ от руки. Она, словно забывшись, позволила ему сделать это.

– Так я вас увижу еще сегодня? – спросил он на прощанье.

Она посмотрела на него своим ясным, светлым взглядом и, наклонив голову, ответила:

– Да!

Елчанинов бросился домой.

Денщик успел уже привести ямскую четырехместную карету. Она ждала у подъезда.

– Куда пан хочет везти меня? – спросил Станислав, который чувствовал себя очень хорошо и надежно в квартире Елчанинова и не имел ни малейшей охоты выходить.

– Едемте, едемте, некогда рассуждать! – торопил его Елчанинов. – Мне нужна ваша помощь.

– Так мы едем с паном по панскому делу?

– Да.

– А не по моему?

Станислав, чувствуя себя несчастным, в наивности своей искренне предполагал, что теперь у Елчанинова только и заботы что о нем, Станиславе.

– Да садитесь же! – нетерпеливо сказал ему Елчанинов.

Они сели и поехали.

Елчанинов был все утро в таком волнении, что не мог еще хорошенько собраться с мыслями, и теперь, когда все более

или менее наладилось уже, ощутил приятное чувство некоторого покоя, качаясь на рессорах наемной кареты. Некоторое время он ехал, вполне наслаждаясь этим покоем, как вдруг выпрямился, словно его толкнул кто-то.

«Да что же это я делаю? – сообразил он, оглядываясь на Станислава. – Я везу его туда, к Варгину, а там леди Гаррисон!»

Взяв с собой Станислава, он совсем забыл о подробности, узнанной им из разговора патера с управляющим, а именно, что леди каким-то образом приходится женою Станиславу и что она не знает о его пребывании здесь, в Петербурге. Эту подробность он совсем упустил, занятый более близким для себя делом, и вдруг выходило, что он вез жене мужа, от которого она скрывалась или который сам скрывался от нее – этого Елчанинов не знал.

«Вот так штука! – думал он. – И как мне это не пришло в голову раньше? Кирш, наверное, предусмотрел бы все, а я вот ничего не умею сделать один толком. Однако как же быть?»

Но, прежде чем он успел прийти к какому-нибудь решению, карета остановилась, сидевший на козлах денщик отворил дверцу и проговорил:

– Приехали!

«Ну, будь что будет! – решил Елчанинов. – Впрочем, может быть, обойдется и так, что они не заметят друг друга».

– Погодите, посидите тут немного в карете! Я позову

вас! – сказал он Станиславу и, оставив того в экипаже, вышел один.

Он застал Варгина в прежнем же положении на диване; возле него сидела леди.

– Пока все хорошо, – сказала она. – А у вас?

– У меня тоже все обстоит благополучно! – ответил Елчанинов, заглядывая в окно и видя, что его карета со Станиславом отъехала от подъезда, чтобы стать поодаль. – Давай! – крикнул он экипажу леди Гариссон и, обернувшись к ней, добавил: – Поезжайте сейчас в дом князя Верхотурова, к Вере Николаевне Туровской; она уже предупреждена обо всем и примет у себя Варгина. Я привезу его туда потихоньку, через оранжерею. Будут приняты меры, чтобы никто не знал об этом.

– Лучше этого придумать было нельзя! – проговорила леди. – Вера Туровская – моя знакомая. Но только как же? – вдруг остановилась она. – Ведь Вера, насколько я знаю, сама бывает в доме, где лежит маркиз. По всем понятиям, она его невеста, иначе нельзя объяснить такую близость между молодым французом и девушкой, а он всецело предан людям, от которых мы хотим спасти вашего приятеля.

– Да, она его невеста! – вздохнул Елчанинов. – Но не беспокойтесь! Ведь и вы в близких сношениях с теми же людьми, а между тем желаете сделать доброе дело! Не беспокойтесь за нее и доверьтесь ей.

Леди с минуту подумала.

– Впрочем, – пожала она плечами, – Туровская, укрывая у себя вашего приятеля, рискует сама и потому будет осторожна. Хорошо, я поеду к ней!

Она быстро накинула мантилью, надела шляпу и, кивнув головой Елчанинову, вышла, застегивая на ходу перчатки.

Едва прошло время, чтобы она успела миновать пространство от двери мастерской до кареты, как там раздался неистовый крик:

– Зосю, моя коханна! Але Зосю!²

Елчанинов выглянул в окно; Станислав выскочил из кареты и рвался к экипажу леди, крича и махая руками, но карета леди Гариссон уже отъезжала, кучер с места погнал лошадей, и они помчались крупной рысью.

Станислав, словно обезумев, погнался было, но кузов кареты далеко уже покачивался впереди, и Станислав, видя свое бессилие состязаться с рысаками, вернулся и вопил во весь голос:

– Ратуйте, панове! Ратуйте! Але то – моя жена, моя Зося!³

– Веди его сюда! – крикнул Елчанинов денщику. – Да заткни ему глотку.

Он вернулся к Варгану в беспокойстве, не испугал ли того крик, но художник лежал без сознания и ничего, казалось, не слышал.

Денщик буквально исполнил приказания начальства. Он

² Зося, моя дорогая! Зося!

³ Спасите, господа! Спасите! Ведь это – моя жена, моя Зося!

ввел Станислава, одной рукой держа его за ворот, а другой крепко зажав ему рот.

– Тсс! – подняв палец, сказал Елчанинов и показал Станиславу на лежавшего Варгина.

Тот понял, что перед ним почти умирающий человек, опомнился и, кажется, пришел немного в себя.

– Закричишь еще – убью! – грозным шепотом сердито припугнул его Елчанинов.

Поляк затряс головой и, освобожденный уже от солдатского самодельного намордника, тихим голосом залепетал:

– Але якже ж, пан?⁴ Я смотрю, какая хорошая карета стоит, спрашиваю у кучера, чья эта карета, он мне говорит: «Госпожи леди Гариссон». И вдруг выходит и садится в эту карету моя Зося, жена моя, одетая и вправду как богатейшая английская леди. Она была здесь, я знаю, что господин художник знает ее, потому что он нарисовал при мне ее профиль.

– Но я вовсе не знаю ее! – догадался ответить Елчанинов. – Если хотите расспросить про нее у художника, то прежде помогите сделать так, чтобы он был в состоянии говорить.

– А что с ним такое?

– Разве вы не видите, что ему дурно? Нужно отвезти его.

– В больницу? – подсказал Станислав.

– Ну, да, в больницу! – согласился Елчанинов, чтобы не

⁴ Но как же, господин!

вступать в дальнейшие объяснения. – Помогите мне сделать это! Я возьму его на руки, а вы поддержите ему голову! Осторожнее! Вот так!

И, говоря это, он уже подымал Варгина, а Станислав помог ему, сразу подчинившись, как человек, по природе робкий и восприимчивый.

Они перенесли Варгина в карету и очень осторожно тихим шагом довели его до оранжереи; дорогу извозчику показывал сидевший на козлах денщик, которому Елчанинов подробно объяснил, куда и как ехать.

В оранжерее были приготовлены носилки, и там ждал Максим Ионыч с двумя людьми. Последние помогли перенести Варгина из кареты, а Станислава, во избежание какой-нибудь новой выходки с его стороны, Елчанинов отправил с денщиком домой.

Леди Гариссон была уже у Веры, и когда Варгина по темной, густой аллее перенесли в приготовленную для него на нижнем этаже комнату и уложили на постель, она явилась и, оглядев больного, нашла, что ему пора дать второй прием капель из ее флакона.

Максим Ионыч, взявший уже под свое покровительство и Варгина, и Елчанинова, и даже саму леди Гариссон, принес ей воды; она капнула в нее всего одну каплю и влила в рот Варгину свое целебное средство, еще с большим искусством, чем прежде, потому что теперь он не мог глотать сознательно – он был в полумертвом состоянии.

Елчанинов следил за лицом приятеля, ожидая, какое действие произведут капли.

Прошло несколько томительных секунд; Варгин оставался таким же, как был. Леди тоже внимательно всматривалась в него.

И вдруг полуоткрытые веки дрогнули у Варгина и тихо опустились, губы сжались и сделались светлее.

– Ну, вот, – сказала леди, – теперь он заснет, это – великолепный признак! Нужно будет оставить его в покое. Теперь все идет лучше, чем можно было ожидать, – и она, облегченно вздохнув, обернулась к Елчанинову.

Тот, заметив ее взгляд, подумал:

«Ну, вот, она сейчас станет спрашивать меня про своего мужа, кто был этот человек и откуда я привез его в своей карете».

Но леди ничего не спросила и только произнесла холодно и спокойно:

– Мы можем оставить его и пойти наверх. Там нас ждет завтракать Вера Николаевна.

Глава XXV

Вера ждала их наверху, в гостиной, в той самой, в которой она в первый раз принимала Елчанинова и где висел портрет со страшными глазами.

– Ну что? Привезли? – встретила она Елчанинова и сейчас же, обратившись к леди, спросила у нее по-французски, все ли идет хорошо.

Та ответила утвердительно и прямо заявила, что всякая опасность миновала и что, вероятно, больной поправится скорее, чем она думала, то есть завтра.

В это время дверь отворилась, вошел лакей и доложил:

– Отец Грубер; прикажете принять?

Вера взглянула на леди, потом на Елчанинова и, подумав немного, как бы вынужденная к тому против воли, ответила лакею:

– Просите!

В гостиной появился человек в черной католической рясе, в котором Елчанинов узнал патера, виденного им в доме на Пеньках и разговаривавшего там с управляющим леди.

– Я пришел поздравить вас с монаршею милостью, – заговорил он, обращаясь к Вере, – и с получением огромного наследства. – Произнеся это, отчетливо и ясно выговаривая каждый слог по-русски, Грубер поклонился слегка Елчанинову и с живостью протянул обе руки леди Гариссон. – И вы

здесь, прекрасная леди? – начал было он по-французски, но она, смело глядя ему в глаза, остановила его:

– Вы можете говорить со мною по-русски, мой отец! Я уже настолько овладела этим языком, изучая его все время, пока я здесь, что могу изъясняться совсем свободно.

Грубер как-то искоса взглянул на нее, чуть заметно усмехнулся и, вскинув слегка плечами, ответил, поклонившись: «Я удивляюсь только вашим способностям!» – а затем обратился снова к Вере, придвигая стул и садясь:

– Итак, вы теперь богатая наследница?

– А разве это уже известно? Я сама только сегодня получила об этом извещение! – удивилась Вера.

Грубер качнул головой.

– О, будьте уверены, об этом уже знают в Петербурге теперь все! Такие вещи нельзя сохранить в тайне.

– Я думаю, в особенности от вас, отец, ничего не может укрыться, – заметила леди, опять взглядывая на патера в упор своими прекрасными миндалевидными глазами.

– Да-да, – вздохнул Грубер, – ничего не может быть тайно, что не стало бы явным! Все выйдет в свое время на чистую воду.

– Вашими бы устами да мед пить! – вдруг вступил в разговор Елчанинов.

Грубер, к которому он имел уже несомненное право питать враждебное чувство, зная о его делах, был ненавистен ему. Ему так и хотелось попросту сейчас уничтожить патера,

виновника гибели Кирша и чуть было не погубившего Варгина.

«И он может так спокойно сидеть и разговаривать!» – невольно подумал он.

Грубер, как бы не замечая его слов, наклонился довольно фамильярно к леди и сказал ей немного покровительственным тоном:

– А я могу поздравить и вас! Вы очаровали всех на своем балу; он имел успех огромный, и не сегодня-завтра вы получите приглашение ко двору. Поздравляю!

– Вы слишком добры! – ответила леди.

– О, несколько! Не забудьте лишь тогда о нас, грешных! Кто знает судьбу человеческую! Не гордитесь поэтому, леди; помните, что сегодня человек на высоте, а завтра, глядишь, и нет его!

– Да, бывает так, – опять не утерпел Елчанинов. – Вот у меня товарищ и близкий приятель Кирш; жил, был молод и вдруг пропал, утонул!

Он нарочно упомянул о Кирше, желая посмотреть, какое впечатление произведет на Грубера это имя, но на лице того не выразилось никакого впечатления; он только оглянулся к Вере, как будто спрашивая про Елчанинова, кто это.

Вера назвала Елчанинова и пояснила, что он – один из трех молодых людей, оказавших услугу маркизу де Трамвилю, за что она очень благодарна ему.

– А! – равнодушно произнес Грубер и заговорил о послед-

ней придворной новости.

Но Елчанинов, злобное чувство которого против патера так и подмывало сказать ему еще что-нибудь, не дал ему переменить разговор.

– Да, и из этих трех я один пока в целости! – сказал он. – Кирш умер, а с другим, с Варгиным, приключилось сегодня тоже что-то неладное.

Леди Гариссон сидела невозмутимо спокойная, но Вера вдруг дрогнула, и губы у нее шевельнулись.

Елчанинов увидел, что, кажется, он зашел слишком далеко, испугался, что она выдаст себя, и замолк.

– Так вы знаете последнюю придворную новость? – продолжал Грубер, как ни в чем не бывало и как будто ничего не замечая. – Князь Куракин получит на днях полную отставку от всех дел.

– С этим, кажется, можно поздравить вас отец! – произнесла с любезной улыбкой леди. – Если не ошибаюсь, князь Куракин не благоприятствовал вам, и вы его не любили?

– Я всех люблю одинаково! – скромно возразил Грубер. – У меня нет врагов, и если падет князь Куракин, то, вероятно, такова его судьба и он получит то, что заслужил. А вы знаете, что вчера на даче, на рауте, сказал английский посланник? Премилая острота! Вы, леди, как соотечественница, должны порадоваться.

И он стал, смеясь, передавать вчерашнюю остроту посланника.

Несмотря на развязную светскую болтливость Грубера, разговор как-то не клеился.

По выражению лица леди решительно нельзя было догадаться о том, что она думает и как себя чувствует теперь, но Елчанинову было очень тяжело, словно каким-то свинцовым прессом придавили воздух гостиной, и он чувствовал, что то же самое испытывает Вера, хотя и старается всеми силами овладеть собой. Поэтому он ощутил большое облегчение, когда появившийся в дверях маститый дворецкий протянул певучим голосом:

– Кушать подано!

– Пойдемте завтракать! – пригласила Вера. – Я надеюсь, вы останетесь с нами? – обратилась она к Груберу.

Тот встал и, к удовольствию Елчанинова, начал прощаться, отговариваясь тем, что ему некогда и что он должен ехать в Петергоф, где жил тогда государь.

Вера не удерживала его и проводила до двери следующей комнаты.

Здесь, у этой двери, Елчанинов видел, как Грубер сказал ей что-то, от чего она удивленно вскинула на него глаза, но он, не дав ей говорить, как-то отрывисто поклонился и, повернувшись к ней спиной, вышел быстрыми, решительными шагами.

За завтраком Вера казалась озабоченной, часто задумывалась и спохватывалась, и заговаривала лишь тогда, когда прямо обращались к ней.

Леди Гариссон методично ела вкусные кушанья и запивала их венгерским вином; повар в бывшем доме князя Верхотурова был отличный, винный погреб, по-видимому, тоже.

Елчанинов почти ни к чему не прикасался, он очень устал в течение сегодняшнего утра, но есть ему вовсе не хотелось.

Эта усталость была не столько телесная, сколько нравственная. Да и в самом деле, ему приходилось переживать самые противоположные и разнообразные чувства.

После завтрака они все трое спустились к Варгину; тот спал глубоким сном; леди Гариссон сказала, что, если он проснется до вечера, ему лучше всего дать миндального молока, в случае же, если он будет жаловаться на головную боль, поставить к икрам горчичники. Затем она собралась уезжать, предупредив, что заедет сегодня вечером.

Она и Вера ушли, а Елчанинов остался вместе с Максимом Ионычем возле Варгина. Сюда ему, когда наступило время, и обедать принесли.

Сидеть Елчанинову было ни весело, ни скучно; карлик оказался довольно разговорчивым собеседником, и они незаметно проболтали с ним несколько часов.

Наступил уже вечер.

Вдруг послышались быстрые шаги и шуршанье женского платья. Елчанинов думал, что это леди Гариссон, но в комнату вошла Вера. Она была в шляпе и в накидке, очевидно, только что приехала откуда-то и прямо прошла сюда. Она была сильно взволнована и, не переводя духа, как вошла,

опустилась на стул и заговорила:

– У меня есть к вам еще одна просьба! Ради Бога, не откажите исполнить ее!

– В чем дело?.. Что такое? – стал спрашивать Елчанинов, не выдавший еще ее до сих пор в таком состоянии, в каком она была теперь.

– Представьте себе, – быстро начала Вера, – патер Грубер сегодня, уезжая, сказал мне, что он просит меня не ехать вечером в дом на Пеньках и что мне там быть сегодня нельзя! Как и почему, я не успела у него спросить, потому что он повернулся и ушел. Это меня сильно поразило, но, признаюсь, я думала, что ослышалась или не так поняла. Сейчас я была там, и меня не пустили. Я не знаю, я боюсь теперь, сердце у меня так и сжимается.

– Чего же вы боитесь? – спросил Елчанинов больше для того, чтобы постараться звуком своего голоса успокоить ее.

– Боже мой, – воскликнула Вера, – я не знаю, что они сделали с ним! Я боюсь, что с ним что-нибудь случилось и оттого не хотят пускать меня к нему!

– Что же может случиться?

Вера молча перевела взгляд на Варгина. Елчанинов понял, что она тревожится и говорит о маркизе, и понял также ее взгляд.

– Но ведь им нет причины иметь что-то против маркиза, – проговорил он опять. – С какой же стати они станут делать ему зло?

– Ах, разве можно знать причины, которыми они руководствуются? От них можно ожидать все – мало ли какие у них соображения! А каковы их поступки – мы, кажется, достаточно знаем теперь.

– Что же вы хотите, чтобы я сделал? – тихо произнес Елчанинов, предугадывая уже то, о чем она хотела просить его.

– Вы один можете узнать хоть что-нибудь сегодня же, сейчас! У вас есть ключ от входа в этот дом. Впрочем, я сама не соображаю того, что говорю... Не сердитесь на меня, но понимаете: ведь это единственная возможность узнать что-нибудь. Я не могу вам указывать, но если вы захотите, то сделаете! – и, понизив голос и глядя Елчанинову прямо в глаза, она добавила: – Для меня!

– Для вас! Для вас! – повторил Елчанинов, а у самого мелькало в мыслях:

«Обо мне она не заботится, а только думает о нем! Господи, за что же это?»

Должно быть, его лицо было очень жалко, потому что Вера вдруг пригляделась к нему и проговорила:

– Ах, если бы вы знали только!

– Как вы мучаетесь? – подхватил Елчанинов. – Знаю и могу понять, и потому прощаю вас!

Она отняла руки, в которые было спрятала свое лицо, и подняла голову.

– Делайте как знаете, – сказала она, – но только прощать вам меня не в чем!

Она встала и вышла, а Елчанинов остался, как был: как будто ничего не видя и не соображая. Бессвязные и неопределенные мысли вихрем крутились у него.

– Голубчик, золотой, что с вами? – услышал он возле себя писклявый голос карлика.

Елчанинов очнулся и огляделся. Карлик стоял перед ним и теребил его своей маленькой ручкой за рукав, заглядывая на него снизу ласковыми, соболезнующими глазами. И сморщенное лицо его было такое славное, доброе!

«А он хороший человек!» – подумал Елчанинов, успешший уже сдружиться с карликом во время их сегодняшней беседы. Да и раньше, с первого же раза, он почувствовал к Максиму Ионычу безотчетное расположение. «Сказать разве ему все, сейчас?» – мелькнуло у негр, и губы его, словно помимо его воли, шевельнулись и сказали все одним словом:

– Ах, Максим Ионыч! Я люблю ее!

– Об этом-то я давно догадался, сударь! – просто и откровенно заявил карлик. – Слава Богу, видал на своем веку людей, знаю, каково у них это чувство.

Про людей, которых он видал на своем веку, Максим Ионыч говорил так, словно сам был не человек, а какое-то постороннее существо, наблюдавшее и жалевшее этих людей.

– Вот что, сударь! – продолжал карлик, закладывая одну руку за спину, а другой рассудительно размахивая в воздухе. – Полюбить-то вы мою Верушку полюбили, а подумали

ли о том, что может ли быть крепка такая любовь? Ведь вы и знакомы-то с ней, с Верушкой то есть, всего без году неделя; как же вы можете так уж уверенно сказать, что любите по-настоящему, а не попросту это у вас молодая кровь играет, или, как по-светскому говорят, амурная блажь приключилась?

– Ах, Максим Ионыч, – улыбнулся Елчанинов, – говорят тоже, что для того, чтобы полюбить, одной секунды довольно, а разлюбить – и в целую жизнь не разлюбишь!

Карлик вдруг расставил обе руки, закинул голову и захотал.

– Ловко сказано, господин офицер! Ловко сказано! Что хорошо, то хорошо! Ничего не могу возразить против. А все-таки вы проверьте себя хорошенько, насчет этой амурной блажи подумайте да Богу, Богу помолитесь, господин офицер!

– Ни проверять мне себя нечего, – уныло опустив голову, возразил Елчанинов, – ни Богу молиться не о чем! Все равно нет мне никакой надежды; вы-то знаете, я думаю, что она любит этого маркиза, бывает у него, значит, ведет себя, как его невеста. У них, видно, все уже решено, да и любит она его сильно!

Карлик, вместо того чтобы ответить, как-то странно поджал губы, покрутил головой и заходил по комнате.

– Не о ней теперь речь, – начал он вдруг, останавливаясь, – не о ней идет речь, а о вас!

– Да как же не о ней? – перебил Елчанинов. – Если я ду-

маю и говорю о себе, то уже не могу отделить ее, потому что вся моя жизнь в ней.

– Слова-то хорошие, – вставил карлик, – да делом-то сможете ли вы доказать их?

– Да кому же я стану доказывать? Себе? Я и без того уверен в том, что знаю, а ей все равно доказывать или нет, если она любит другого. Да и не хочу я такой любви, чтобы она полюбила меня за что-то! Пусть полюбит меня самого, а если нет, так и не надо!

– Ну, хорошо! Вот вы думаете, что Верушка влюблена, что ли, в маркиза...

– Не люблю я этого слова «влюблена», Максим Ионыч, глупое оно! А именно любит она его, коли так ведет себя с ним; и в этом сомневаться нечего!

– Ну, будь по-вашему: любит Верушка маркиза, а вы теперь, скажем, любите ее. Так вот она просит вас для нее пойти и узнать, не случилось ли с ним чего-нибудь и жив ли он и здоров. Ну, как вы теперь поступите?

– Как я поступлю? Вся душа у меня переворачивается, а чувствую, что пойду и узнаю!

– Неужели пойдете?

– Должно быть, Максим Ионыч, уж судьба моя такая!

– Да, если вы пойдете, тогда и я скажу... – произнес карлик и приостановился.

– Что же вы скажете? – переспросил Елчанинов.

– Что вы хороший человек и действительно любите ее.

– А вы сомневались, что я могу это сделать?

– Да Бог вас знает! Вот вы теперь говорите, а я все-таки сомневаюсь!

– Вы меня, Максим Ионыч, словно подзадориваете, – усмехнулся Елчанинов.

– Не подзадориваю я вас, голубчик милый, а только желаю испытать!

– Зачем же вы меня испытываете?

– Да интересно, неужели вы не станете по вашему дворянскому обычаю действовать?

– По какому обычаю, Максим Ионыч?

– Да как это у вас обыкновенно бывает, сейчас развестись поединком и смертоносный бой учинить из-за красавицы. Уж известно, из ревности своего врага убивают!

При этих словах Елчанинов на некоторое время задумался.

– Нет, ревновать я не ревную! – произнес он уверенным тоном, как человек, хорошо дающий себе отчет в том, что говорит. – Я мог бы ревновать, если бы раньше пришел, первым, а тут первым был он, а я пришел потом, значит, мне ревновать нечего, потому что с ее стороны никакой измены нет: как она любила его, так и любит, а я ни при чем!

– Так что же? Неужели завидуете?

– Маркизу-то? Может быть! Только, знаете, по чести вам скажу, Максим Ионыч, что эта зависть покрывается другим чувством: желанием ей всякого счастья, чтобы ей так хорошо

жилось на свете, как сама она этого хочет.

– Так, так! Хорошо вы говорите! – одобрил карлик. Затем его лицо вдруг сморщилось, и он снова расхохотался. – Как это вы сказали? «В минуту полюбишь, а в жизнь не разлюбишь?» Ловко сказано, сударь мой, ловко! Ну, так что же, пойдете узнавать о маркизе?

– Да, пойду! – решил Елчанинов. – Пойдите и успокойте Веру Николаевну! Я отправлюсь, как только приедет леди Гариссон, чтобы сменить меня здесь.

– Да уж об этом не извольте беспокоиться! Я уж тут все усмотрю и обдумаю; будьте благонадежны, все будет сделано, что надо! Миндальное молоко, ежели проснется, и горчичники, ежели голова будет болеть!

– Ну, хорошо! – согласился Елчанинов. – Так я сейчас пойду! Так и скажите Вере Николаевне, – и он с необыкновенной поспешностью собрался и ушел.

Он поспешил потому, что ему еще нужно было зайти домой за ключом, который он оставил у себя.

Дома, входя, Елчанинов спросил у денщика, тут ли Станислав? Спросил больше для порядка, так как был уверен, что поляку некуда было уйти.

– Они отлучились! – доложил денщик к крайнему изумлению Елчанинова.

– Как отлучились? Куда? – удивился он.

Денщик пожал плечами и ответил:

– Не могу знать!

– Как же ты его отпустил?

– Вы мне не приказывали задерживать его.

Денщик был прав: задержать Станислава Елчанинов за-
был ему приказать.

«А ну его, в самом деле! – подумал он. – Попадется
опять – сам виноват, ему же хуже!»

– И давно он ушел? – полюбопытствовал он все-таки.

– Нет, только что, – ответил денщик.

– Ну, и Бог с ним! – проговорил Елчанинов, махнув рукой.

Глава XXVI

Для того чтобы исполнить желание Веры, Елчанинов мог проникнуть только по подземному ходу в иезуитский дом, где жил маркиз. Что ему делать там, он знал на этот раз менее, чем в первый. Тогда, по крайней мере, у него имелось в виду нечто более определенное: высвободить из подвала запертого там человека; но теперь как и у кого он должен был узнать о положении Трамвиля?

И снова пошел Елчанинов наугад, опять руководствуясь тем, что будь что будет!

До сих пор такое руководство шло ему на пользу; все, что от него зависело в данном случае, он проделал с быстротой и смелостью, то есть отправился к дому на Пеньках, пробрался к двери в стене, отпер ее, спустился по знакомой уже лестнице в подземный ход и благополучно поднялся к двери в столовую.

Здесь ему пришлось остановиться: в столовой слышались голоса.

Елчанинов приложил глаз к отверстию и увидел Грубера; перед ним стоял склоненный Станислав.

Он жалобным голосом изливал потоки своего красноречия, изредка всхлипывая.

– Пане ксендже, – говорил он, – вы видите, я сам к вам пришел, я вернулся сам, потому что знаю – все едино, вы

меня отыщете, и тогда меня постигнет та же участь, какую испытали пан Кирш – да спасет Господь его душу! – и пан художник. И я так подумал себе, что лучше уж пусть меня опять посадят в подвал, чем ежели я должен буду умереть на воле. Пане ксендже, сажайте меня в подвал, делайте со мной, что хотите, я все исполню, что вы станете приказывать, только окажите мне вашу помощь! Я бедный человек, пане ксендже, имел красавицу жену, такую красавицу, что и не рассказать. Она убежала от меня, я искал ее долго, наконец нашел здесь и видел ее сам, своими глазами! Подъезжаю я к подъезду...

– К какому подъезду? – спросил Грубер.

– Пана Варгина, художника, и вижу, стоит карета. Я спрашиваю: «Чья?» – говорят мне: «Леди Гариссон».

– А! Леди была сегодня у художника Варгина! – заметил как бы про себя Грубер.

– Да это не леди вовсе! – почти крикнул Станислав. – Я вам открою ее тайну: это же моя бежавшая жена! Я сам видел, как она выходила! Вы знаете ее; когда я служил тут, я слышал, как называли имя леди Гариссон, да и она была здесь, когда мы с паном Киршем хотели подглядеть из библиотеки! Я ее сам впускал, только не узнал, потому что она была закутана. Пан Кирш хотел показать мне ее, но я не видел, я испугался и убежал, а потом меня схватили и посадили в подвал. Но, если бы я ее увидел, я тогда же сказал бы вам, что это не леди Гариссон, а моя жена. Она обманывает вас,

пане ксендже! Накажите ее за это и выдайте мне ее, чтобы она не смела больше обманывать вас, а я вам за это буду слугой, и таким верным слугой, что сделаю все, что вы захотите!

– Погоди, – остановил его наконец Грубер, – скажи мне сначала, как ты вышел из подвала?

– Ах, это, видит Бог, не я, – стал божиться Станислав, – не я! Я бы сам никогда не посмел это сделать! Я знаю, что в этом доме даже стены слышат.

«Это ты правду говоришь!» – подумал Елчанинов, не упустивший в своем тайнике ни одного слова.

– Я знаю, – продолжал Станислав, – что вам, святой отец, все известно, а потому сейчас же прибежал к вам, как только мог, потому что хочу вам служить, ибо вы все можете, а они ничего не могут. Я знаю, вы можете вернуть мне жену...

– Ну да, я уже слышал это! – перебил его Грубер. – Отвечай прямо на вопрос: если ты говоришь, что не сам вышел из подвала, то, значит, тебя освободили!

– Освободили, пане ксендже, насильно освободили, видит Бог!

– Кто?

– Пан офицер; пан Ел-ча-нинов, так, кажется, зовут его? Они все трое встретились с нами, когда с паном маркизом случилось несчастье.

– Так и есть, – проворчал Грубер, – я так и думал! Как же он тебя вывел?

– Не знаю! Он очень сильный, он заткнул мне рот и завя-

зал глаза, взял на руки и понес.

«Слава Богу!» – мысленно обрадовался Елчанинов, что принял эту предосторожность, освобождая Станислава.

– А как же он вошел в подвал?

– Через дверь.

– Она была отперта?

– Нет, он отпер ее, а каким образом – мне неизвестно.

– Что же было потом?

– Потом он отвел меня к себе домой, и мы легли спать. Я чувствовал себя очень усталым и спал долго. Меня разбудил пан офицер и говорит, чтобы я ехал.

– Ты поехал с ним к художнику?

– Вот именно! Вы все знаете, пан ксендже, как знал покойный пан Кирш!

– Ну, и как же ты застал этого художника?

– Он лежал на диване.

– Мертвый?

– Нет, не мертвый! Только ему было очень дурно. Пан офицер заставил меня помогать ему, мы вынесли художника в карету и повезли.

– Куда?

– А вот этого я не ведаю! Мне город совершенно незнаком. Мы его куда-то привезли, какие-то люди помогли вынуть его из кареты, а меня офицер отправил с денщиком к себе домой.

– И ты мне рассказал все, что знаешь?

– Все, пане ксендже, как перед Богом.

– Ну, хорошо! Я увижу, если ты солгал! – сказал Грубер, а затем ударил два раза в ладоши и крикнул: – Али!

Кто вошел на этот зов в комнату, Елчанинов не мог увидеть, но догадался по его имени, что это был, вероятно, новый слуга маркиза, арап.

– Али, – довольно мягко произнес Грубер, по-французски, – вот этот человек говорит, что дверь в подвал была отперта.

– Я этого не знаю! – ответил на ломаном французском языке визгливый, неприятный голос. – В эту ночь брат Иозеф сам запер замок на двери подвала и увез ключ с собой. У меня этого ключа не было.

– Брат Иозеф увез ключ? – переспросил Грубер. – Так ли это? Зачем брату Иозефу было увозить ключ?

– Да вот он сам тут, – опять провизжал тот же голос, – сидит у маркиза. Если угодно, я позову его, спросите его сами.

– Хорошо, позовите и уведите пока этого человека, но только помните, что теперь вы мне отвечаете за него!

– Пане ксендже, – заговорил Станислав, – а как же относительно моей жены? Ведь я потому и пришел к вам, чтобы сговориться относительно моей жены.

Но речь его замерла и перестала быть слышной; Али, очевидно, не дал ему договорить и увел его.

В комнату вошел управляющий леги.

Елчанинов видел, как он подошел под благословение Гру-

бера и сел за стол напротив него.

– Брат Иозеф! – обратился к нему Грубер. – Вы вчера заперли дверь подвала и увезли ключ с собой?

– Да, я сделал это для большей верности, после того как вы мне объяснили, насколько этот человек важен для нас и что он по действию наших братьев привезен сюда, хотя сам и не подозревает этого.

– И вы сами заперли замок?

– То есть он был уже заперт и висел на болте, но я всунул ключ и попробовал; ключ был уже повернут в замке, на три оборота.

– Вы помните это?

– Еще бы!

– И увезли ключ с собой?

– Да.

– Но ведь этот ключ не простой и сделать другой такой же, не имея в руках подлинного, нельзя!

– Да, бородка у него слишком хитра.

– В таком случае как же замок оказался отпертым?

– Для меня это положительно загадка!

– Ну, мы разъясним эту загадку. А что маркиз? Ему сегодня, кажется, еще лучше, чем вчера?

– Да, он чувствует себя очень хорошо и удивляется, отчего сегодня не приехала к нему Вера.

– Я не велел пускать ее.

– Отчего? Теперь, когда она стала богатой наследницей,

нам ее близость должна быть полезна!

– Вы слишком скоры в своих заключениях, брат Иозеф! Поверьте мне, что я не упущу ничего полезного для нас, но сегодня утром я был у госпожи Туровской, и мне показалось там кое-что подозрительным. Я застал у нее леди...

– Да, леди сегодня провела утро у Туровской и вечером опять поехала к ней. Я не видел в этом ничего дурного; думал даже, что они вместе приедут сюда.

– Это вы все думали, брат Иозеф, а я видел у Туровской вместе с леди офицера Елчанинова, одного из этих трех...

– Как он попал туда?

– А знаете ли вы, где была леди перед Туровской?

– К сожалению, у этого художника! Мне не пришло в голову, что она рискнет отправиться к нему, и потому я не догадался отдать приказание кучеру, чтобы он не вез ее к этому Варгину.

– Она тогда поехала бы в наемной карете. Но не в этом дело. Они увезли художника...

– Как увезли? Ему, кажется, должна была быть одна дорога – на кладбище!

– А оказывается – нет! Вероятно, доза была слишком слаба!

– Да нет же! Брату, исполнявшему это поручение, было приказано употребить самое сильное средство!

– Как бы то ни было, а художник остался жив и его перевезли...

– Вероятно, в больницу?

– Нет, вероятнее в бывший дом князя Верхотурова, принадлежащий теперь Вере Николаевне Туровской. Я вам говорю, что уже утром мне показалось подозрительным единение этих трех лиц под кровлей этого дома! Но я тогда не знал еще о судьбе художника. Потом я получил сведения, которые дали мне возможность догадываться, а теперь я имею в руках доказательство, что мои догадки были справедливы!

– А именно?

– Станислав явился сюда и все выболтал. Из его рассказа можно заключить, что Варгин теперь в доме у Туровской. И сделал это все офицер Елчанинов: он освободил Станислава, он же и поспел к своему приятелю вовремя.

– Вы полагаете, что ему известен секрет противоядия?

– Нет, но он, может быть, известен этой женщине.

– Леди?

– Ну да, леди, если уж мы так называем ее! В записях о ней, которые мне присланы капитулом, значится между прочим, что она сумела погубить своей прелестью одного из наших братьев, и он открыл ей несколько секретов и тайных средств. Он понес за это должное наказание немедленно же.

– Перст судьбы карает изменников и помогает нам, отец! В том, что Станислав сам явился к вам и все рассказал, я вижу подтверждение этого!

– Ну, Станислава привел сюда не перст судьбы, а просто мелкая человеческая натура. Нужно знать только эту нату-

ру, и тогда так легко управлять людьми! Он обуреваем страстишкой к своей жене, и эта-то страстишка толкнула его снова к нам. Он увидел ее...

– В качестве леди Гариссон?

– Да.

– Ну, значит, теперь больше, чем когда-нибудь, опасно держать его на воле; он может выдать, что она его жена, и тогда все наши расчеты падут и исчезнут как дым.

– Так что же, по-вашему, надобно опять запереть его и не выпускать?

– Непременно.

– У вас все только сила, брат Иозеф! Вы рассчитываете только на одну грубую силу, физическую или денежную. Вы забываете внутренние свойства человека, на которые можно влиять, и это влияние будет всегда могущественнее всякой силы. Теперь более, чем когда-нибудь, нужно отпустить Станислава.

– Не смею указывать вам, отец. А что же вы думаете делать с остальными?

– Веру Туровскую я не велел сегодня пускать сюда, потому что не хотел, чтобы она, после того как возбудила во мне подозрения, увиделась с маркизом, прежде чем я переговорю с ним и направлю его как следует, настроив его мысли должным образом. Я сегодня сделаю это, а завтра Туровская может опять увидеться с ним. О двух приятелях, оставшихся после того, как мы отделались так удачно от третьего, я

позабочусь.

– Ну а леди? – спросил управляющий.

– А леди на днях будет представлена при дворе государю. Она опасное и обоюдоострое орудие, это правда, но только не для нас! Мы сумеем справиться с ней, и ее строптивость в данном случае является ее достоинством, потому что натура покорная, не самовластная и легко подчиняющаяся была бы вовсе непригодна для той роли, какую должна исполнить леди. Али! – крикнул Грубер, опять хлопнув в ладоши, – приведите сюда Станислава!

Поляка привели.

– Итак, – обратился к нему патер Грубер, – ты хочешь вернуться к себе свою жену?

– Очень хочу, пане ксендже! Поэтому я и пришел к вам, и хочу служить.

– Нам твоей службы не нужно. Если желаешь действовать, то можешь делать это только для себя, и если будешь исполнять беспрекословно то, что я тебе прикажу, то твои старания увенчаются успехом.

– О, я все сделаю, что вы прикажете! – воскликнул Станислав.

– Ну, вот видишь ли, – начал объяснять ему Грубер, – твоя жена добилась – уж Бог ее знает каким путем – высокого положения английской леди.

– Но ведь она же не леди! Это обман!

– Все равно, она выдает себя за нее, и так искусно, что тебе

никто не поверит, если ты сунешься – таков, как ты есть, – разоблачать ее. У нее такие связи, что тебя просто вышлют вон, и тогда ты ее никогда больше не увидишь. Ты подумай только, какая разница теперь между твоим и ее положением.

– Но я надеюсь на вашу помощь!

– Тогда ты должен беспрекословно слушаться. Если ты зря решишься на какой-нибудь необдуманый поступок, то ничего этим не достигнешь; надо действовать осторожно, осмотрительно и подготовить ту минуту, когда ты сможешь доказать, что эта леди – твоя жена.

– Я это могу понять! – согласился Станислав. – Конечно, лучше всего всегда действовать осмотрительно! Так что же вы мне прикажете делать?

– Прежде всего скрыть как можно лучше свои намерения, а для этого, если тебе придется еще раз столкнуться с леди, и вида не показывать, что ты узнаешь ее! А между тем ты должен будешь следить за ней и за людьми, с которыми она имеет сношение.

Станислав поспешил спросить:

– Кто же эти люди?

– Ты их знаешь: один – офицер Елчанинов, который сам навязался к тебе в непрошенные благодетели, другой – художник Варгин. Если ты внимательно будешь присматривать за ними, то не упустишь из виду и леди. Пока, значит, остановимся на том, что ты сегодня же вернешься к офицеру Елчанинову, останешься у него, как будто укрываешься от нас,

а сам ежедневно вечером будешь являться сюда и доносить подробно обо всем, что делал в течение дня господин Елчанинов.

– А если он мне ничего не будет рассказывать? – спросил Станислав.

– О, святая простота! – вздохнул Грубер. – Ну, так ты сделай так, чтобы узнать помимо его; следи за ним, войди к нему в доверие, постарайся услужить ему, постарайся, чтобы он давал тебе поручения, – словом, добейся своего! Тебе есть из-за чего добиваться!

– Значит, вам необходимо знать все, что делают пан офицер и его приятель?

Грубер сделал нетерпеливое движение.

– Да пойми ты, что не мне нужно это знать, а это для тебя самого необходимо! Я буду действовать в твою пользу со своей стороны, ты будешь следить со своей; и вот для того, чтобы сообразовать наши действия и не расходиться, я должен знать ежедневно, как идет у тебя дело, чтобы давать тебе в случае нужды необходимые наставления, а когда наступит пора, мы нанесем окончательный удар.

– Теперь я понимаю: значит, вы и взаправду хотите помочь мне.

– Ну да, и сомневаться тебе в этом нет причины. Ты постарался сделать против нас проступок, подслушать нас или подсмотреть, за это был посажен в погреб, из которого тебя все равно выпустили бы на днях. Отсидев в погребе, ты ис-

купил свой проступок и достаточно почувствовал, я думаю, нашу силу; теперь мы ничего против тебя не имеем и хотим сделать тебе добро, поступая по-христиански, то есть платя добром за зло.

– Но ведь я не хотел сделать вам зло, Боже сохрани!

– Все равно, я выражаюсь только, так сказать, фигурально.

– Но вы искренне поступаете по-христиански, если желаете оказать помощь бедному человеку.

Грубер смиренно воскликнул:

– Таков наш долг, Станислав. Иди же с миром и поступай, как тебе приказано!

Станислав, вполне убежденный и растроганный ласковой добротой к нему патера Грубера, счел необходимым в этот момент всхлипнуть и опустился на одно колено.

– Благословите же меня, святой отец, на благое дело!

Грубер поднял глаза к потолку и благословил Станислава.

Тот всхлипнул еще раз и удалился.

– Вы не думаете, – заговорил управляющий, оставшись вдвоем с Грубером, – что этот человек слишком глуп, чтобы исполнить как следует ваше приказание?

– Когда глупостью руководит разум, она перестает быть таковой! – уверенно произнес патер.

– Но он может сделать какой-нибудь промах и испортит дело неосмотрительным поступком.

– Я за ним буду присматривать сам. Ну, а теперь пойдете к маркизу, мне еще предстоит длинный разговор с ним, – и

патер поднялся, чтобы направиться в комнату маркиза.

Елчанинов знал теперь не только то, зачем он пришел сюда, то есть что маркиз цел и что ему еще лучше, чем вчера, но гораздо больше.

Он не раскаивался, что решил снова побывать в подземном ходе иезуитского дома. Ему посчастливилось получить тут сведения, весьма важные для него самого.

Итак, к нему приставили шпиона, и этот шпион будет следить за ним.

«Ловко они устраивают свои дела, – думал Елчанинов, осторожно спускаясь с лестницы, – ловко окрутили они этого дурака Станислава! Ну, да авось! Как-нибудь при его же помощи мы одурачим их, в свою очередь!»

Машинально сосчитав в темноте ступеньки лестницы, число которых было ему уже известно, Елчанинов, освоившись уже с подземным ходом, который он считал почему-то даже своим, повернул налево, зная, что тут будет поворот.

Он так далек был от мысли о какой-нибудь опасности, что сделал это вполне безопасно, уверенный, что сейчас минует подземелье и очутится на улице. И только, завернув за угол, он растопырил руки, чтобы нащупать стены, как его рука вместо камня толкнулась в кого-то живого, и этот живой вдруг кинулся на него в темноте и столкнул.

Елчанинов упал навзничь, не выдержав неожиданного толчка.

На него навалились, против него в узком, темном про-

странстве хода боролись двое, его связали, завязали ему рот и глаза и понесли.

В этом доме, как оказалось, стены не только слышали, но и нападали.

Глава XXVII

Варгин проснулся вскоре после ухода Елчанинова; он открыл глаза и удивленно обвел ими вокруг, пораженный незнакомой обстановкой комнаты, в которой лежал.

Ему показалось, что он продолжает еще грезить и что видит все не наяву, а во сне. У его кровати, в ногах, сидел карлик, но вдруг этот карлик заговорил, и Варгин услышал его голос вполне реально: карлик не был сновидением, а оказался живым существом.

– Вам молочка испить миндального? – спросил он, а затем соскочил со стула и подал Варгину питье.

Тот с наслаждением большими глотками выпил целый стакан, и никогда ему миндальное молоко не казалось так вкусно, как в этот момент.

– Что со мной?.. Где я?.. – стал спрашивать Варгин.

Карлик объяснил ему все очень ясно и толково.

– Так за мной ухаживала сама леди Гариссон? – проговорил Варгин, выслушав его рассказ.

– И она обещала, что приедет еще сегодня вечером! – успокоил его Максим Ионыч.

– Как хорошо! – мечтательно произнес Варгин, закинул руки за голову и стал смотреть вверх.

Ему было действительно очень хорошо: ни боли нигде, ни тяжести в голове он не ощущал, чувствовалась только

небольшая слабость во всем теле, но и она была приятна.

Варгин долго молчал, наслаждаясь покоем возвратившейся к нему жизни, и наконец снова спросил:

– А где же Елчанинов? Он тоже придет?

Карлик сказал, что и Елчанинов придет, что он пошел по делу и скоро вернется.

– Да вот, не они ли? – прислушался он. – Наверху на лестнице, кажется, хлопнула дверь.

Дверь наверху действительно хлопнула, и по лестнице спустились; но это был не Елчанинов, а леди Гариссон.

– Ну, все идет великолепно! – заговорила она, увидев Варгина очнувшимся. – Теперь вы не вставайте, останьтесь в постели до завтрашнего утра, за ночь выспитесь и будете как встрепанный. Вам придется подержать несколько дней диету, и вы выздоровеете окончательно.

Варгин протянул ей руку, она положила в нее свою, и он прижался к ней горячими губами.

– Голова не болит? Не тяжело? – спросила леди.

– Нет, я чувствую себя отлично!

– Ну, тогда я могу говорить с вами. Вы уже знаете, что с вами случилось?

– Да, мне рассказали! – и Варгин, не зная, как назвать карлика, показал на него глазами.

– Ах, Максим Ионыч! – улыбнулась леди и обратилась к карлику: – Максим Ионыч, выйдите на минутку! Мне нужно поговорить с господином художником.

Карлик раскланялся и с достоинством вышел из комнаты.

– Скажите, пожалуйста, как вы думаете, – начала леди, – с кем мог приехать за вами в мастерскую Елчанинов?

– Как с кем? Разве он был не один? С кем же он мог приехать?

– Он не знает никакого поляка?

– Поляка?.. Позвольте... – стал соображать Варгин. – Нам с ним известен один только поляк, полусумасшедший какой-то. Представьте себе, он... я даже не знаю, как это сказать вам...

Леди поспешила ободрить его, сказав:

– Ничего, ничего! Говорите!

– От него несколько лет тому назад ушла жена, неизвестно куда, и с тех пор он отыскивает ее, и кажется, как только увидит красивую женщину, так воображает, что это его супруга. Он дошел даже до того, что, когда увидел, как я нарисовал ваш профиль, заорал, как безумный: «Да это моя жена!» Впрочем, он и есть безумный.

– Ну, разумеется! – согласилась леди. – Отчего же вы не сказали мне об этом?

– Я и представить себе не мог, чтобы такой вздор мог интересовать вас: мало ли какие бывают сумасшедшие!

– Отчего же? Все-таки это интересно! И кто же этот поляк?

– Ну, его общественное положение невысоко: он находится в услужении у маркиза де Трамвиля.

– Так вот оно что! Но как же он очутился тогда вместе с вашим приятелем?

– Право, не знаю! Да был ли это он?

– Вероятно, потому что, когда он увидел меня, он так напугал меня своим криком...

– Что же он кричал?

– Что я его жена! – и леди расхохоталась искренним, звонким смехом. – Ну, однако, мне пора! – спохватилась она. – А вы все-таки спросите у вашего приятеля, откуда он взял этого поляка, чтобы приехать за вами, и завтра расскажете мне.

– Значит, мы завтра увидимся?

– Да, увидимся.

– Где же?

– Там видно будет. Словом, увидимся! Ну, до свиданья!

И, простившись с Варгиным, леди ушла, а ему снова показалось, что все, что происходит с ним, происходит во сне, и это сновидение таково, что ему не хочется просыпаться.

Он полузакрыв глаза; мягкое, нежное забытье охватило его, и в этом забытье самые сладкие грезы стали являть ему самые смелые картины и образы.

Сквозь них Варгин видел опять сидевшего у его постели карлика, обстановку комнаты, опущенные зеленые шторы на окнах с отпечатанными на них черной краской плохими рисунками каких-то деревьев и замков, видел дверь, дверь эта отворилась и в комнату вошла девушка.

Варгин вспомнил, что где-то видел ее. Это была та самая,

которая приезжала за маркизом в трактир, которую звали Туровской и в доме у которой он был теперь. Она вошла и, кивнув головой на Варгина, спросила у карлика:

– Спит?

– Кажется! – ответил карлик.

Она села у окна.

– Максим Ионыч! А его все еще нет! – прошептала она.

– Да, нет, Верушка. Кабы пришел, я бы сейчас дал знать.

– С ним случилось что-то! Ты знаешь, который теперь час? Уже второй ночи! Если бы все было благополучно, он вернулся бы.

– Не знаю, что и сказать, Верушка! Может, он просто не решился, а теперь ему и совестно вернуться.

– Нет, Максим Ионыч, не похоже это на него! – словно испугалась даже и обиделась девушка.

– И вправду не похоже! – спохватился карлик. – Это я так, сдуру сказал. Нет, я тут поговорил сегодня с ним, правда, он хороший человек!

– Я ума не приложу, что с ним. А вдруг как из-за меня да над ним самим беда стряется!

– А тебе было бы жаль его? Верушка, да никак ты плачешь? Что с тобой, голубушка? Полно! Или, правда, недаром полюбил он тебя?

Девушка посмотрела на него большими глазами.

– Как полюбил?

– Ну, известно, как любят! То есть опять я сдуру говорю.

Полюбил-то он тебя не как другие любят, а по-своему, по-хорошему: о себе не помнит, только о тебе думает и ради тебя всем пожертвовать готов. Верно тебе говорю!

Тут глаза Варгана смежились, и он не слышал, о чем говорил дальше карлик с девушкой.

Глава XXVIII

Елчанинов почувствовал, как его опустили на разостланную на каменном полу солому; потом он услышал, как хлопнула тяжелая дверь и звякнул железный засов на ней.

Он догадался, что его оставили, вероятно, в том самом погребе, в который был заключен Станислав.

Повязка на глазах была крепко стянута и резала ему лоб, платок, засунутый в рот, душил, а руки и ноги оставались скрученными.

Он стал делать усилия, растягивать веревки; к счастью, оказалось, что впопыхах его связали не очень надежно и можно было надеяться, что удастся распутаться.

Елчанинов сделал для этого все возможное, и наконец ему удалось, освободить руки.

Он вытащил платок изо рта – это было вовремя, потому что воздуха ему почти не хватало, сорвал повязку с глаз, но это никакой пользы ему не принесло, потому что кругом него был мрак, в котором он с открытыми глазами решительно не мог ничего разглядеть.

Ощупью он распутал себе ноги.

Освободившись наконец, он встал, обошел, держась за стену, подвал, отыскал дверь; она была крепко заперта, и Елчанинов вернулся к соломе и сел на нее.

Странное и неожиданное чувство испытывал он: это не

был ни страх, ни боязнь, ни сердце не сжималось у него, ни руки не холодели; его охватило какое-то несуразно веселое настроение; ему стало как-то особенно занятно очутиться вдруг в таком необыкновенном положении.

«Вот так штука, вот так штука! – повторял он сам себе и раз даже громко прищелкнул пальцами. – Как это меня забрали, посадили и не выпустят? Ну конечно, не выпустят! С ними шутки плохи! Однако ведь не может же исчезнуть так-таки с лица земли человек в чине офицера? Ведь я – не какой-нибудь Станислав! Нет, не посмеют они!»

И сейчас же пришло в голову Елчанинову, что уж если чего не посмеют они, так это выпустить его на волю, теперь, после того как уже решились захватить.

«Вот так штука!» – повторил он еще раз, но уже совсем с иным, чем прежде, оттенком.

И быстро внутренний задор его сменился унынием.

Елчанинов не знал, сколько времени просидел он так в подвале.

С наружной стороны за дверь послышалось движение; к ней подошли и остановились.

Елчанинов вздрогнул, стараясь догадаться о том, кто шел к нему. Тут он в первый раз почувствовал, что как будто страх как-то тихо и вкрадчиво вполз в его душу и ухватил за сердце.

По его расчету, давно должна была быть уже ночь, и с какой иной, как с недоброй, целью могли спуститься к нему в

подвал ночью?

Он испытал, вероятно, то, что выпадает на долю человека перед смертью.

Перед ним вдруг все слилось в один вопрос, который встал и затмил собой все остальное: что будет? И вместо ответа была неизвестность.

И не страх смерти, а страх именно этой неизвестности смутил Елчанинова.

«Вот оно пришло!» – как бы что-то сказало ему, но что именно «пришло» – узнать, казалось, нельзя, хотя сию минуту, через секунду, через один миг оно станет ясным и совершившимся.

Засов уже гремел и дверь отворялась.

Елчанинов стоял на ногах, слегка отставив назад руки со сжатыми кулаками и нагнувшись вперед, вполне готовый кинуться на того, кто осмелится войти к нему.

Прошло мало времени с тех пор, как подошли к двери и отворили ее, но как-то вдруг сразу тысячи мыслей пронеслись в голове Елчанинова, и из всех этих мыслей осталась одна: не дать себя в обиду, кинуться вперед и пробить себе силой дорогу, которая была хорошо известна, пробить эту дорогу или биться до смерти и не отдаваться живым.

На пороге показался человек в красной куртке, с фонарем в руках.

Елчанинов успел разглядеть темный цвет его кожи, курчавые, волосы и догадался, что это был арап, новый слуга

маркиза. Он пришел один.

Елчанинову было совершенно безразлично, арап ли, другой ли кто-нибудь; для него все казались теперь здесь одинаковы. Он сделал скачок вперед, вытянул руки, но арап оказался хитрее его и более предусмотрителен, чем ожидал этого Елчанинов. Он захлопнул дверь, и Елчанинов бешеным прыжком своим наскочил только на нее.

В порыве досады он ударил в дверь кулаками, единственно из чувства злобы, потому что знал, насколько крепка была дверь, – он уже был знаком с ней, и, к сожалению, ему пришлось убедиться раньше, что напрасно пытаться сокрушить ее. От ударов в дверь только кулакам его стало больно.

– Ну, хорошо же! – процедил он сквозь зубы и отошел, сам не зная, к чему собственно относилось это угрожающее «ну, хорошо же!».

В темноте он опять набрел на солому и опустился на нее. Опять воцарилась кругом тишина, и непроницаемый мрак, как бы усугубленный этой тишиной, сгустился еще больше.

После физического подъема, испытанного Елчаниновым, наступила усталость; он растянулся на соломе, глаза его стали закрываться; должно быть, было уже очень поздно, и природа брала свое.

И в прошлую ночь Елчанинов мало спал, и теперь не сон, а какая-то тусклая дрема начала охватывать его. Сквозь эту дрему он услышал знакомый голос, который звал его по име-

ни. Это был голос Кирша! Но Елчанинов настолько еще владел сознанием, что начал соображать:

«Однако это скверно: мне начинает уже чудиться умерший Кирш».

А голос повторял в это время явственно, как наяву:

– Елчанинов! Елчанинов!

Это удивило его, и он насторожился.

– Елчанинов! Пентюх полосатый! – сказал совсем уж определенно голос Кирша, и в подвал опять вошел с фонарем арап; только это был не арап, а Кирш. Та же красная куртка, те же курчавые волосы, тот же темный цвет кожи, и, несмотря на это, в подвал вошел не арап, а Кирш. – Елчанинов, пентюх полосатый! – повторил арап, подходя ближе и поднося фонарь к своему лицу. – Вглядишься в меня хорошенько и постарайся узнать.

Елчанинов, уверенный в том, что это кажется ему в бреду, приподнялся на соломе и, опершись рукой о каменный пол, поднял голову.

Странное творилось перед его глазами; рукой он ощущал холод пола, чувствовал, как неудачно повернул шею, подняв голову, видел арапа, – и вместе с тем перед ним был в этом арапе умерший Кирш.

– Ну, чего уставился? Ведь голос тебе подаю! – проговорил снова арап-Кирш, а затем опустил и сел с ним рядом на землю.

Елчанинов тронул себя за голову, тронул арапа и вдруг

убедился, что перед ним был живой, настоящий Кирш.

– Кирш! Кирш! – задыхаясь мог только выговорить он и, охватив шею друга руками, прижал его к себе.

– Ну, вот! – барахтался тот в его объятиях. – То чуть не убил меня сейчас своими кулачищами, а теперь задушить хочешь! Экая силища у тебя, прости Господи!

– Да нет! Да как же ты? Да как же это? – повторял Елчанинов, отстраняясь и снова вглядываясь в Кирша. – Да неужели же это ты в самом деле?

– В самом деле это я! Да приди ты в себя, наконец!

Но Елчанинов все не мог успокоиться.

– Да нет... как же это случилось? Ведь и мертвое тело твое нашли, твой хозяин узнал тебя и засвидетельствовал, и платье твое оказалось на берегу, – словом, все подтверждало, что ты утонул!

– Ан, видишь, я жив и скрываюсь под темной кожей арапа. А ты мне скажи лучше, чего ты сегодня полез сюда?

– Нужно было!

– Нужно было! – передразнил Кирш. – Ну, я понимаю, вчера, чтобы освободить этого дурака Станислава, ты тут лазал по подземелью, а сегодня-то?

– Как? Ты знаешь, что я был тут вчера?

– Да как же, дурья голова, не знаю, когда я сам показал тебе дорогу?

– То есть... погоди! Это ты, брат, врешь! Как же ты мне показывал дорогу, когда я сам нашел ее? По случайности,

хозяин твоей квартиры оказался бывшим хозяином этого дома, он мне рассказал про подземный ход; я очень ловко сочинил ему целую историю, уговорил его заказать мне ключ по слепку, который я сделал из воска с замочной скважины на двери в стене, затем отпер эту дверь и проник в подземный ход.

– И нашел дверь из хода в столовую отворенной, – продолжал Кирш, – даже готовый фонарь на столе в столовой, потому что я был уверен, что фонарь ты позабудешь. А потом, ты нашел и замок на двери в подвал отпертым, и тебе осталось только болт отодвинуть. Да как же тебе не пришло на ум, что сцепление таких обстоятельств не может быть случайностью? Да и ключа по твоему восковому слепку ни один слесарь не сделал бы, потому что по одной форме скважины замка не сработаешь хитрых завитков на бородке; и ключ я тебе прислал через хозяина.

– Так он знал, что ты был жив?

– Знал. И в утопленнике, которого ему показали в полиции, он признал меня нарочно!

– Да зачем же это? А мы-то с Варгиным убивались!

– Ну, что же делать! После того как ты освободил меня от рук иезуитов, они решили отделаться от меня, ну, вот я и устроил себе мнимую смерть, а сам поступил к ним же в виде арапа. Они уверены, что покончили со мной, а я уверен, что рано или поздно буду иметь верх над ними.

– Ну, все-таки я чрезвычайно рад, что ты жив и здоров! –

воскликнул Елчанинов, снова радуясь неожиданному свиданию с приятелем.

– погоди! – сказал кирш. – У нас с тобой долго разговаривать времени мало, не будем тратить его понапрасну!

– Да нет, как же все-таки? И фонарь ты мне поставил? А ты знаешь, что случилось с Варгиным?

– Знаю. Леди Гариссон спасла его.

– Неужели ты прислал ее к нему?

– Почти что, хотя она этого и не подозревает. Но что тебя сегодня-то сюда принесло?

– Да видишь ли... Веру не пустили сюда...

– Эге! Ты уже называешь ее Верой?

– Это все для краткости! Ты не думай... Права я никакого не имею, да и не буду иметь.

– Ну, хорошо! Так что же, что ее сюда не пустили?

– Ну, она испугалась, не случилось ли... то есть не сделали ли они с маркизом что-нибудь, и просила узнать.

– А ты, не спросясь броду, да прямо в воду?

– Да как же? Я думал, что если мне вчера удалось...

– Так именно поэтому нужно было быть сегодня осторожным. Вчера отцы иезуиты не предполагали, что их тайный ход известен кому-нибудь, а сегодня, после того как неизвестным для них образом из подвала исчез поляк, они, разумеется, приняли меры. Вокруг дома у них были поставлены соглядатаи, чтобы следить, не явится ли и сегодня кто-нибудь. Ну, и увидели, как ты вошел, а потом и захватили

тебя в подземелье. И вышла, братец, каша, которой, пожалуй, не расхлебаешь! Надо было бы сегодня же отобрать у тебя ключ.

– Ну, как же ты отобрал бы?

– О, на это нашлись бы способы! А вот теперь пришлось мне открыться тебе.

– Ну, разве ты жалеешь об этом?

– Да уж жалею, не жалею, а дело сделано.

– Так ведь я же не выдам тебя!

– Знаю, что ты человек верный и положиться на тебя можно. Я поэтому и открылся тебе на свой страх и риск, хотя не совсем имел право делать это.

– Право? Разве тебе мог кто-нибудь запретить это?

– Я не один, вот что! Завтра же, если выйдешь отсюда, ступай к Зонненфельдту и расскажи ему все подробно; поди к нему от моего имени и заяви, что я буду твоим руководителем и что я ручаюсь за тебя!

– К Зонненфельдту? – переспросил Елчанинов. – Так, значит, этот старик имеет больше значения, чем кажется?

– Не суди, брат, по тому, что тебе кажется! Когда узнаешь его, то увидишь, что это за человек! Так вот, если выйдешь отсюда, завтра же ступай к нему.

– Как же ты говоришь: «Если я выйду отсюда?» Значит, я могу и остаться здесь? Мне бы вовсе не хотелось ночевать в этом проклятом погребе!

– Назвался груздем – полезай в кузов!

– Разве ты не выпустишь меня отсюда? Мне во что бы то ни стало нужно выйти отсюда сегодня же! Ты пойми, я не для себя это говорю, а для нее! Она меня ждет.

– Вера?

– Да.

Кирш замолчал и задумался, а затем произнес:

– Ты так легко рассуждаешь: «Разве я тебя не выпущу» – а знаешь ли ты, что мне поручено? – Он остановился, поглядел на Елчанинова и, понизив голос, словно сам не хотел слышать то, что приходилось ему сказать, тихо произнес: – *Отделаться* от тебя!

– И ты согласился на это? – спросил Елчанинов.

– Моего согласия не спрашивали, мне просто приказали!

– Странное стечение обстоятельств! Ну, так как же ты думаешь поступить? Самое лучшее, плюнь на них и уйдем отсюда вместе! – произнес Елчанинов.

Кирш, поглядев на него, улыбнулся.

– Если бы я был тут только ради тебя, тогда дело другое; неужели же ты думаешь, что я лишь ради тебя рожу темным вымазал и всю эту канитель проделываю? Тут, братец, у меня задачи поважнее, и уйти мне нельзя!

– Но послушай! Неужели же они решатся отделаться от меня? Ведь я все-таки не кто-нибудь, и не может офицер русской гвардии так пропасть бесследно в Петербурге. Они побоятся розыска и расследования. Ты бы напомнил им об этом!

– Ничего они не побоятся! Найдут твоё платье, как мое, на берегу реки, и будет удостоверено, что ты потонул так же, как я; вот и все! Это, видно, понравилось им. Мне так с тобой и велено распорядиться!

– Погоди, погоди: значит, тебе, как будто выходит, нужно выбирать между мной и самим собой? Если ты не исполнишь приказания, так они за тебя самого возьмутся?

– В том-то и дело! А мне, я говорю тебе, оставить их нельзя, я нужен здесь теперь!

– Тогда воля твоя, делай, как находишь лучше, исполний их приказание! – вдруг решительно произнес Елчанинов.

– То есть как «исполний»?

– Ну да! Прodelывай надо мной, что тебе велено.

– Ты шутишь, должно быть?

– Нет, не шучу! Если им понравилось то, как они удалили тебя, так и со мной можно проделать ту же штуку для их удовольствия; пусть завтра утром найдут мою амуницию где-нибудь на острове у Невы, а сам я исчезну. Ты свое дело сделаешь, ну а я, разумеется, сумею как-нибудь спрятаться.

– Вздор ты говоришь, мой милый!

– Отчего же вздор? Если ты мог проделать это, так отчего же я не могу?

Кирш серьезно ответил на это:

– Я – совсем другое дело! Я был человек свободный, ничем не связанный, а у тебя служба, вся карьера еще впереди, да мало того, еще и всякие мечты любовные...

– Про мечты ты оставь! Право, их нет у меня! Какие же могут быть мечты, когда она не только любит другого, но даже его невеста? Вот из-за этого-то я и готов бросить все – и службу, и карьеру, умереть прежним Елчаниновым и стать другим человеком, как ты!

– У тебя есть родственники, мать?

– Правда! Она не переживет известия о моей смерти... Ну, ей можно открыть тайну.

– Открытая тайна уже перестает быть тайной; да и отчаиваться тебе еще нечего. Нет, брат, это все пустяки! Так действовать неладно!

– Да ведь другого выхода нет, а я тебе говорю, что мне во что бы то ни стало нужно вырваться сегодня же из этого погребя.

– Тебе нужно вырваться, но не потому, о чем ты думаешь, а потому, что к завтрашнему утру решено разделаться с тобой, и если ты тут останешься, то придут другие, которые не станут разговаривать, как я.

– Так что же тогда нам остается? Выпустить меня тебе нельзя и исполнить их приказание – тоже. Однако ведь выпустил же ты Станислава?

– Станислав не был поручен мне, и я за него не отвечал. Ты сегодня у двери столовой долго стоял?

– Долго.

– Разговоры Грубера слышал?

– Слышал.

– Ну, так, значит, ты знаешь, что ключ от замка у подвала взял с собой управляющий леди для верности. Таким образом Станислав был под его охраной, и руки у меня были развязаны; я мог спать спокойно, не сторожить подвала, пустить туда тебя и отпереть для тебя замок на двери.

– Да как же ты это сделал, если ключ был у управляющего?

– Экий ты несообразительный! Конечно, у меня другой ключ, о существовании которого отцы иезуиты не подозревают. Со Станиславом вчера я мог чист остаться. А сегодня вся беда в том, что ты именно мне поручен и их ключ передан в мое ведение. Сегодня я за тебя отвечаю; а между тем во что бы то ни стало ты должен выйти!

– Так как же это сделать? – с нетерпением и беспокойством спросил Елчанинов.

– Да очень просто: ногами. Пойдем, и делу конец.

– Ты решился уйти со мной вместе?

– Да нет же! Я останусь, а ты уходи!

– Как же, Кирш? А что с тобой будет?

– Ничего не будет, потому что не должно ничего быть.

– Значит, ты придумал, как вывернуться?

– Пока еще нет, но уверен, что обстоятельства помогут.

– Почему же ты уверен так?

– Потому что наше дело правое. Иди, нечего дольше разговаривать! – и Кирш встал, взял фонарь и, подойдя к двери, отворил ее.

Твердая уверенность Кирша, с которой он вдруг начал го-

ворить и действовать, перешла как-то сама собой и на Елчанинова; он последовал за приятелем.

Кирш, выпустив его, задвинул болт на двери, замкнул замок и запер его.

Они тихо стали подниматься по лестнице.

Когда они вышли на площадку первого этажа, наверху слышались шаги.

Кирш схватил Елчанинова за руку, втащил его в выходившую на площадку дверь кухни и потушил фонарь. Он успел сделать это вовремя, потому что наверху, на лестнице, показался уже свет и кто-то стал спускаться вниз, неторопливо и уверенно.

Как затем выяснилось, это была леди Гариссон. Держа в руках свечу в большом бронзовом подсвечнике, она спустилась с лестницы и остановилась на площадке у двери в кухню.

– Али! – сдерживая голос, позвала она, но все-таки достаточно громко, чтобы быть услышанной. – Али! Вы спите?

Кирш подошел к двери, приотворил ее и просунул голову, крепко, однако, держа дверь за ручку, на случай, если бы леди сделала попытку войти в кухню.

– Вы еще не ложились? – спросила она по-французски.

– Нет, я стерегу заключенного в подвале! – ответил Кирш визгливым голосом арапа, коверкая французский язык.

– А он там, этот заключенный?

– Где же ему и быть? Замок на двери крепок и Али не

дремлет. Заключенный там, миледи!

– Проведите меня к нему!

– Я не могу сделать это. Мне не приказано впускать к нему никого.

– Я беру на себя! Вы можете меня послушаться.

– Напрасно, леди, Али знает свой долг и ни за что не нарушит данного ему приказания. Мне не велено даже отворять двери подвала и самому заглядывать туда!

– Так что вы не знаете, кто заключен там?

– Откуда я знаю, миледи?

– Да ведь он уже не первый день здесь; вчера он был освобожден, а сегодня его опять посадили. Вот видите, я знаю! Это бывший слуга маркиза де Трамвиля, и мне надо увидеть его во что бы то ни стало.

– Но все-таки я не могу отворить вам двери, потому что мне не приказано это.

– Тогда дайте мне ключ, я отворю сама!

– Али не дает никому ключа, если не будет иметь на то положительного приказания.

– Я приказываю вам!

– Это для меня не приказание!

Леди Гариссон сделала нетерпеливое движение, нагнулась и тихо шепнула:

– Он жив в сыне!

Тогда Али сделал поклон, приложил руку ко лбу, поспешно достал из кармана ключ и подал ей.

Леди Гариссон взяла и направилась было в сторону подвала, но в это время с верхней площадки лестницы раздался ясный голос:

– Что вы делаете там, леди, и зачем вам понадобилось тревожить ночью Али?

Леди вздрогнула, свеча метнулась у нее в руке, она подняла голову и ответила наверх:

– Это вы, маркиз? Мне нужно было послать Али, чтобы он узнал, приехала ли за мной моя карета, я думала, что вы заснули.

– Нет, я не заснул! – возразил маркиз. – А о карете мы сами справимся, посмотрев сверху в окно. Оставьте Али в покое и идите сюда.

– Но... – начала было леди, а затем, видимо, не найдя, что сказать, должно быть, решив не противоречить маркизу, повернулась и поднялась по лестнице.

Затем слышно было, как они оба удалились.

Кирш прислушался, потом засветил фонарь и, взглянув блестящими глазами на Елчанинова, сказал ему с облегченным вздохом:

– Теперь ты свободен, и я не отвечаю за тебя. Она взяла от меня ключ, теперь это ее дело.

– Но я все-таки ничего не понимаю! – отозвался Елчанинов. – Зачем ей понадобился ключ? Неужели она хотела видеть меня или выпустить?

– Да не тебя вовсе! Разве ты не слышал, что она говорила,

что в подвале заключен Станислав, бывший слуга маркиза?

– Да, кажется, она сказала это.

– А он ей не кто иной, как муж!

– Сегодня утром, когда я его привез к Варгину, он увидел ее и закричал...

– Я знаю это! – сказал Кирш. – Так неужели и теперь ты все еще не понимаешь, зачем она приходила за ключом?

– Очевидно, чтобы повидать его, переговорить с ним, может быть, припугнуть или убедиться, действительно ли он сидит под замком. Это ясно. Но откуда она взяла, что Станислав, с которым она встретилась сегодня еще вне этого дома, заперт опять тут в подвале?

– Она знала, что вчера ты освободил его...

– Она об этом у меня не спрашивала, – перебил Елчанинов, – и я ей не рассказывал.

– Она узнала это от других, а сегодня видела, как я входил сюда, в этот дом, со Станиславом. Отсюда она, очевидно, заключила, что если вчера ему удалось бежать отсюда, а сегодня опять его заманили, так он посажен опять в подвал. Для нее это могло показаться правдоподобным, ну вот она и пришла выведать у меня, есть или нет внизу заключенный, и когда узнала, что есть, то потребовала ключ, не сомневаясь уже, что это Станислав.

– Но теперь она пройдет в подвал.

– И никого не найдет там. Это ее дело. Она взяла ключ, пусть она и отвечает, и выворачивается как знает; ничего,

свои люди – сочтутся!

– Но как же ты отдал ей ключ?

– Она произнесла мне таинственные слова, по которым я должен был исполнить ее приказание, и отцы иезуиты не могут упрекнуть меня за это.

– Эти слова, насколько я помню, были те же самые, которые оказались написанными на листе, лежащем на твоём столе, когда мы вернулись к тебе вечером накануне твоего исчезновения. Они имеют какое-нибудь значение?

– Когда-нибудь ты узнаешь их значение, и, может быть, скоро!

– Что же, это девиз иезуитов, что ли?

– Да, это девиз, только не иезуитов. Они же пользуются им не между собой, а когда имеют дело с непосвященными в их орден, как леди Гариссон. Но только заметь: всегда, при каких бы обстоятельствах они не произнесли эти слова, они впадают в заблуждение и делают ошибку или ложный шаг, как сегодня, например, попалась леди. Слова «Он жив в сыне» не произносятся безнаказанно людьми, не понимающими их сокровенного значения. Теперь ты можешь идти; отправляйся, как я тебе сказал, завтра же к Зонненфельдту и не возвращайся в этот дом. Там, на воле, тебя тронуть не посмеют, хотя все-таки будь осторожен с едой и питьем, чтобы не подсыпали тебе чего-нибудь.

– Но как же мне теперь встречаться с леди Гариссон, если ее будут обвинять тут в том, что я высвободился отсюда

благодаря ей? – спросил Елчанинов.

– Едва ли она заговорит с тобой об этом прямо. Если тебе придется увидеть ее, сделай вид, как будто ничего не было и ты ничего не знаешь – и только. А ей, вероятно, недолго и быть в Петербурге: разрыв ее с иезуитами произойдет скоро, и твоя сегодняшняя история поможет этому.

– Напротив, она, кажется, уверена, что приобретет у нас значительное влияние; Грубер при мне поздравлял ее с тем, что она на днях появится при дворе и будет представлена государю.

– Этого не будет! – сказал Кирш.

На рассвете он выпустил Елчанинова из дома.

– Мы все-таки увидимся с тобой? – спросил тот на прощанье.

– Увидимся, не беспокойся!

– А Варгину ничего не рассказывать?

– Никому ничего! Слышишь? Никому ничего! – повторил Кирш.

И они простились.

Глава XXIX

Елчанинов направился прямо к Зонненфельдту.

Кирш сказал ему, что он найдет старика, вероятно, уже бодрствующим, так как тот спит не больше трех часов в сутки и подымается всегда с восходом солнца, одинаково зимой и летом.

В самом деле, Елчанинов застал отставного коллежского асессора на ногах.

Тот нисколько не удивился его раннему приходу и на этот раз принял его не на дворе, на лавочке, а провел к себе в комнату.

Эта комната, кроме необыкновенной чистоты, ничем особенным не отличалась. Она была похожа на самое заурядное жилище бедного чиновника – и только. Однако в ней пахло чем-то особенным, не то можжевельником, не то какой-то пахучей смолой.

С первых же слов Елчанинова Зонненфельдт весь преобразился и перестал быть похожим на отставного коллежского асессора. Его лицо, не теряя своего мягкого, доброго выражения, сделалось вдруг удивительно осмысленным; глаза изменились, просветлели и взглянули острым, пронизательным взглядом, проникавшим в самую душу того, на кого смотрели. И речь у него полилась совсем иная, чем прежде: ни поговорок, ни вычурных оборотов чиновно-подьяческого

слога в ней не было. Он перестал шамкать и тараторить по-стариковски. Каждая его фраза стала определенной, законченной, вдумчивой и заставлявшей думать.

Елчанинов просидел с ним час, не более, но в этот час в нем произошла перемена, какой люди добиваются иногда годами долгого опыта.

– Не думайте, – сказал ему Зонненфельдт, – что вы пришли ко мне неподготовленный; я знал о вас давно; ваша душа открыта для добра, добрые же дела не пропадают для человека. Если хотите испытать счастье в жизни, постарайтесь сделать счастливыми других. В минуту горя или душевного испытания не отчаивайтесь, не говорите, что Господь оставил вас; верьте, что в эту минуту Он ближе к вам, чем вы думаете, и в то время, когда вы полагаете себя несчастным, счастье именно ждет вас!

Зонненфельдт долго говорил в этом духе, и мало-помалу завеса спадала с внутренних очей Елчанинова, словно он до сих пор был окружен какой-то оградой, мешавшей ему видеть и понимать ширь расстилавшегося кругом пространства, а теперь эта ограда падала и открывалась широкая даль, таинственная синева которой прояснялась и переставала быть таинственной. Перед Зонненфельдтом сидел уже не просто гвардейский офицер Елчанинов, а восторженный неопит, жаждущий истины.

Они сидели в комнате с затворенными окнами; утро выдалось свежее, да и старик, вероятно, не хотел, чтобы его слова

вырвались на улицу и были случайно услышаны там.

Вдруг в стекле окна, возле которого сидел Зонненфельдт, показалась маленькая ручка и постучала.

Елчанинов, находившийся в глубине комнаты, так что его с улицы не должно было быть видно, привстал, но Зонненфельдт остановил его движением руки и показал, чтобы он оставался на своем месте, затем он полуоткрыл окно.

За окном стоял карлик.

– Благодетель, – начал тот, – я к вам.

– Что такое? Случилось что-нибудь? – спокойно спросил старик.

– Я все о ней, о своей Верушке! – пропищал карлик. – Она всю ночь сегодня глаз не смыкала! Такое дело вышло, благодетель: они вчера не пустили ее к нему.

– А она послала к ним его! – усмехнулся старик.

– Вы уже все знаете, благодетель?

– Знаю, Максим Ионыч, знаю!

– Так скажите, что с ними обоими приключилось? Она исстрадалась вся и измучилась. И того, и другого жалко ей. Любит она их, благодетель; теперь, верное слово говорю, полюбила!

«Что он говорит? – подумал Елчанинов, узнав сейчас же карлика. – Что он говорит такое? Как любит она „их“ и что значит „полюбила“? Разве можно любить двоих сразу?»

А Зонненфельдт, которого карлик называл благодетелем, обернулся в глубину комнаты и поманил к себе Елчанинова.

Тот подошел к окну.

– Батюшки, светы мои! – воскликнул карлик, всплеснув ручками и замотав головой. – Вы здесь, голубчик золотой? Пойдемте же скорее к Верушке! Благодетель, отпустите его поскорее к ней! Много раз доводилось мне узнавать о вас чудесное, но такого я и ожидать не мог.

«Благодетель» отпустил Елчанинова с карликом, и они зашагали по пустым еще улицам Петербурга.

– Откуда вы знаете этого старика? – стал спрашивать Елчанинов у Максима Ионыча, как только они отошли на несколько шагов.

– Благодетель-то? – отвечал карлик. – Да как же его не знать? Они в дом к покойному князю не раз хаживали, и покойный князь их очень уважали и любили. По их наставлению князь и вольную нам всем дали, и письмо о детях государю написали. А ко мне он был всегда добр, я его потому иначе и называть не умею, как «благодетель». Сколько раз он выручал меня! Бывало, что ни случись, все к нему, и всегда он все знает; и на картах не гадает, а все расскажет, как по-писаному. Без него пропасть бы мне совсем и не убережь моей Верушки. Что же я один могу?

– А Вера Николаевна тоже знает вашего благодетеля?

– Нет, она слышала о нем, только сам благодетель не велел рассказывать ей о том, что он для нас сделал. Молода она ейне, рано ей понимать таких людей. Нет, она о нем, о благодетеле-то, мало знает, я сам от себя к нему бегаю. А вот как

вы очутились у него сегодня? Вы его тоже давно знаете?

– Да, – коротко ответил Елчанинов, боясь пуститься в какие-нибудь рассуждения с карликом по этому поводу.

– А как же вы к нему попали сегодня? – допытывался Максим Ионыч.

– Прямо оттуда.

– Из этого страшного дома?

– Да.

– Вы там были до сих пор?

– До самого рассвета.

– Значит, с вами случилось что-то там?

– Да, случилась бы большая неприятность.

– И вас благодетель спас?

– Почти что он, – подтвердил Елчанинов, – даже могу сказать, что совсем он... во всяком случае, без него пропасть бы мне.

– Без него много-много народу пропало бы зря. На то он – и истинный благодетель. А с маркизом что?

– Ничего. Он жив и, кажется, выздоровел совсем.

– Ну, и дай Бог ему здоровья!

– Вот что, Максим Ионыч, вы сейчас говорили, что она любит...

Но карлик не дал досказать ему и возразил:

– Об этом вы уж у нее самой спросите. Она ждет вас; вот придете и спросите.

– В самом деле, она ждет, Максим Ионыч, а мы идем так

тихо, еле двигаемся.

– Полно, голубчик милый, я и так бегу, что есть мочи.

– Верю, и все-таки слишком тихо. Максим Ионыч, вы не обидитесь?

– Что такое?

– Ни одного извозчика нет – мы бы извозчика взяли, да вот беда: нет ни одного; так позвольте мне вас на руки взять. Я бы бегом тогда...

– Ну что ж, голубчик милый, я понимаю это... Бегите, если хотите.

Елчанинов подхватил карлика на руки и вприпрыжку пустился вперед.

Вера ждала Елчанинова.

– Живы, здоровы! – крикнула она, бросаясь ему навстречу, когда он появился перед нею вместе с карликом.

Этот ее возглас был настолько искренен и в нем звучала такая неподдельная радость, что Елчанинов кинулся к ней, сам не помня себя. Она протянула ему руки. Он схватил их и стал целовать.

– Милая, так вы беспокоились обо мне? Вам жаль было меня? Милая, милая! – повторял он, увлеченный ее порывом и вслух произнося то, что было у него в мыслях.

– Но что же случилось? Отчего вы пропали?

– Случилось то, что я не мог вырваться оттуда раньше... только случаем освободился.

– Ну и хорошо! Я рада.

Елчанинов не передавал Вере ни о каких подробностях, а она не расспрашивала. Они говорили о другом, то есть они даже не говорили, потому что их разговор весь состоял из отрывочных слов, восклицаний, ничего не значащих отдельно, но все это, вместе взятое, было для них целым откровением. И этот ничего не значивший, совсем непоследовательный разговор сказал многое. Он сказал и объяснил им все! Они любили друг друга и знали теперь об этом.

Вера даже забыла спросить о маркизе.

К завтраку приехала леди Гариссон.

Вполне оправившийся Варгин тоже поднялся наверх. Он чувствовал себя, по его словам, отлично и был голоден так, что сел за стол с удовольствием.

«Знает она или не знает, что случилось ночью в иезуитском доме и что там был я?» – думал Елчанинов, всматриваясь в леди.

Но она держала себя так, точно и не подозревала, что в подвале вместо Станислава был он, Елчанинов. Никакого беспокойства, никакого волнения не было замечено в ней: напротив, она казалась сегодня даже как будто особенно довольной чем-то, смеялась, шутила с Варгиным и, по обыкновению, много ела. Как ни старался Елчанинов догадаться по ней, чем разрешилась сегодняшняя ночная история, – это не удалось ему.

«Нет, просто она сама еще ничего не знает! – решил Елчанинов. – Как она ни хитра и как ни умеет владеть собой –

все-таки немислимо, чтобы она так искусно играла роль».

Леди, действительно, решительно ничего еще не знала, кроме того, в чем была сама непосредственной участницей.

Предположения Кирша, которыми тот объяснил появление леди на лестнице со свечой в руках, были совершенно верны.

После своего разговора вчера с Варгиным, узнав, что Станислав был слугой у маркиза де Трамвиля, она ловко выпытала у Веры, каким образом поляк попал к Елчанинову, и узнала, что он был освобожден молодым и смелым офицером из подвала. Этого ей было довольно, чтобы сообразить, в чем дело. Она поняла, что иезуиты не даром разыскивали человека, с которым связала ее судьба в былые годы, когда она проживала в неизвестности и когда еще не началась ее жизнь как авантюристки, давшая ей возможность из ничтожной, бедной польки стать английской леди. Ее муж, от которого она бежала сначала во Францию, потом в Англию, составлял единственную связь ее с прошлым. В руках иезуитов, способствовавших для своих целей возвышению леди, он был несильным орудием против нее.

Она во многом зависела от них, главным образом в денежном отношении, но от этой зависимости ей, как она рассчитывала, освободиться было легко. Иезуиты, вероятно, сами сознавали это и потому запаслись более действенным орудием, чтобы держать ее в своей власти. Они желали скрыть это от нее до поры до времени, но случай открыл ей глаза.

Елчанинов увел Станислава от иезуитов, она встретила с ним, и этого было довольно.

Она отправилась в дом на Пеньках в надежде, не удастся ли ей там разведать что-нибудь, и видела, как Станислав вошел в этот дом.

Ей и в голову не пришло, что сделал он это по собственному желанию. Она решила, что иезуиты опять заманили его к себе под каким-нибудь предлогом и что он снова будет посажен ими в подвал.

Она осталась в доме под тем предлогом, что посидит с маркизом и разделит его одиночество, дождалась того, что выздоравливающий маркиз задремал, а затем спустилась вниз и потребовала у Али ключ от подвала, рискнув при этом воспользоваться известным ей девизом. Однако маркиз остановил ее.

Поднявшись снова наверх, леди все-таки добилась своего; маркиз намекал ей, что уже устал, но она не уезжала; наконец он заснул, сидя в кресле. Тогда она опять отправилась в подвал, на этот раз уже без помехи. Она хотела увести Станислава к себе и держать его у себя на яхте.

Но подвал оказался пустым; она не могла иметь понятия о том, куда девался Станислав, и в досаде уехала, забыв у себя ключ в кармане и не вернув его арапу.

Теперь ей нужно было узнать, где Станислав, но она была уверена, что ни Варгин, ни его приятель не знают об этом, и поставила себе целью так или иначе добиться от Грубера

нужных ей сведений, которые, как она думала, имелись только у него. Поэтому за завтраком у Веры она держалась вполне естественно, не подозревая, что ночная история в иезуитском доме имела хоть какое-нибудь касательство к Елчанинову.

Быть же веселой она имела некоторые причины.

– Я приглашаю вас сегодня, господа, на праздник к себе! – заявила она всем присутствующим. – Сегодня вечером я устраиваю праздник на своей новой вилле, на Крестовском острове. Милости прошу на новоселье.

– Вот как! – сказала Вера. – Вы стали собственницей недвижимости в Петербурге?

– Да, – ответила леди, – я приобрела виллу и сегодня собираю там довольно большое общество. Надеюсь, что вы приедете ко мне, и это будет ваш первый выезд в Петербурге! Вы познакомитесь у меня со многими лицами, которые, узнав, что я в хороших отношениях с наследницей князя Верхотурова, просили меня устроить их знакомство с вами. Вы тоже приедете, – пригласила она Елчанинова и, обращаясь к Варгину, добавила: – А вас я возьму к себе на яхту, и оттуда мы вместе отправимся на Крестовский. Вы мне, наверное, не откажете и поможете дать последний штрих убранству моей виллы для приема гостей!

Вера стала было отказываться, ссылаясь на то, что она в трауре, но леди стала уверять ее, что у нее ни бала, ни спектакля не будет, а просто соберется несколько добрых знако-

ных и траур Веры не может служить препятствием, чтобы не быть среди них.

Глава XXX

Повидавшись с леди Гариссон, Елчанинов невольно забеспокоился о Кирше: так ли вышло в самом деле, как тот ожидал, и не обвинили ли его в нерадивом смотреии за подвалом.

Елчанинова неудержимо потянуло к дому на Пеньках. Сегодня он был так счастлив сам, что ему хотелось, чтобы все были так же счастливы и чтобы всем было хорошо, а в особенности Киршу, который стал для него теперь в сто раз еще ближе и дороже, чем прежде. И, чем больше он думал о нем, тем больше тревожился.

Между тем идти так, как он был, казалось опасно. Он решил отправиться к Зонненфельдту и попросить у него совета.

Старик одобрил его мысль проведать приятеля, после чего из дома отставного коллежского асессора вместо Елчанинова вышел бородатый мужик-мастеровой, так хорошо загримированный, что в нем никак нельзя было узнать гвардейского офицера. У Зонненфельдта оказался целый шкаф со всевозможного рода костюмами, пригодными на разный рост. Переодетый Елчанинов сам себя не узнал в зеркале и убедился, что смело может показаться кому угодно: никто не догадается, что это он.

Подойдя к дому на Пеньках, он увидел, что на скамеечке у

двери сидели двое людей, оба темнокожие. Один был Кирш, другой, по-видимому, настоящий арап. Они сидели и мирно беседовали.

Когда Елчанинов приблизился к ним, он ясно услышал, как Кирш сказал что-то своему собеседнику на гортанном языке, незнакомом Елчанинову, вероятно арабском.

«Когда же Кирш научился говорить по-арабски?» – невольно удивился он и сделал знак, открытый ему Зонненфельдтом, чтобы узнавать своих и, в свою очередь, быть узнанным ими:

И Кирш, и другой арап, разговаривавший с ним, оба ответили на знак как свои люди. Затем арап, не обращая больше внимания на преображенного в мастерового Елчанинова, встал, простился с Киршем и ушел.

– Мне бы поговорить! – начал, переминаясь с ноги на ногу, Елчанинов.

Кирш, теперь только узнавший его, когда он подал голос, весело поглядел на него (у него одни глаза только смеялись) и, махнув рукой, чтобы мастеровой шел за ним, ввел его в дом. Они прошли в знакомые уже Елчанинову комнаты.

– Здесь мы можем говорить свободно, – сказал Кирш, – в этот час некому здесь нас подслушивать! Однако ты недурно преобразился!

– А ты все-таки узнал меня? – спросил Елчанинов.

– Только по голосу, по облику даже мне бы не узнать тебя! Скажи, пожалуйста, ты сюда ко мне по приказанию Альбуса?

«Альбус» было то прозвище, которым пользовался среди посвященных перфектибилистов старик Зонненфельдт.

– Я пришел по собственному желанию, – объяснил Елчанинов, – хотя с согласия Альбуса. Я провел у него сегодня почти все утро.

– Да уж я вижу, что ты от него! Самому бы тебе не одеться так! Ты зачем?

– Да узнать, как обошлась сегодняшняя ночная история для тебя. Я виделся с леди Гариссон, она как будто очень весела и чем-то очень довольна. Отсюда я заключил, что для нее все обошлось благополучно, и испугался за тебя, то есть не остался ли ты в ответе.

Кирш махнул рукой.

– Обо мне, брат, не бойся! Так ты говоришь, она кажется очень довольной?

– Да! Приглашала сегодня на праздник, на новоселье, которое она устраивает у себя на только что купленной вилле на Крестовском острове.

– Она слишком плохо рассчитывает; скорее, чем она думает, кончится здесь ее довольство. Я сейчас получил сведения, что она затеяла слишком рискованную для себя игру. Ты видел арапа, с которым я разговаривал?

– Да, и, признаюсь, удивился, каким образом ты владеешь арабским языком?

– Арабским языком я вовсе не владею, а меня этот арап научил несколькими фразами, которыми мы перекидываемся с

ним на людях для отвода глаз.

– Он принадлежит к нашим? По крайней мере, как я мог заметить, он понял мой знак и ответил на него.

– Да, он принадлежит к нашим, и вместе с тем иезуиты считают его своим, и благодаря ему, то есть по его рекомендации, меня взяли сюда. Это – придворный арап Мустафа.

– Тот самый, к которому посылал тебя маркиз?

– Тот самый!

– А как же маркиз? Он не узнал тебя переодетым в его слугу, арапа?

– Он видел меня в моем настоящем виде мельком, да и то находясь в полусознательном состоянии, так что не мог запомнить, да и разница слишком велика.

– Ну, а Станислав? – продолжал расспрашивать приятеля Елчанинов.

– Ну, где тому узнать меня! Он слишком прост для этого! Ты от меня вернешься к Альбусу? Так скажи ему, что за меня опасаться нечего, а леди Гариссон, вероятно, сегодня же окончит свое здешнее поприще, и участие ее в затейной интриге будет прекращено.

– Я не могу понять, в чем собственно состоит эта интрига? Вот уже сколько времени приходится мне ходить около нее, а саму суть не могу распознать.

– Неужели? Репутация леди Гариссон как сирены установилась прочно; да и, надо ей отдать должное, она оригинально красива и умеет пользоваться своей красотой. Ну, так вот,

ее и избрали, как орудие влияния. Все предусмотрено. Для этого и богатая яхта снаряжена, и сделаны фальшивые документы для красивой польки, дающие ей имя леди Гариссон.

– На кого же должна влиять она?

– Ну, об этом догадайся сам!

– Ну, хорошо, – сказал Елчанинов, – положим, я догадался, на кого тут был сделан весь этот расчет, но ведь это план слишком смелый и грандиозный.

– Люди, задумавшие такой план, судят не по-нашему, не по-русски, а по-своему, по-европейски, у них слишком много было таких примеров у себя дома; они по себе судят и о России.

– Но неужели отцы иезуиты так богаты, что могут идти на расходы по роскошной яхте и обставлять с такой пышностью свою авантюристку? Ведь это стоит немалых денег!

– Иезуиты богаты сами по себе, но тут не одни они замешаны: отцы иезуита слишком расчетливый народ, чтобы тратить свои деньги на неверное предприятие. Будь этот план вполне безошибочен, они нисколько не задумались бы израсходовать и еще большую сумму.

– В том-то и дело, что у нас им мало шансов на успех, – заметил Елчанинов.

– Оттого-то я тебе и говорю, что они никогда не были одними!

– А кто же стоит за ними? У частного лица не может быть достаточно средств.

– Какое тут частное лицо! Подымай выше!

– Что же, иностранное правительство?

– Да, человек, ставший теперь во главе иностранного правительства, которому нужна поддержка России против Германии и Англии.

– Значит, это французы?

– Да, французы, то есть Наполеон Бонапарт, ставший теперь первым консулом французской республики.

– Неужели он рассчитывает на поддержку России? Ведь это тот самый новоявленный военный гений, выделившийся своими талантами при осаде Тулона?

– Это говорит только в его пользу.

– Под его начальством совершена экспедиция в Египет!

– И это только служит к вящей его славе.

– Да, но по дороге в Египет он захватил остров Мальту, собственность мальтийских рыцарей, и этого ему не простит государь Павел Петрович, восстановивший орден в России и принявший звание его гроссмейстера.

– У нас восстановлена одна лишь внешняя сторона мальтийского рыцарства, но, к сожалению, орден, как очаг тайных знаний и постель откровений герметических наук, перестал существовать. У нас, в России, теперь есть гроссмейстер, есть командоры мальтийские, но ордена нет, потому что здешним мальтийцам не переданы тайны, известные прежним. Мальтийский орден перестал существовать в ту минуту, когда взлетел на воздух корабль, на котором, по рас-

поряжению Бонапарта, увозили с Мальты архив, книги и документы ее рыцарей. Мальтийцы не могли допустить, чтобы записи их таинственного учения попали в руки непосвященных, и сделали так, что корабль был взорван.

– Я слышал об этом корабле, но не знал, что это дело самих мальтийцев; я думал, что это случай!

– Так приходится объяснять все, когда причины для нас остаются неизвестными; так, вероятно, и леди Гариссон объяснит свое внезапное падение, которое готово уже для нее. Тебе Альбус показывал таблицы и объяснял первоначальное их значение?

– Да.

– Тебе известны все двадцать две?

– Да.

– Вспомни ту, на которой изображена падающая башня, разбитая молнией; ты, конечно, видал ее... она служит эмблемой.

– Незаконного возвышения, которое вдруг выпадает на долю человека, ничего не сделавшего со своей стороны для его достижения и потому недостойного. Его падение тем стремительнее и тем ужаснее!

– Совершенно верно. Вот оно и ждет красавицу леди, хотя она и не подозревает о нем. Она слишком понадеялась на свои силы, и сокрушат ее сами же иезуиты, выдвинувшие ее.

– Почему же ты думаешь, что они вдруг так поступят с ней?

– Потому что она решилась завести двойную игру: явившись сюда под руководством иезуитов на деньги, данные Бонапартом, который рассчитывает – может быть, не без основания, – что иезуиты помогут ему в России, она завела сношения с французским королем Людовиком, получившим убежище у нас, в Митаве. Она хочет служить Бонапарту и его противнику, французскому королю, в надежде, что воспользуется впоследствии милостями того, кто из них останется победителем. Но сторонники Наполеона Бонапарта, иезуиты, не потерпят этого и разделяются с ней.

– Да неужели иезуитский орден так силен?

– То есть чтобы разделаться с леди?

– Нет, я не о том говорю, а чтобы на его помощь мог рассчитывать Бонапарт для своего сближения с русским государем? Неужели он думает, что добьется того, что будет забыт разгром Мальтийского ордена и произойдет разрыв с королем Франции, проживающим теперь в России под охраной Павла Петровича? Неужели можно достичь этого при помощи иезуитов?

– Время покажет, что из этого выйдет, а пока – поживем увидим!

– Сомневаюсь я! – покачал в ответ головой Елчанинов.

Сомнения Елчанинова хотя были не безосновательны, но, как показали потом обстоятельства, все же явились напрасными.

Наполеон Бонапарт при помощи иезуитов и, главным об-

разом, их представителя в России, отца Грубера, достиг желаемого соглашения, и этот факт засвидетельствован историей, которая имеет в подтверждение его неоспоримые документальные данные.

Через некоторое время Елчанинов ушел от Кирша с тем, чтобы отправиться прямо от него к Альбусу и передать тому последние сведения, полученные через придворного арапа Мустафу.

Едва Кирш успел проводить приятеля, наверху, в комнате маркиза, раздался звонок. Кирш встал и поспешил подняться наверх к звавшему его Трамвилю.

Маркиз был занят разбором только что полученной почты; он держал в руках зашифрованное письмо.

– Возьмите ключ шифра, – приказал он арапу-Киршу, – и помогите мне поскорей прочесть это письмо. Сейчас, вероятно, приедет патер Грубер, а мне хотелось бы до него покончить с чтением корреспонденции.

Кирш взял книгу, служившую ключом, и по вопросам маркиза стал отыскивать в ней объяснения зашифрованных слов письма.

Маркиз де Трамвиль был не кто иной, как тайный агент Бонапарта, присланный им в Россию к иезуитам с письмами и бумагами, которые нельзя было доверить почте из боязни, что их могут перекопировать.

Опасаясь, чтобы эти бумаги как-нибудь не попали в руки русского правительства, маркиз де Трамвиль после своего

несчастливого случая на дороге, грозившего ему смертью, решился отправить их по назначению с тремя встретившимися с ним приятелями, потому что иначе, умри он в каком-нибудь придорожном трактире, все, что было при нем, могло попасть в руки полиции.

Маркиз де Трамвиль был воспитан в иезуитской школе и всецело находился под влиянием иезуитов, сумевших устроить так, что он был в полной от них зависимости. Они держали его в руках, как, впрочем, многих слабых и нетвердых волей людей.

Трамвиль, именно человек слабый и с нетвердой волей, в глубине души не сочувствовал иезуитам, но подчинялся им из боязни, не имея возможности, в силу особенно сложившихся обстоятельств своей жизни, освободиться из-под их влияния. У них была полная возможность держать его в постоянном страхе, и они, не стесняясь, пользовались ею.

Маркиз с помощью Кирша разобрал письмо и, видимо, остался недоволен тем, что прочел. Он покачал головой и проговорил:

– Консул сердится, что мы ничего не сообщаем ему о наших успехах. Он спрашивает, почему леди до сих пор не представлена ко двору, как будто это дело такое легкое и простое, что стоит лишь захотеть и оно будет сделано. Он привык действовать в сражениях, которые решаются какой-нибудь атакой кавалерии или быстрым и решительным натиском. Вот видите ли, Али, – обратился он к Киршу в наста-

вительном тоне, – в политике совершенно не то, что на поле сражения, а консул не хочет понять это. В политике быстрый натиск может принести только вред. Вот вы посвящены братьями иезуитами в тайну леди Гариссон. Скажите, разве можно тут было действовать натиском?

– Нельзя! – сказал Кирш, поддакивая маркизу и явно не желая противоречить ему.

– Придет время, – продолжал Трамвиль уверенно, – и все будет хорошо, но надо ждать. Леди появится при дворе, и там через нее мы будем полные хозяева. А по современному положению вещей держать в своей власти Россию – значит управлять Европой. Задача не малая, и, чтобы разрешить ее, надо постараться и подождать. Ведь есть из-за чего ждать, не правда ли, Али?

– Совершенная правда, – снова подтвердил Кирш, но тотчас же, услышав стук подъехавшей в это время к дому кареты, подошел и взглянул в окно. – К нам приехал отец Грубер, – сказал он, – надо пойти отворить ему.

– Идите, – одобрил Трамвиль, – я очень рад видеть его, у меня уже готов план ответа консулу. Я хочу написать приблизительно так, как я сказал вам. Мы немедленно составим письмо вместе с отцом Грубером.

Иезуит, когда Кирш впустил его, поднялся быстрыми, нервными шагами наверх и направился в столовую. Здесь он сел, сердито отодвинув стул. Вел он себя в этом доме отнюдь не как гость, но как хозяин, которому все здесь послушно.

– Никого нет? – спросил он у Кириша, оглядев его усталыми глазами.

Тот ответил, что маркиз один и никто из братьев еще не приходил.

– Есть новости? – опять отрывисто проговорил Грубер.

– Есть! – сказал Кириш.

– Здравствуйте, отец! – послышался голос маркиза, который показался в дверях. – Особенных новостей нет. Я получил письмо из Франции.

– Погодите, мне надо поговорить с Али, – остановил Грубер Трамвиля, – я вас вскоре позову.

По всему было видно, что иезуит не церемонился с маркизом.

Тот сделал вид, что настолько от природы воспитан и учтив, что ничуть не обижается, поспешно удалился и даже плотно затворил за собой дверь.

– Что же нового – обратился Грубер к Али.

– Сейчас был Мустафа из дворца, – ответил тот.

– Ну? – сдвинув брови, проговорил патер.

– Все о леди, – сказал Кириш. – Она завела сношения с Митавой.

– Этого только недоставало! – воскликнул Грубер. – разве есть несомненные доказательства?

– Есть. Мы получили их. Они будут представлены вам.

– А брат Иозеф ничего не знает об этом?

– Кажется, что нет.

– Между тем его прямое дело было следить за ней. К сожалению, он не оправдал возложенных на него надежд. К такой женщине, как она, нужно было приставить кого-нибудь более сильного. Так она затеяла сношения с Митавой?

– И предалась французскому королю, будучи на службе у первого консула, – досказал Кирш с невозмутимым спокойствием.

– Dixi!⁵ – сказал Грубер и ударил пальцами по столу. – Кажется, нужно действовать с этой женщиной круто. Мне не хотелось этого, я думал, что справлюсь с нею, но теперь вижу, что лучше отделаться от нее. А что вчерашний соглашения, захваченный в подземном ходе?

– Был отведен в подвал, – спокойно ответил Кирш.

– И сидит там теперь?

– Не знаю.

Патер взглянул с изумлением на Кирша.

– То есть как не знаете? Кому же он был поручен и кто отвечает за него?

– Поручен он был мне, но отвечает за него леди Гариссон.

– Я не понимаю этого.

– Она взяла у меня ключ от подвала.

– Не надо было давать.

– Она приказала.

– Не надо было слушать ее приказание.

– Она приказала, сказав: «Он жив в сыне»; я не смел послу-

⁵ Так (дословно значит – сказал).

шаться.

– Она осмелилась на это?

– Я не знаю, на что она осмелилась, я думал, что она знала, что делала, и что ей было приказано так.

– Где же теперь этот ключ?

– Она мне не возвращала его.

– Может быть, она отдала его маркизу?

– Это мне неизвестно!

– Позовите сюда маркиза!

Али позвал Трамвиля. Тот пришел и на вопрос Грубера рассказал, что вчера вечером леди Гариссон долго оставалась у него и что он никак не мог выпроводить ее от себя, хотя намекал несколько раз на свою слабость после перенесенной болезни. Потом, когда он задремал, она вышла, и он поймал ее на лестнице. Она спустилась в подвал. Потом он заснул и, что случилось, не знает, однако, когда он наконец проснулся, леди Гариссон уже не было.

Во время этого разговора приехал управляющий леди. Он был очень взволнован и, едва поздоровавшись, начал торопливо говорить, сильно размахивая руками.

– Представьте себе, она меня прогнала... она меня прогнала, то есть попросту отказала от места и велела уехать со своей яхты немедленно.

– Позвольте, – спокойно перебил его Грубер. – Кто вас прогнал?

– Леди Гариссон.

– Вы, должно быть, не в своем уме, брат Иозеф! Как же она могла это сделать!

– Очень просто: заявила, что не нуждается больше в моих услугах, и отказала от места, как отказывают обыкновенному управляющему.

– Но ведь вы не были для нее обыкновенным управляющим.

– Для нее – да, но экипаж и капитан яхты, нанятые в Англии, видели во мне простого ее слугу, а в ней – госпожу. Они послушались ее приказания. Я не мог объяснить им, что у нее самой нет ни копейки, чтобы расплатиться с ними. Это значило бы выдать, что она вовсе не настоящая леди. Рискнуть же на такое разоблачение, я тоже не смел без вашего согласия.

– Но как она осмелилась на такой шаг?

– Не понимаю.

– Ведь деньги были у вас?

– У меня.

– Вы не давали их ей?

– Кроме лишь так называемых карманных, то есть сравнительно пустяшных, все же платежи по счетам и расходы по ее жизни вел я.

– Значит, она должна же была чувствовать свою денежную зависимость от вас. На что же она рассчитывает в дальнейшем?

– Вероятно, она нашла другой денежный источник, кроме

нас, потому что, отсылая меня прочь, она тем самым отказывается от наших денег.

– Другой денежный источник? – повторил Грубер. – Я только что получил сведения, что она вступила в сношения с французским королем в Митаве.

– Да что вы! Не может этого быть! – удивился брат Иозеф.

– Вам об этом нужно было бы знать первому, – упрекнул его Грубер, – а между тем вам приходится узнавать от меня эту новость.

– Я должен был следить за ней только на яхте и руководить ею там, – стал сейчас же оправдываться, несколько обиженный, бывший управляющий. – Если она завела, как вы говорите, сношения с французским королем, то могла сделать это только в самое последнее время, отлучаясь с яхты в город, куда я не ездил с нею, потому что за ее поступками в городе взялись присматривать вы! Но я вам могу поручиться, что на яхте не было никакого признака ее измены, иначе я знал бы об этом.

– Ну, не будем препираться! Дело в том, что французский король, живущий в Митаве из милости русского императора, вовсе не владеет в настоящее время такими средствами, чтобы тратить деньги, и очень большие, на поддержание престижа леди Гариссон. На французского короля она может рассчитывать лишь в будущем, в случае, если ему удастся вернуться на престол; в настоящем же, вероятно, нашелся другой мешок с деньгами, из которого она думает черпать золо-

то. Мы, конечно, выясним это.

– Она пошла с нами на открытый разрыв, ибо, прогнав меня... – начал было брат Иозеф.

– Это еще ничего не доказывает! – перебил его опять Грубер. – Она может еще надеяться, что стоворится со мной и проведет меня. Одно только я никак не могу объяснить себе – это ее поступок с ключом от этого дома.

– Ах да! – вспомнил бывший управляющий леди. – Она отдала мне ключ от подвала этого дома и просила передать его вам!

– И ничего не объяснила по этому поводу? – спросил иезуит.

– Ничего! Только, когда я спросил, зачем она увезла ключ с собой, она ответила мне, что не все ли равно, у кого из нас будет храниться ключ от пустого подвала.

– Как от пустого? – переспросил Грубер и обратился к Киршу: – Нужно сейчас же, Али, пойти вниз и внимательно осмотреть весь подвал, – приказал он ему, отдавая ключ, который передал брат Иозеф.

Али пошел, чтобы исполнить приказание, и, вернувшись через некоторое время, доложил, что подвал пуст.

– Так она его выпустила! – решил Грубер. – Теперь для меня понятно, по чьему приказанию действовал Елчанинов, освобождая Станислава; конечно это ее рук дело!

Иное предположение и не мог сделать патер Грубер. С точки зрения иезуита, дело таинственного освобождения

двух заключенных из подвала их дома должно было представиться так: леди Гариссон, узнав каким-то образом, что ее муж Станислав содержится у иезуитов, похитила у своего управляющего ключ от подвала и послала с ним Елчанинова, чтобы освободить Станислава. Когда же на другой день попался сам Елчанинов, то она сама пришла и выпустила его на волю. Теперь в ее руках было последнее средство, которым иезуиты могли повлиять на нее, и, отняв у них это средство, то есть освободив от них мужа, она могла считать себя вполне в безопасности и ничего не бояться, тем более что даже в денежном отношении она как будто стала независимой.

– Так это ее рук дело! – повторил Грубер. – Станислав теперь у нее, и она, пожалуй, неуязвима! Елчанинов должен был слышать вчера, как я поручал Станиславу следить за ним, и, конечно, он и леди спрячут его.

– Станислав будет здесь, когда вам угодно! – сказал Кирш. – Стоит вам только приказать!

Грубер глянул на него.

– Кто же его приведет?

Черное лицо Кирша улыбнулось, и он проговорил.

– Я.

– Хорошо! – одобрил Грубер. – Я приказываю сделать это как можно скорее.

Глава XXXI

Между тем леди Гариссон посадила Варгина в свою карету и повезла его на яхту.

– Ты знаешь, – сказала она ему, – я прогнала своего управляющего и хочу взять себе другого! Как ты думаешь, кого?

– Ничего я не могу думать, – ответил Варгин, – ведь мысли у меня разбегаются! Разве могу я думать о чем-нибудь, когда сижу один возле тебя? Ты вот говоришь, а я слушаю звук твоего голоса и наслаждаюсь им, а какие слова ты произносишь мне, право, и разбирать некогда! Все, что ты говоришь, хорошо!

– Но все-таки ты слышал, что я тебе сказала?

– Что-то про управляющего?

– Ну да! Что я прогнала его и хочу взять тебя на его место.

– Меня? Но какой же я управляющий? Я тебе так науправляю, что и концов не сведешь! Да к тому же как же я буду объясняться с твоими англичанами на яхте? Ведь я ни на каком языке, кроме русского, двух слов сказать не умею.

– Не беспокойся! Все дело я поведу сама, а ты будешь только заведовать устройством празднеств да декоративной частью.

– Вот это хорошо! – согласился Варгин.

– И будешь жить со мной на яхте.

– Вот это еще лучше! – совсем обрадовался он и даже под-

скочил в такт карете, колыхнувшейся на своих мягких ресорах.

– Ты из ревнивых? – спросила леди, помолчав.

– Да, я очень ревнив! – откровенно признался Варгин, воображая, что очень хорошо говорит и что именно такой ответ и желает получить от него леди.

– Ну, я отучу тебя от ревности! – заявила вдруг она и добавила: – Пользуйся тем, что тебе будет дано, а мне не мешай! Иначе при первом же безрассудном поступке с твоей стороны между нами все будет кончено!

– Да как же ты хочешь, чтобы мои поступки были рассудительны, когда я люблю тебя! – воскликнул Варгин. – Тут уж я не могу рассуждать!

– Нет, ты со мною не шути! Я тебя серьезно предупреждаю.

– Ах, что там предупреждать! Я смотрю так: хоть минута, да моя! Я счастлив, вот и все!

– Ну, посмотрим, будешь ли ты дорожить своим счастьем.

Приехав на яхту, леди Гариссон водворила на ней Варгина.

Она провела его повсюду и показала ему все каюты, переходы и закоулки. Капитану, матросам и всем служащим она представила Варгина, как своего нового управляющего, и отдала в его распоряжение большую каюту с верхним светом из люка, очень удобную для занятий живописью. Решено было, что завтра Варгин перевезет сюда свои вещи.

Осмотрев яхту, они прошли в каюту-гостиную, и туда принесли им кофе, заваренный особенным образом, по турецкому способу.

У Варгина давно вертелся один чрезвычайно интересовавший его вопрос, который он хотел и не решался задать леди. Этот вопрос касался Станислава. Варгин был уверен, что поляк – сумасшедший и что леди никогда не была его женой, но ему было интересно узнать, как она относится к сумасшедшей выходке поляка.

– А что, если бы вдруг этот человек, который так упорно называет тебя своей женой, стал надоедать и преследовать? – решил наконец он проговорить.

– Тогда я обошлась бы с ним, как с безумным! – спокойно ответила леди, поднося к губам чашку с кофе.

Она была спокойна относительно Станислава, потому что в ее уме уже создалось решение, как поступить с ним.

Убедившись, что Станислав был на воле, она решила, что он станет сам разыскивать ее и узнает, хотя бы от Елчанинова, что она живет на яхте; по всем понятиям, он не утерпит, чтобы не явиться к ней на яхту, а этого только и нужно было леди: если в доме у иезуитов был подвал, то на яхте существовал трюм, куда можно было еще надежнее, чем там, у иезуитов, спрятать Станислава. Поэтому она спокойно ждала его появления и ничуть не тревожилась, что Станислав опять попадет в руки иезуитов; она не предполагала, чтобы он сам вернулся к ним, а забрать Станислава силой им не

позволит Елчанинов.

Вахтенный матрос подал сигнал о приближении лодки.

Варгин вышел на палубу и увидел, что к яхте приставал на наемном ялике отец Грубер.

Варгин пошел сообщить об этом леди, уверенный, что она велит поднять трап и не пускать на яхту иезуита. Почему-то ему казалось, что надо было поступить именно так, но он невольно раскрыл рот от удивления, когда леди заявила обратное:

– Конечно принять! Я хочу видеть его!

– Как «хочу видеть»? – возразил Варгин. – От таких людей надо быть возможно дальше. Зачем он тебе?

– А хотя бы затем, чтобы наконец взять верх над ним; это единственный человек, который не поддается мне; до сих пор я еще не встречала мужчины, в конце концов не склонявшегося передо мной; он первый, он единственный не замечает во мне красивой женщины, но я добьюсь своего, ты обязательно увидишь это!

– И смотреть не хочу! – надув губы, проворчал Варгин.

– Ну, тогда не смотри, но вели ввести ко мне сейчас отца Грубера!

Несмотря на то, что Варгин только что заявил леди, что и глядеть не хочет на то, как она будет разговаривать с Грубером, он почувствовал неудержимое желание так или иначе быть свидетелем их разговора.

Когда он ввел иезуита в каюту-гостиную, леди прямо при-

казала ему удалиться и оставить их вдвоем. Варгину ничего не оставалось, как послушаться ее, и он мрачно ушел и заходил по палубе. Но потом он вспомнил об алькове и о том, что, пробравшись в него через коридор, можно было слышать из-за занавески все, что происходило в гостиной. Он так и сделал. Не замеченный никем, шмыгнул он в коридор и неслышно очутился в алькове, где ясно раздавалось каждое слово, произносимое леди и Грубера.

– Будьте желанным гостем, отец! – сказала леди Гариссон, как-то особенно вкрадчиво растягивая слова и звучно произнося каждый слог. – Я очень рада видеть вас у себя. Садитесь и давайте разговаривать!

– Разговаривать нам не о чем, – сурово остановил ее Грубер, – я просто буду спрашивать вас, а вы мне отвечайте!

– Хорошо, спрашивайте, – рассмеялась леди, – а я вам буду отвечать. Итак, первый вопрос.

Она несколько не смутилась тоном иезуита и вела себя так, что, наоборот, всякий другой на его месте почувствовал бы смущение; но Грубер был не из тех, которые могут спастись.

– Первый вопрос, – проговорил он, – правда ли, что вы согнали с яхты брата Иозефа?

– Брата Иозефа я не сгоняла, а уволила своего бывшего управляющего, который стал мне не угоден, и на его место взяла нового.

– Но делать это вы не имели права!

– Как? На своей собственной яхте? Разве я не хозяйка тут?

– Вы знаете, что эта яхта не ваша!

– Нет, она моя по документам, и никто не смеет оспаривать официально мою собственность на нее.

– Против этого я не спорю. Но, расходясь самовольно с братом Иозефом, вы тем самым бросаете открытый вызов нам.

– Храни меня Бог! – воскликнула леди. – Зачем я буду бросать вам вызов? Мы можем остаться друзьями.

– Друзьями остаться мы не можем, потому что никогда не были ими, – возразил Грубер. – Вы были нашей слугой и только.

– И это тяготило меня! Теперь я из слуги хочу сделаться другом или, вернее, просто вашей союзницей, потому что наши интересы сходятся, и ввиду этих общих интересов мы можем помогать друг другу, – твердо заявила леди.

– Но денежной помощи вы не получите! Она возможна только при условии, если все расходы будут вестись одним из наших братьев.

– Денежная помощь мне совершенно не нужна теперь.

– Вот как? Но подумайте, хорошо ли вы рассчитали?

– Я рассчитала хорошо. Будьте уверены. Теперь второй вопрос?

Выходило так, что спрашивал не отец Грубер, а как будто она предлагала вопросы. Грубер поморщился.

– Давно ли вы вступили в сношения с Митавой? – спросил

он, видимо, желая озадачить ее.

– Неделю или, может быть, дней восемь тому назад! – невозмутимо ответила леди.

– И вы сознаетесь в этом?

– Что значит «сознаюсь»? Это выражение не подходит, отец! Вы меня спрашиваете, я вам сообщаю. Да, я вступила в сношения с Митавой, но для того, чтобы лучше знать, что там делается, и извлечь из этого пользу.

– Для себя?

– Каждый человек заботится прежде всего о себе, а если другие захотят жить со мной в дружбе, – подчеркнула она, – то и они получают свою выгоду.

– Но какие гарантии у этих других, что они не будут преданы противной стороной?

– Им служат гарантией их собственный опыт и наблюдение; пусть они действуют соответственно им.

– Вы хитры, – сказал патер Грубер, – и изворотливы!

– Я женщина, и, вероятно, недаром говорят, что хитрость у женщин заменяет ум.

– Вам и в уме нельзя отказать.

– Благодарю вас; похвала в устах такого человека, как вы...

– Напрасно вы стараетесь обвести меня! – вдруг круто остановил ее Грубер. – Есть еще третий вопрос. Как вы осмелились выпустить из заключения Станислава, а потом офицера Елчанинова?

– Как? – удивилась леди. – Это еще что за обвинение? Правда, я хотела увести от вас своего мужа вчера поздно вечером, думая, что он заперт у вас в подвале, но этот подвал, когда я спустилась в него, оказался пустой, а об этом офицере Елчанинове я даже и не знала, что он был у вас заключен, и потому ниоткуда освободить его не могла.

Услышав это, Грубер сухо произнес:

– И это все, что вы можете сказать? Судя по первым вашим ответам, я ожидал, что вы придумаете что-нибудь более остроумное, чем простое и голословное отрицание факта.

– Но уверяю вас, что это правда!

– Нет, это ложь, и очень неискusstная!

– Я никогда не лгала перед вами!

– Бросим пустые фразы; они не приведут ни к чему и не помогут вашему оправданию.

– Моему оправданию? – вдруг вспыхнула леди. – Но мне оправдываться не перед кем; судить меня могут только люди, которые имеют на это власть.

– А вы думаете, что у меня такой власти нет?

– Кто же дал вам ее?

– Обстоятельства. Я предупреждаю вас: берегитесь!

– Вы хотите испугать меня?

– Я хочу то, что говорю! Я предупреждаю вас...

– И по-видимому, как власть имеющий?

– Да! – твердо ответил Грубер.

– Основывая свою власть на обстоятельствах? Но обстоя-

тельства могут измениться!

– Не для тех, которые умеют управлять ими.

– Но почему же вы присваиваете исключительно только себе это умение? Разве на него только вам выдана привилегия? Оно может быть и у меня; и я, в свою очередь, могу сказать вам: «Берегитесь, отец»! – спокойно произнесла леди.

– Теперь вы хотите напугать меня? Хорошо! Тогда скажите прямо, чем вы можете мне грозить?

– А чем вы грозите мне?

– Высылкой из Петербурга в двадцать четыре часа! – тихо произнес Грубер.

Леди Гариссон в ответ ему расхохоталась.

– Вы хотите выслать меня из Петербурга? Не слишком ли смело подобное желание с вашей стороны?

– Может, для вас слишком смело не верить этому...

– Ах, как же плохо вы осведомлены, если так спокойно говорите это! Да знаете ли, кто еще третьего дня стоял передо мной здесь, вот на этом самом месте, на коленях?

Леди произнесла это так стремительно и с такой уверенностью в важность того, что говорила, что Грубер впервые в жизни почувствовал нечто вроде смущения. В самом деле, не успела ли эта сирена раскинуть свои сети так далеко и широко, что трудно будет справиться с нею?

«Да неужели, – мелькнуло у Грубера, – неужели она окажется способнее, чем можно было ожидать от нее, судя по предшествующему поведению?»

И, овладев собой, чтобы не показать этой женщине, что она поразила его своим неожиданным натиском, он спросил голосом, полным равнодушия:

– Кто же, скажите мне, стоял перед вами здесь на коленях?

– Кто? – повторила леди. – Вам угодно знать, кто? Хорошо, я скажу, и тогда, надеюсь, вы согласитесь со мной, что напрасно думаете пугать меня и что мне нечего бояться вас. Здесь у меня был не кто иной, как Иван Павлович Кутайсов, любимец императора.

– Только-то, – рассмеялся Грубер, – только Кутайсов, и вы на его протекции воображаете основать свое благополучие? Нет, еще за минуту перед этим я считал вас гораздо хитрее, умнее и осмотрительнее. Признаюсь, вы было, действительно, смутили меня, но теперь успокоили. Благодарю вас.

Теперь настала очередь леди прийти в смущение. Она была вполне уверена, что имя Кутайсова произведет неотразимое действие на иезуита.

Она была права: Кутайсов был любимцем императора Павла. При своем воцарении государь пожаловал его из камердинеров в гардеробмейстеры. Затем царские милости стали градом сыпаться на Кутайсова.

В декабре 1796 года ему был подарен каменный дом, стоивший сто десять тысяч рублей и купленный у купца Щербакова в первой Адмиралтейской части.

Но все это еще ничего не значило для Грубера, который сам имел доступ во дворец и отлично знал Кутайсова. Знал

он также, что может и чего не может этот человек и насколько опасен он.

– Так только Кутайсов? – повторил он. – Ну, теперь я знаю все, что мне нужно, и еще раз – теперь с большей уверенностью, чем прежде, – говорю, что вы будете высланы из Петербурга. Пока, правда, я могу сделать только это, а там дальше – увидим! – и Грубер встал, взявшись за шляпу.

– Погодите одну, минуту! – спохватилась леди, желая удержать его.

Но иезуит не слушал. Он ушел, не простившись, и не дал леди сказать ни слова.

Она осталась одна, остановилась и проговорила вслух:

– Кажется, я слишком поспешно сообщила ему о Кутайсове. Это было неосторожно с моей стороны. Ну, да еще ничего не потеряно!

Варгин поднял портьеру на алькове и показался в гостиной.

Леди Гариссон, увидев его, вздрогнула от неожиданности.

– Ты здесь был, ты слушал? – с тревогой спросила она.

Он в ответ только кивнул головою.

– Зачем же ты сделал это? Кто тебе позволил?

– Не мог же я оставить одну тебя с этим человеком! Мало ли на что он мог решиться! Тебе могла понадобиться моя помощь.

– Так ты хочешь помогать мне?

– Что нужно сделать? Скажи!

Леди подумала с минутой.

– Нет, лучше я сделаю все сама. Знай, пожалуйста, наперед, что я настолько сильна, что мне пока не нужно ничьей защиты. Слышишь? В том случае, если ты мне понадобишься, я скажу тебе.

– Скажи мне одно только, – стал спрашивать Варгин, – этот Станислав действительно твой муж? Ты так прямо назвала его Груберу.

– Да, действительно. Раз ты услышал об этом, то мне скрывать нечего. Я была в Польше замужем за ним. Я полька по происхождению. Жизнь мне стала неважною в шляхетской обстановке, которую он мог предоставить мне. Да и кроме того, мы две величины несовместимые.

– Ты развелась с ним?

– У нас, католиков, нет развода. Я просто ушла, как ушла из дома Иоанна д'Арк, почувствовав, что мое назначение выше того, чтобы быть женой неизвестного поляка. Судьба оправдала мои ожидания. Когда-нибудь я расскажу тебе обо всем, что мне пришлось пережить. Но теперь я завоевала себе титул английской леди, и никто не отнимет его у меня. Будь спокоен! Напрасно иезуит пугает меня, я не побоюсь даже и силы иезуитов. Сегодня вечером у меня на вилле будет Кутайсов, и я сделаю все, чтобы победа осталась на моей стороне. В успехе я не сомневаюсь. Моя судьба зависит от мужчин, а я слишком хорошо знаю их, чтобы быть уверенной, что такая женщина, как я, сумеет овладеть ими. Моя

каре́та здесь?

– Здесь, – ответил Варгин, – она стоит на набережной.

– Поди и привези мне сейчас кучера, сюда, на лодке, скорее! С лошадьми пусть останется кто-нибудь из матросов.

– Что ты хочешь делать?

– Поди, привези мне кучера!

Варгин пошел исполнять приказание леди.

Кучер явился.

– Вы узнаете от моего нового управляющего, – внушительно сказала ему леди, – адрес офицера Елчанинова. Для чего – не говорите ему. Поедете с каретой по этому адресу. Там спросите поляка Станислава. Скажите ему, что я прислала вас за ним. Как только он увидит вас и карету, то сейчас же согласится. Привезите его сюда как можно скорее!

– Слушаю-с, – сказал кучер.

Станислав был единственным орудием, опасным для леди. Залучив его к себе на яхту, она могла считать себя в безопасности, и она поспешила обезопасить себя.

Ее расчет оказался верным. Когда карета подъехала к дому, где жил Елчанинов, Станислав, увидев ее в окно, узнал и выбежал на улицу. Уговаривать его не пришлось: он охотно сел в экипаж.

Глава XXXII

Елчанинов надел парадный мундир, чтобы отправиться вечером на новую виллу леди Гариссон. Вера тоже согласилась быть там, и Елчанинов вполне безошибочно понял, что согласилась она на это только ради него.

Есть какая-то особенная прелесть для влюбленных быть наедине, но хорошо им также на людях, когда много народу кругом и, в особенности, когда этот народ блестящий, богато разодетый и находится в обстановке роскоши; в толпе хорошо чувствовать себя наедине.

Елчанинов ожидал, что новая вилла леди Гариссон будет великолепна. На балу у нее на яхте он не был, но рассказы о нем ходили по городу, и можно было быть уверенным, что, если богатая англичанка, какой все считали леди Гариссон, сумела устроить одно празднество, то не ударит лицом в грязь и в другой раз, сзывая к себе гостей.

В самом деле, Елчанинов не ошибся.

Вилла – правда, деревянная, построенная в немного неуклюжем русско-итальянском стиле, – утопала в зелени, окруженная со всех сторон просторным и тенистым садом. Последний был тщательно расчищен и весь засажен цветами. Там и тут в нем были разбиты палатки с открытыми буфетами. Роговая музыка и песенники были скрыты в кущах деревьев и кустов. На газонных площадках были приготовле-

ны к услугам гостей различные игры: в серсо, волан, бильбоке. На реке, напротив виллы, готовился грандиозный фейерверк. Гирлянды разноцветных фонарей, потешные фигуры, щиты, вензеля и транспаранты ждали только, когда ночь спустится, сгустив свои сумерки, чтобы заблестать тысячами огней. На видном месте красовалась под большой императорской короной огромная литера «П».

Все это стал сейчас же показывать Варгин Елчанинову, как только тот явился на виллу.

Между тем обещанный праздник близился. Гости начинали съезжаться.

Елчанинов делал вид, что слушает Варгина и очень интересуется замысловатым убранством сада, но сам все время внимательно следил, чтобы не пропустить той минуты, когда покажется Вера. Одну минуту он было уже отчаялся, но как раз в это время его сердце само собой забилося сильнее, и словно его подтолкнуло что-то; он обернулся и увидел Веру на террасе, среди важных и избранных гостей.

– Ну, иди, иди! – поощрил его Варгин, счастливо улыбаясь, потому что сам был наверху неожиданного блаженства.

Елчанинов приблизился к террасе, поднялся по ее ступенькам и остановился, не решаясь вступить в круг важных гостей, так как вследствие своей молодости и небольшого еще чина ему неприлично было вылезать вперед.

Вера разговаривала с коренастым, сутуловатым Кутайсовым, который покровительственно расспрашивал ее, и она

ему отвечала.

Татарское лицо Кутайсова, с выступавшими скулами и раскосыми глазами, выражало некоторую надменность и показалось теперь особенно неприятным Елчанинову.

«Вот если она поглядит сейчас в мою сторону и заметит меня, – задумал он, – тогда все будет хорошо».

В чем состояло это «все», которое должно было быть хорошо, Елчанинов не знал, да и не задумывался над этим. Это было – «все будущее». В настоящем «теперь» счастье улыбнулось ему в улыбке Веры, и Елчанинов хотел, чтобы так и оставалось, то есть чтобы она оставалась его Верой на всю жизнь. Конечно, на всю жизнь, потому что, если бы теперь ее не было, не было бы уже и жизни; он никому не отдаст ее, лишь бы она сейчас посмотрела на него.

И словно электрический ток передался Вере: она глянула в сторону Елчанинова, увидела его, узнала и вся просветлела.

И все, что было кругом, получило для Елчанинова новый смысл и новую прелесть, и даже татарское лицо Кутайсова показалось не таким антипатичным, как прежде.

Кутайсов сказал что-то Вере, очевидно, любезное и поощрительное, и кивнул ей головой, как бы отпуская ее этим от себя. Она сделала церемонный реверанс и отошла легко и свободно, как будто и весь свой век провела в обществе блестящих гостей.

На ней было простое, скромное, но великолепно сшитое

и превосходно сидевшее на ней серое платье; модная прическа, разумеется без пудры, удивительно шла ей; держалась она превосходно, движения ее были просты и естественны, – словом, лучше ее не было никого.

Елчанинов издали любовался ею. Сердце его билось, он ждал, когда Вера отойдет от фаворита.

От Кутайсова она направилась к ступенькам лестницы в сад и махнула Елчанинову веером, чтобы он подошел к ней; он подошел и раскланялся; они спустились в сад. Гости все прибывали, и дорожки возле дома были заняты ими.

– Вы приехали, милая... – робко заговорил Елчанинов.

«Милая» он хотел произнести мысленно, но против его воли, ласковое слово вырвалось у него невольно в душевном порыве.

Он спохватился и испугался, не услышал ли кто-нибудь посторонний и что сделает Вера, если услышит. Но посторонние не услышали, а она взяла его руку и сжала ее.

«Молчите! Тише!» – сказали ее глаза, а улыбка в это время добавила: «Говорите еще!»

– Прелесть моя, радость! – начал было Елчанинов, окончательно теряя голову и чувствуя себя вовсе обезумевшим.

– Тсс! – сделала Вера. – Будьте осторожнее! Знаю! Верю!

Это она прошептала чуть слышно и сейчас же сказала нарочно громко, чтобы было замечено теми, кто, проходя, мог услышать их:

– Если бы я знала, что будет столько народа, то ни за что

не приехала бы.

– Так пойдёмте куда-нибудь в сторону, – предложил Елчанинов, – чтобы вам не быть слишком на виду.

Вера кивком головы выразила свое согласие.

Они отошла вправо и сели на скамеечку, откуда открывался вид на реку, будто заняли заранее удобное место, чтобы смотреть на приготовленный фейерверк, и стали тихо беседовать.

Елчанинов не помнил, долго ли, коротко ли он сидел так с Верой, разговаривая как будто о вещах ничтожных и ничего не значивших, но которые казались ему очень важными, потому что о них говорила она.

Стемнело. Зажгли огни иллюминации. Музыканты несколько раз принимались играть и переставали, гремел хор песенников, с освещенной, как днем, террасы слышался шумный говор. Центром его была леди Гариссон. Кутайсов не отходил от нее весь вечер. Она казалась очень веселой и довольной.

Праздник был в полном разгаре.

– Посмотрите! – вдруг показал Елчанинов Вере. – Ведь это патер Грубер.

Он не успел договорить, как мимо них, словно тень, промелькнула черная фигура иезуита, а за ней – другая.

Отец Грубер быстрыми шагами тащил за собой за руку Станислава. Не вступая в круг, освещенный лившимся с террасы светом, он выпустил руку Станислава и, показав ему

вперед, проговорил:

– Вот она! Иди!

Станислав кинулся на террасу, а Грубер исчез в темноте.

На террасе вдруг произошли смятение и переполох. Ворвавшийся туда Станислав прямо подошел к красавице-леди и не завопил и не закричал, как при первой встрече с нею, а, видимо наученный, что ему делать, остановился, уставился на нее взглядом и внятно произнес:

– Тебя ли я вижу здесь, Зоська?

Казалось, упали тут бомба, она произвела бы меньший эффект. Все, кто был на террасе, замерли. Гости в саду тоже заметили, что на террасе случилось что-то необыкновенное, и начали толпиться к лестнице.

Станислав обвел всех бегающим, но не робким взглядом (Бог его знает, как ему хватило на это храбрости) и снова заговорил:

– Вы удивляетесь, почему я так обращаюсь к ней? Но в этом нет ничего удивительного, панове! Вы думаете, что это леди Гариссон, а на самом деле это моя жена Зоська, бежавшая от меня несколько лет тому назад. Так вот, Зося, – обратился он к леди, – я наконец нашел тебя!

Леди Гариссон стояла бледная, гордо выпрямившись, и оглянулась кругом, как бы ища, кто из окружавших ее придет к ней на помощь. Но гости, пораженные случившимся, пятились назад, образуя все больший и больший круг, среди которого оставалась одна леди со Станиславом.

Ее никто не знал в Петербурге, видели только ее богатство или, вернее, роскошь, окружавшую ее, но, кто она была такая, для всех, бывавших у нее, оставалось неизвестным. Большинство приехало к ней, обуреваемые любопытством и соблазненные ее великолепием. Вопрос об ее происхождении как-то не подымался.

Теперь невольно шевельнулось у всякого:

«А что, как этот неизвестно откуда взявшийся человек прав?»

Среди пятившихся был и Кутайсов.

– Да это какой-то сумасшедший, сорвавшийся с цепи! – дрожащим от волнения голосом сказала леди. – Люди, – крикнула она, – эй, кто-нибудь, скорее сюда!

Она ждала Варгина, но тот, как нарочно, был в это время на реке, отдавая последние приказания на плоту относительно фейерверка.

На зов леди явилось несколько лакеев.

– Кто пустил этого человека? – строго обратилась она к ним, нисколько, по крайней мере внешне, не теряя самообладания.

Лакеи переглянулись, как бы каждый беря в свидетели остальных, что вина не его.

Гости остановились, с нетерпением ожидая, что будет дальше.

– Что же вы стоите? – сказала леди лакеям. – Выведите его вон!

Она думала, что они сейчас же бросятся, чтобы исполнить ее приказание, уведут Станислава, и тем кончится эта неприятная сцена. Она уже была готова к тому, как скажет сейчас гостям, что она здесь, в России, иностранка и никак не предполагала, что тут существуют такие порядки, что люди с улицы могут врыватья в порядочный дом и производить скандал.

Она думала, что, вместо того чтобы смутиться самой, смутит этим остальных, но лакеи не тронулись с места.

– Что же вы? Я приказываю вам! – повторила она им.

Те, словно беспомощные, стояли как вкопанные, не двигаясь с места. Это были новые слуги, которых она наняла только сегодня для вечера на своей вилле.

– Да уведите же его! – топнув ногой, крикнула леди.

Но в это время Станислав как будто собрался с силами, скрестил руки на груди, высоко поднял голову и произнес довольно слабым, неуверенным голосом:

– Я здесь в доме моей жены, я муж этой женщины, и кто посмеет тронуть меня?

Это сказано было так, точно заранее было заучено, и все движения Станислава были скорее робки, чем внушительны, и оттого выходила еще большая неловкость.

Лакеи как-то странно улыбнулись, все, словно по заказу. Улыбка пробежала и по толпе гостей.

Каждый миг промедления составлял для леди Гариссон мучительную пытку; она чувствовала, что с каждым мигом

все труднее и труднее становится ей возбудить к себе сочувствие и уничтожить впечатление, произведенное Станиславом. А оно росло и увеличивалось не в пользу леди.

Руки у нее сжались, она решилась на последнее средство. Она оглядела гостей и тихо, желая сыграть на беспомощности одинокой женщины, произнесла в ту сторону, где был Кутайсов:

– Да помогите же мне!

Старший лакей вдруг вздернул плечами и не только смело, но даже нагло сказал, перебивая ее:

– Как же вы приказываете вывести этого человека, если он муж вам?

Леди поняла, что все для нее кончено, что вся эта сцена подстроена заранее (она не сомневалась, что Грубером) и что лакеи подкуплены и научены, как им вести себя с нею, так же как научен был и Станислав.

Ответ лакея был последним ударом, заставившим решительно склониться мнению присутствующих не в пользу леди. Одни сейчас же поверили в то, что это был действительно муж, в сущности, неизвестно откуда взявшейся авантюристки, другие, хотя и не поверив этому, просто не пожелали остаться в доме, где происходят такие неприятности. И, словно вдруг прорвавшаяся плотина, гости хлынули прочь.

Удерживать их леди даже и не попыталась; это только было бы хуже.

Как нарочно, в эту минуту над рекой взвилась ракета; ши-

пя и свистя, она поднялась высоко в небе и лопнула, рассыпавшись разноцветными огнями, посыпавшимися фонтаном на землю. И вслед за ней затрещали огненные колеса, и захлопали бураки. Это ни о чем не подозревавший Варгин на плоту пускал фейерверк.

Не успела опомниться леди, как осталась одна на террасе со Станиславом. Гости гурьбой высыпали на крыльцо; опустел и сад; оттуда большинство, не входя в дом, прямо ушли к экипажам. На широком дворе виллы стоял шумный говор и раздавались крики, звавшие кучеров. Все спешили поскорее домой. Лакеи исчезли, бросившись провожать шумной толпой удалявшихся гостей. Леди осталась одна со Станиславом.

Злобное чувство ненависти, дошедшее в эту минуту до отчаяния, наполнило ее. Она готова была кинуться на этого ненавистного человека и задушить его своими руками.

Однако не из таких женщин была леди, чтобы потерять присутствие духа даже в том положении, в котором находилась теперь. Кинься она на Станислава и начни с ним потасовку, она, конечно, этим лишь увеличила бы без того уже достаточно сильно разыгравшийся и получивший огласку скандал.

Но все же этот человек, составлявший все несчастье ее жизни, был слишком ненавистен ей, чтобы не рассчитаться с ним наконец и не отделаться от него навсегда.

Она вся дрожала от бешенства, сердце у нее билось и в

висках стучало. Она сделала над собой страшное усилие; судорога пробежала по ее лицу, чтобы остановить ее, она до боли закусила губу.

Она подошла к столу открытого буфета, нашла стакан лимонного питья и, достав из кармана хрустальный флакончик, не сосчитать капель плеснула из него в стакан. Она сделала это, повернувшись спиной к Станиславу, с тем чтобы он ничего не мог видеть.

Впрочем Станислав стоял посредине террасы, с опущенными руками и головой. Он был в таком подавленном состоянии, что не заметил бы ничего, если бы даже прямо на его глазах она приготовила страшное питье.

Леди оглянулась на Станислава, и только глаза горели у нее злобным огнем, но рот и остальные черты улыбались.

– Не стыдно ли тебе, Стасю! – заговорила она сдавленным, тихим голосом. – Что ты сделал со мной? Ведь ты видел, какой я теперь стала, но неужели ты думал, что, приди ты ко мне тихо и мирно, я прогнала бы тебя? Зачем же ты поддался увещаниям моих врагов и дозволил соблазнить себя? Разве, ворвавшись так грубо, как ты это сделал, ко мне, ты можешь этим вернуть мое расположение?

Станислав дрогнул. Его губы зашевелились, и он, с трудом управляя ими, едва произнес ей в ответ:

– Откуда ты знаешь, что меня кто-то уговаривал?

– Я знаю это, потому что сам ты не решился бы на такой поступок! Ведь ты же любишь меня до сих пор?

– Зося! – воскликнул Станислав. – Правда твоя, я люблю, люблю тебя.

Вид у него был очень жалкий, но он, слышав в голосе леди ласку, хотел взять именно своим жалким видом. Он был очень несчастен, очень жалел себя, и ему хотелось, чтобы его пожалели.

– Так отчего же ты не пришел ко мне как друг? – спросила леди. – Ведь я сама прислала за тобой карету!

– Да, я узнал эту карету, мне сказали, что она от тебя, но карета повезла меня...

– Вероятно, ко мне на яхту?

Леди была уверена, что ее приказания были исполнены в точности, что Станислав был привезен на яхту и задержан там. Поэтому его появление на вилле показалось ей тем поразительнее, что она не могла объяснить себе, каким образом Станислава отпустили матросы.

– Нет, не на яхту, – сказал Станислав, – а в дом, где живет маркиз; там меня ждал отец Грубер.

– Как? – не веря своим ушам, переспросила леди. – Моя карета повезла тебя туда, вместо того чтобы доставить на яхту?

– Да.

Леди приложила руку ко лбу.

– Боже мой! Значит, все мои слуги куплены и возле меня нет верного человека!

Фейерверк на реке трещал в это время во всем своем ве-

ликолепии. Единственный верный леди Гариссон человек – Варгин, пускал его, думая доставить ей этим удовольствие.

– Так неужели меня обманули? – всплеснул руками Станислав. – И, в то время как ты меня звала к себе...

– Ты, – подсказала она, – совещался с моими врагами, как погубить меня!

– Но я не знал, что они твои враги: отец Грубер, который такой сильный человек, что все может сделать, сказал, что вернет мне тебя, если я буду его слушаться.

– И ты послушался?

– Я думал, что они вернут мне тебя.

– Что с тобой? – вдруг спросила леди, как будто только теперь увидев, что Станислав дрожал и был бледен, как полотно.

– Ничего... я не знаю, – пробормотал он, растерянно оглядываясь вокруг себя.

– Да нет же, на тебе лица нет! Выпей поскорее! Выпей! Тебе станет лучше, – и она поднесла к его губам стакан, который держала в руках.

Станислав послушно, как испуганный и растерянный ребенок, нагнулся было, чтобы сделать глоток, но в это время рука леди опустилась, она испуганно вскрикнула, отскочила в сторону и уронила стакан с приготовленным ею питьем. Сзади нее стоял арап, который остановил ее руку.

Откуда он взялся, когда и как подошел – леди не могла дать себе отчет. В арапе она узнала нового слугу маркиза де

Трамвиля.

– Что вы делаете? – сказал он ей на ломаном французском языке. – Или мало грехов и без того у вас на душе, что вы хотите завершить их отравлением мужа?

Он схватил за плечи Станислава и потащил его в сад; тот бормотал что-то, протестуя и сопротивляясь, но арап распорядился с ним, не слушая возражений. Они исчезли в темноте, и голос Станислава замолк там.

Леди пошатнулась и ухватилась за перила террасы.

– Проклятая черномазая обезьяна! – проговорила она. – Но я не сдамся так скоро и рассчитаюсь как следует!

Она тяжело дышала, с усилием вбирая в себя веявший уже сыростью ночной воздух. Его недоставало ей.

Глава XXXIII

Фейерверк на реке, начавшийся в минуту общего смущения, вдруг прекратился.

Варгин услышал с берега чей-то голос, который кричал ему, чтобы он вернулся. Ему показалось, что это был голос Кирша; он сел в лодку и в несколько ударов весел миновал расстояние между плотом для фейерверка и берегом.

«Чей это голос звал меня? – недоумевал он. – Совсем будто покойный Кирш! Удивительно странное совпадение!»

Но на берегу Варгин не нашел никого; он направился к дому, удивляясь, куда девались гости из сада, и увидел на освещенной террасе леди Гариссон. Кругом горели фонарики иллюминации, лампы и свечи пылали на террасе, как и быть должно в самый разгар праздника, а она стояла одна, ухватившись руками за перила, вытянув шею, насторожившись, прислушиваясь и взглядывая в темноту.

– Где же гости? Что случилось? – издали крикнул Варгин и вбежал на ступеньки террасы.

– Случилось? – быстро обернулась к нему леди Гариссон. – Случилось то, что я опозорена... опозорена и обесчещена!

– Что ты говоришь? – вспыхнул Варгин. – Кто же осмелился?

– Те же, которые хотели отравить тебя и отравили бы, если

бы я не спасла! Они мстят мне за тебя! Ты должен отомстить им за меня!

– Постой... погоди!.. – начал было Варгин, ничего не понимая из слов леди.

– Нечего тут годить! – перебила она. – Станислав – их сообщник, ради него они дали тебе яд, и по их наущению он сейчас, при всех гостях явился сюда и разыграл тут сцену, после которой все уехали.

– Но откуда ты знаешь, что он сделал это по их наущению?

– Потому что с ним был арап, слуга маркиза де Трамвиля, такой же иезуит, как и они! Он был сейчас здесь. Послушай: если ты человек, способный любить и способный на решимость, тогда ступай сейчас же и действуй!

Впечатлительный Варгин, влюбленный до безумия в красоту леди, был уже наэлектризован ее волнением, которое передалось ему как бы невольным внушением. Все это для него случилось слишком быстро, словно земля под ним расступилась и он полетел в бездонную пропасть, не имея ни сил, ни воли, чтобы остановиться.

– Но что же нужно делать? – спросил он, готовый, казалось, исполнить все, что она скажет.

Леди схватила его руку, всем телом прижалась к нему и, близко склоняясь к самому его уху, зашептала размеренно, так что каждое ее слово точно вонзалось, поражая его слух:

– Надо пойти сейчас к твоему приятелю Елчанинову, сейчас, сию минуту, узнать у него, как проникнуть в иезуитский

дом по тайному ходу, который известен ему, достать у него ключ от этого хода и там покончить с человеком, который, как проклятье, тяготеет надо мной и вместе с тем над тобой. Станислав теперь там, в этом доме. Если подвернется арап, то нечего церемониться с ним; не бойся ничего и никого. Завтра же рано утром мы подыдем паруса на моей яхте и будем отсюда далеко, так далеко, что нас никто не настигнет. Моя яхта отличный ходок, и впереди нас обоих будет ждать такая жизнь и такое счастье, о котором ты и мечтать не мог. И это счастье дам тебе я, в отплату за то, что ты сделаешь меня свободной. Свою свободу я отдам тебе, только тебе, и, свободная, буду подчиняться и любить, и ласкать тебя.

Варгин слушал, понимал смысл ее речи, но чувствовал, что у него кружится голова, и туман, словно опьянение, одурманивает все мысли. Он хотел сказать совсем другое, но губы, помимо его воли, произнесли как-то странно, так что он сам не узнал своего голоса:

– Да как же это?

– Как? – продолжала леди. – Очень просто! Вот видишь этот стилет? – в руках ее оказался маленький стилет. – Он отравлен; всего лишь одна маленькая царапина, сделанная им, причинит оцарапанному человеку неминуемую смерть. Возьми его и ступай... ступай... возьми!

Она всунула Варгину в руку стилет; он взял его, но стоял недвижимый. Тогда она охватила его шею руками и почувствовала, как страсть разгоралась в нем.

Леди недаром говорила, что знает мужчин и может управлять ими. Ее слова теперь подтвердились. Она видела, что Варгин, если не дать ему опомниться, готов решиться на все, только нужен последний толчок, который окончательно заставил бы его решиться и не позволил бы остыть затем этой его решимости. И она снова обняла его и, прижимая свои губы к его лицу, зашептала:

– Мы уедем с тобой, милый, милый! Вся жизнь перед нами... Иди же! Иди!..

Варгин словно в каком-то отчаянии безумия, ощущая ее прикосновение, слыша ее слова, охватил ее рукой.

Но она выскользнула и направилась к дверям, еще раз прошептав:

– Иди, исполни! Спаси меня от них. Я буду ждать тебя!

Это «я буду ждать» она протянула как-то особенно певуче, и все замолкло за запертой дверью.

Но голос леди звучал еще в ушах Варгана, и он чувствовал ее близость, как будто она еще стояла тут, возле него, и, как человек, который, вдруг решившись, не раздумывая кидается в воду, Варгин повернулся и побежал.

Он сел в лодку и велел гребцам везти себя в город.

И чем дальше он уезжал от этой виллы, где оставил красавицу-леди, тем яснее становился в нем соблазнительный ее образ и тем туманнее делалось все остальное. Он действовал уже как бы машинально, подчиняясь не своей, а ее воле, но действовал вполне, как ему казалось, осмотрительно.

Он сам себе даже удивился, с каким присутствием духа и как хладнокровно вошел он к Елчанинову.

Впрочем, на самом деле, Варгану только казалось так, что по нему незаметно ничего особенного, но Елчанинов сразу заметил, что он совсем не в себе; однако он почему-то и вида не показал, что видел его настроение.

Елчанинов не спал и даже не ложился. Ему наяву грезился такой чудный сон, он так был счастлив и полон своей любовью к Вере, что не мог расстаться со своими думами о ней и не хотел забыться.

– Ты был там, ты знаешь, что случилось, – заговорил Варгин. – Надо спасти ее!

– Надо спасти... – как-то загадочно произнес Елчанинов.

– Ты согласен со мной? Отлично! У меня для этого есть план... мне нужен ключ...

Варгин говорил отрывисто и непонятно, хотя был убежден, что все, что он сказал, было очень складно, убедительно и, главное, ловко.

Елчанинов понял его бессвязные слова и сам даже стал подсказывать ему:

– Тебе нужен ключ от тайного хода в иезуитский дом?

– Вот именно, – подхватил Варгин.

– А знаешь ли ты расположение дома и как пройти в него?

– В том-то и дело, что нет! Но ты мне объясни!

Елчанинов все, до мельчайших подробностей, объяснил ему.

– Так я пойду, – совсем неловко и некстати заключил Варгин, прощаясь с Елчаниновым. – Надо спасти ее!

– Надо спасти тебя! – тихо поправил его Елчанинов.

Варгин понял эти слова по-своему.

– Ну да, и меня, – согласился он, – потому что в ее спасении заключается и мое счастье!

– Ну, иди же! До свиданья!

– Нет, брат, прощай! – вдруг вырвалось у Варгана.

– А я тебе говорю «до свиданья»! – опять поправил его Елчанинов.

Голова у Варгина была совсем не в порядке; он не помнил, как добрел до иезуитского дома, как отворил дверь подземного хода, как шел, словно в бреду, по этому ходу, спускался и подымался по лестнице и как крался по тихим, пустым комнатам и коридорам незнакомого дома. Ему казалось, что все идет, как надо.

Все время он держал в крепко сжатом кулаке стилет, и этот стилет, словно огненный, жег его руку.

Запомнил он все отлично, как объяснил ему Елчанинов. Ход кончался столовой, далее была библиотека, отсюда лестница вниз, надо спуститься по ней на нижний этаж, на нижнем этаже кухня, где живет арап, и вместе с ним, вероятно, также Станислав.

Он захватил у Елчанинова потайной фонарь и этим фонарем освещал себе дорогу.

Когда Варгин оглядывался, то видел, что на стене колеба-

лась его тень. Он не понимал, отчего это, и не мог сообразить, что тень колебалась оттого, что фонарь дрожал в его руке.

Он спустился по лестнице. Дверь в кухню была приотворена, за нею было темно. Варгин приостановился.

«Там спят!» – подумал он.

Чтобы подбодрить себя, он вдруг распахнул дверь; дальше подкрадываться и медлить у него не хватило сил; ему нужно было кончить сразу.

Кухня осветилась фонарем.

Варгин остановился и не крикнул только потому, что крик застрял у него в горле. В темноте, за дверью, в этой кухне, которая из темной вдруг сделалась светлой, сидел у стола, спокойно положив ногу на ногу и глядя прямо по направлению вошедшего с фонарем Варгина, Кириш.

– Это я! – сказал Кириш. – Не пугайся!

Варгин услышал его голос, тот самый, который позвал его с плота на берег, и, не будь этого, он, кажется, рехнулся бы с испуга.

– Тише ты, – сказал опять Кириш вставая, – фонарь уронишь! – И он, – не призрак, а живой, – подошел к Варгину, взял его фонарь и поставил на стол, а потом громко сказал ему: – Знаешь ли ты, что ты пришел убивать не кого другого, как меня?

Варгин замотал головой.

– Нет, оставь это, нет! Я... не пришел... убивать... тебя...

Он разжал руку, державшую стилет, и тот, стукнув, упал на пол.

– Ты пришел убить арапа! – сказал Кириш. – А этот арап – я.

«Это бред! Я сошел с ума! Это бред... где я?» – пронеслось в мыслях Варгана, а губы его в это время прошептали:

– Ты?

Кириш кивнул головой и заговорил.

Варгин словно в забытьи слушал его долгую речь.

– Да, я, и, не будь я этим арапом, тебя не было бы в живых и мы с тобой не разговаривали бы. Когда граф Кастильский приехал к тебе якобы с заказом своего портрета, но на самом деле, чтобы отравить тебя, я прислал к тебе леди Гариссон, хотя она сама не подозревала этого. Я знал, что у нее всегда есть при себе противоядие, что она даст тебе его и ты останешься цел. Я знал тоже, что Елчанинов мог предупредить тебя быть осторожным, но не удовольствовался этим и, как видишь, хорошо сделал: тебя отравили, прежде чем Елчанинов успел предупредить; противоядие было необходимо. Кучер привез эту женщину к дверям твоей квартиры помимо ее приказаний. Я велел ему сделать это. Я же научил этого кучера сегодня привезти Станислава не на яхту, а сюда, в этот дом. На яхте Станиславу готовилась та же участь, которая ожидала тебя после визита графа Кастильского. Только тогда эта женщина привезла тебе противоядие, а Станиславу она готовила яд. Я сделал все, чтобы спасти тебя от телесной

смерти; сегодня мне приходится спасти тебя от смерти более страшной – духовной. Тогда хотели отнять у тебя жизнь твоего тела, теперь ты готов был погубить свою душу. Легко было предположить, что та женщина, в которую ты влюблен, пошлет тебя, и я предупредил Елчанинова, чтобы он отдал тебе ключ и рассказал, как пройти сюда, а здесь я тебя ждал. Что с тобой случилось? Опомнись! Ты окутан сетями этой женщины до того, что решился на злодеяние. Знаю, те цепи, которыми она приковала к себе, крепче железных, но я постараюсь разбить их и употреблю на это все силы. Слушай же, что я скажу тебе!

И долго говорил Кирш пораженному, уничтоженному, сначала напуганному, потом обрадованному Варгину.

Когда художник убедился наконец, что видит перед собой живого приятеля, он опомнился и пришел в себя.

– Господи! Что же это со мной? – изумленно вырвалось у него.

Кирш стал объяснять, что было с ним и что бывает с человеком, потерявшим волю и дозволившим страстям побороть ее.

Глава XXXIV

Варгин провел почти всю ночь у Кирша.

Он вышел от него обновленный духом и искренне дал обещание, что больше не вернется к леди Гариссон.

Он пришел на рассвете в свою мастерскую, в бедную обстановку с холстами начатых картин, с диваном, сделанным из ящиков, и с рябой кухаркой в затрапезном сарафане.

Рябая кухарка ничуть не удивилась ни исчезновению Варгана на несколько дней, ни внезапному возвращению его среди ночи, ни новому богатому платью, бывшему на нем. Во время своего служения у художника она видала от него и не такие виды, привыкла ко всему и, махая рукой, обыкновенно говорила:

– Одно слово – художник!

Варгин пришел домой, лег и заснул, не раздеваясь. Сильное возбуждение, испытанное им, разрешилось крепким сном; благодатная здоровая молодая натура взяла свое.

Проспав часов девять, Варгин проснулся поздно, среди дня, переоделся и умылся. Он чувствовал себя как после сильного угара. Да, это был угар, но он прошел и не возобновится.

Так решил было сначала Варгин, но мало-помалу соблазн стал заползать незаметно для него самого ему в душу, и, если бы не обещание, данное Киршу, он, кажется, не усидел бы

дома.

Нет, вернуться к леди не было возможности, да и Кирш взял честное слово, и все, что он говорил, была правда; если это так, идти к ней нельзя, но если бы... если бы только увидеть ее, хотя бы встретиться как будто случайно?

Но где Варгин мог теперь встретиться с ней случайно? Он не искал, не раздумывал об этом, но как-то само собой вышло так, что он вдруг собрался и пошел к Вере Туровской.

Не было никаких оснований к тому, чтобы леди появилась у Туровской. Ну, а вдруг?

В вестибюле верхотуровского дома Варгин застал человека в мундире гражданского ведомства, которому как раз в то время, когда Варгин вошел, лакей, спустившийся с лестницы, сказал:

– Пожалуйста, просят!

– Доложите и обо мне! – поспешно приказал ему Варгин.

Лакей повел наверх человека в мундире и вместе с тем пошел докладывать о Варгине. Потом он вернулся и по-прежнему бесстрастно и равнодушно проговорил:

– Пожалуйста, просят!

Варгину очень хотелось спросить у лакея, здесь ли леди Гариссон или нет; он уже было решился на то, что, если она здесь, он не пойдет, но не спросил и пошел.

Вера Туровская была одна с человеком в мундире, которого она успела уже усадить.

– Я очень рада, что вы пришли как раз кстати, – сказала

она Варгину, здороваясь с ним. – Вот господин чиновник от генерал-губернатора, который хочет получить сведения о леди Гариссон. Это – художник Варгин, – пояснила она, обращаясь к чиновнику, – он тоже знал леди и может рассказать о ней так же, как и я, все, что знает.

– А вы давно знаете ее? – спросил чиновник у Веры.

– Нет, очень недавно! – ответила она. – Я познакомилась с ней в доме маркиза де Трамвиля.

– А раньше, за границей, не встречали ее?

– Нет, не встречала.

– Значит, она давно известна маркизу... как вы назвали его?

– Трамвилю! – подсказала Вера. – Насколько я знаю, он тоже познакомился с ней только здесь, в Петербурге, куда сам только что приехал.

– Откуда?

– Из Франции.

– А кто он такой?

Вера пожала плечами.

– Французский дворянин.

– Почему же так называемая леди Гариссон была у него в доме?

– Не знаю. У нее, кажется, были какие-то дела.

– Да, – подтвердил чиновник, – генерал сам разговаривал с отцом Грубером, и тот объяснил, что эта женщина разыгрывала из себя также благотворительницу. Ловкая, однако,

особа! Ну, а скажите, пожалуйста, почему вы бывали в доме у маркиза? Он женат?

– Нет, не женат. Он был болен, и я навещала его.

– Он приходится вам родственником?

– Нет, нет! – испугалась даже Вера. – Отчего вы думаете, что он приходится мне родственником?

– Оттого, – стал объяснять чиновник, замаявшись, – что мне показалось странным, как это вы, девица, и навещаете больного холостого человека!

– Тут ничего нет странного, – начала Вера. – Ну, что ж такого, что я навещала его? И потом, это вовсе не касается дела леди Гариссон!

– Но это касается маркиза, а нам важно выяснить не только ее личность, но и тех, с кем была она в сношениях. Поэтому мне необходимо знать все подробно о маркизе. Вероятно, вы хорошо знаете его, если между вами существует такая интимность, что вы навещаете его!

Вопрос был поставлен ребром, и Вере приходилось отвечать прямо.

– Маркиза я знаю давно, – ответила она, – и могу вам поручиться, что он вполне порядочный человек. А что бывала я у него...

– Да-да! – подхватил чиновник. – Почему же вы бывали у него?

– Он мой жених! – выговорила Вера, вспыхнув, и потупилась.

– А! Это другое дело, – решил чиновник, – тогда все понятно! Так что вам совершенно неизвестно, кто была леди Гариссон?

Вера покачала отрицательно головой.

– Ну, а вам известно? – обратился чиновник к Варгину.

– Что? – переспросил тот.

– Кто была эта леди?

– Позвольте! – остановил его Варгин, чувствуя какое-то инстинктивное недружелюбие к чиновнику и желая придаться к нему. – Как вы говорите про леди, что она «была»?

– Ну да, была! – повторил чиновник, видимо настаивая с административной самоуверенностью на точности того, что говорил.

Этот тон самоуверенной административной точности особенно бесил Варгина.

– А разве ее теперь нет? – усмехнулся он, зло глядя на чиновника.

– А теперь ее нет, – сказал чиновник.

– Где же она?

– Она умерла.

– Она умерла? – воскликнул Варгин. – Когда?

– Сегодня утром ее нашли на вилле, в ее роскошной спальне, мертвую. Доктора констатировали разрыв сердца.

Варгин закрыл руками лицо и долго не мог проговорить ни слова.

– Так что же вы хотите теперь от мертвой? – произнес он

наконец. – Она уже покончила свои счета с жизнью, ведь это уже простое любопытство с вашей стороны.

– Не совсем простое! – ответил чиновник. – Эта женщина оказалась более чем загадочной; на левой руке у нее, выше локтя, был знак, вернее клеймо.

– Какое клеймо? – переспросил Варгин, и сердце его вдруг забилося.

– А такое, которым во Франции палачи на эшафоте клеймили по приговору суда преступников, уличенных в воровстве. Ну, а теперь я все-таки попрошу вас сообщить мне все, что вы знаете об этой женщине.

Варгин подчинился этому.

Допрос был непродолжителен, так как Варгин и сам не мог сообщить слишком многого. Да и мысли не вязались у него под влиянием происшедшего.

Сам не свой ушел он от Туровской. Он не рассказал чиновнику всего, что знал о леди, а сказал только, что был приглашен для того, чтобы написать ее портрет, и затем заведовал декоративной стороной ее бала и праздника на вилле. Он не упомянул ничего об ее связи с иезуитами не потому, чтобы боялся их, но потому, что не хотел делать это, не зная, как к этому отнесутся Кириш и Елчанинов.

От Туровской он направился прямо к Елчанинову. Последний только что вернулся из казарм со службы и поспешно переодевался, чтобы пойти к Туровской. У них не было условлено, что он придет, но это, по мнению Елчанинова,

подразумевалось само собой: куда же было идти ему, как не к ней?

Должно быть, у Варгина лицо от волнения сильно изменилось, потому что Елчанинов сразу, как взглянул на него, спросил:

– Что с тобой случилось?

– Я видел Кирша! – ответил Варгин.

– Вчера ночью?

– Да.

– Значит, его расчет оказался верен, и недаром я сказал тебе вчера, когда ты упорно прощался: «До свидания!» Вот видишь, мы свиделись! Я сказал тебе тоже, что тебя надо спасти.

– От кого спасти? – уныло, потупя взор, протянул Варгин.

– От этой женщины, – пояснил Елчанинов.

– Эта женщина уже умерла.

– Да не может быть? – удивился Елчанинов. – Когда же?

– Сегодня утром ее нашли мертвой.

– Так и есть, отделались!

– Что ты хочешь сказать этим?

– То, что означает это слово на языке иезуитов: она стала неуютна им, и они отделались от нее. Быстры они в таких делах. Ты что же, был у нее на вилле сегодня?

– Нет, я дал слово Киршу не ходить к ней, – уныло ответил Варгин.

– Откуда же ты знаешь?

– Сейчас я был у Туровской и там видел чиновника от генерал-губернатора.

– Зачем он был там?

– Узнавать о леди. Он расспрашивал о знакомстве Веры Николаевны с леди Гариссон.

– Ну, и что же она отвечала?

– Что она познакомилась с ней через своего жениха, маркиза де Трамвиля.

– То есть бывшего жениха! – поправил Елчанинов, осматриваясь в зеркало и обдергивая на себе мундир.

– Она не сказала «бывшего», – возразил Варгин, – она просто назвала маркиза «мой жених».

Елчанинов, как был, повернулся и остановился.

– Ты сам это слышал? – переспросил он.

– Сам, своими ушами.

– Ты врешь! Она не могла сказать так после того, что было между нами!

– Я не знаю, что было между вами, но только повторяю тебе, что сам слышал, как она назвала чиновнику маркиза своим женихом.

– Да что же это, да как же? – заговорил Елчанинов, вдруг совсем растерявшись. – Что же, она смеется, что ли, надо мной?

– Самое лучшее: советую тебе, пойди сам и спроси у нее.

– Никуда я не пойду, ничего не хочу спрашивать! – воскликнул Елчанинов и как бы в доказательство своих слов

растегнул вдруг мундир, быстро сорвал его с себя и кинул.

– Да чего ты так вдруг забеспокоился? – удивился Варгин.

– Да как же! – размахивая руками, стал рассуждать Елчанинов. – Как же она еще вчера вела так себя со мной? Словом, после того, что было между нами... – Он вдруг сел и опустил голову. – Вру я все, – неожиданно решил он, – ничего не было между нами! В самом деле, что случилось такого особенного? Ну, она была мила со мной, ну, я ей говорил что-то, но ведь ничего положительного она не ответила мне. Я ее о маркизе не спрашивал; может быть, спроси я ее, она мне прямо так и сказала бы, что он ее жених. Но тогда все-таки она не должна была слушать мои слова, да и сама говорить иначе. Ведь это – кокетство с ее стороны! Варгин, ведь это – просто женское кокетство! Неужели она такая же ничтожная женщина, как и все остальные?

– Как и все остальные! – повторил за ним, махнув рукой, Варгин.

Он думал теперь об «остальных женщинах», которые сосредотачивались все для него в одной, и эта одна была уже мертва. Он сочувствовал приятелю, но не мог воспринять и разделить его горе, у него было свое.

Странное, совсем непонятное чувство испытывал он теперь. Клеймо палача, оказавшееся на руке бывшей леди Гаррисон, оттолкнуло его от нее. Кого он любил в ней? Кто была она? Какое прошлое стояло за ней? И, как ни неприятно было ему, он должен был сознаться перед самим собой, что

и для него, и для нее лучше было, что она умерла.

– Да, женщина – всегда женщина, – проговорил он. – Ведь и я...

– Нет, – перебил его Елчанинов, – ты не сравнивай своей любви с моей! Пойми, тут огромная разница!

– Никакой разницы нет, и для меня, и для тебя одинаково. И та, и другая – женщина.

– Да, но в любви нашей разница. Ты любил красоту леди, ее тело, и потому твоя любовь – не что иное, как страсть, прости меня, низменная, животная страсть – и больше ничего. Для тебя спасение в том, что судьба оборвала проявление твоего чувства. Но я, видит Бог, никогда не помышлял о Вере, как о женщине. Для меня она была счастьем, радостью, я любил ее душу, хотел душой слиться с нею, и вдруг она заявляет, что она невеста другого... что же это такое?

Он расставил руки в стороны и так и остался в такой позе. Варгин не мог ничего ответить ему.

Глава XXXV

Погода стояла пасмурная; серое небо хмуро нависло, сливаясь с поднимавшимся от земли туманом; мелкая петербургская морось носилась в воздухе, словно частым ситом разбитая влага.

Настоящий дождь шел ночью, солнце не показывалось после него; крыши, деревья, дома и мостовые были мокры, тусклы и не блестели; серый туман, как вуаль, заволакивал их. В желобах и на листьях натекали капли и, мерно обрываясь, падали.

Грустно и мрачно было в городе и еще грустнее казались острова, несмотря на все еще покрывавшую их зелень. Последняя казалась в сумерках ненастного дня совсем бурой и смотрелась в мутно-свинцовые воды, не отражаясь в них, подернутых мелкой ленивой рябью.

В сырости тумана тонула деревянная, в итальянском вкусе, вилла леди Гариссон; в ее саду, смоченные ночным дождем, потерявшие свой цвет и форму, качались неубранные бумажные фонари вчерашней иллюминации и торчали на шестах вензеля, блестевшие вчера разноцветными огнями, а сегодня убогие и жалкие.

Посреди зала на вилле стояли черное возвышение в виде катафалка, четыре свечи и гроб, обитый дешевой лиловой материей.

И катафалк, и свечи, и гроб совершенно не соответствовали окружающей обстановке, пестро изукрашенной. Все убранство виллы говорило, что она была выстроена для удовольствия и празднеств; плафон и стены зала были расписаны картинами очень веселого и очень фривольного содержания; всюду было показное великолепие; всюду блестела позолота; гроб же, свечи и катафалк были более чем скромны.

Леди Гариссон лежала в гробу, закрытая крепом, и как-то особенно странно и совсем неподходяще для русского глаза казался выпущенный наружу по католическому обряду и спускающийся сбоку расшитый шелками шлейф ее богатого платья, вместо обычного простого белого савана. Ее положили в том самом платье, в котором она была вчера у себя на вечере.

Эту жалкую погребальную помпу устроил за свой счет Станислав, на последние, оставшиеся у него от данных Киршем двухсот рублей, деньги.

Вилла казалась покинутой всеми.

Варгин вошел и никого не встретил ни на крыльце, ни в прихожей, как будто тут не было ни единой живой души, — только зал и в нем покойница, а в углу, в отдалении, бедный, жалкий Станислав с крепко сжатыми у груди руками и с лицом, поднятым кверху. Он стоял на коленях и, беззвучно шевеля губами, молился, глядя влажными слезящимися глазами в потолок. Он не заметил Варгина, когда тот вошел, а Варгин не заметил его.

Смерть леди видна была с первого взгляда. Ее лицо, холодное и неподвижное, было так же красиво, как и при жизни, только черты заострились и стали от этого еще строже, чем были. Тонкие губы сжались ровной, прямой чертой, предсмертная судорога не свела их в кажущуюся улыбку, которая часто смягчает неподвижное выражение смерти на лицах покойников.

Варгин вошел, остановился, вздохнул, постоял, потом подошел к гробу, сделал земной поклон и поднялся на единственную ступеньку возвышения, желая заглянуть поближе в гроб.

Станислав заметил его. Он сорвался с места, кинулся к покойнице, стал закрывать ее кисеей, так, чтобы рук не было видно, и отстранять Варгина.

– Не надо, не надо! Не смотрите! – произнес он тем подавленным шепотом, которым говорят обыкновенно живые люди возле мертвеца, как будто мертвец может услышать их.

Варгин ничего не хотел смотреть, но по испуганному лицу Станислава и по его движениям понял, чего тот боялся.

– Я ничего... – ответил он, – я только поклониться и проститься пришел!

– Да, – подхватил Станислав, – да, проститься можно, но смотреть не надо!

– Да на что смотреть?

Станислав пригнулся к самому уху Варгина и порывисто зашептал:

– Клеймо... клеймо, которое у нее на руке... у нее было клеймо... теперь, когда она умерла, можно сказать об этом! Ведь вы этого не знали? Вы любили ее и не знали о клейме, а я знал и все-таки любил, и жалел ее! Ее никто не жалел, кроме меня! Любили ее, как прихоть, как красивую женщину, и, если бы увидели только ее клеймо, отвернулись бы от нее, а я все знал и все-таки любил!

И Станислав тотчас же оттащил художника в сторону.

Варгин не противился ему и не возражал, он должен был признать, что Станислав имел право распоряжаться тут и что он, Варгин, совершенно не так любил эту женщину, как этот жалкий и несчастный человек.

– Когда же похороны? – спросил он.

Станислав стал быстро сдвигать морщины на лбу и расправлять их, и деловито, но совершенно не в такт словам размахивал руками.

– Надо хоронить послезавтра, но я не знаю, найду ли священника. Я уже искал, но не нашел. Отец Грубер отказался служить, однако я дойду до самого митрополита Сестреничича и сделаю все, чтобы успокоить ее душу на том свете.

– Хотите, я похлопочу? – предложил Варгин.

– Нет! Ради Самого Господа Бога, нет! – плаксиво заныл Станислав. – Я все сделаю сам и никому не позволю мешать мне. Слышите?.. Никому!

Его глаза вдруг заблестели, и он так забеспокоился и задергался весь, что Варгину, чтобы не раздражать его больше,

оставалось только согласиться с ним и уйти.

Когда он уходил с виллы, Станислав проводил его до прихожей и тут вдруг остановил его.

– Знаешь, пан, – как-то странно сказал он, заглянув в глаза Варгину, – поцелуемся на прощанье, по-братски... как братья!

И они поцеловались, как братья.

А в это самое время Елчанинов ходил по своей комнате и злился.

С тех пор как удалился Варгин и он остался один, он ушел далеко в своей ревности и отчаянии по поводу вероломства Веры, как он мысленно называл это.

Он привязался к слову «кокетство» и мучительно дразнил себя им; он представлял себя в роли человека, любовью которого – серьезной, глубокой любовью – забавляются шутя, потешаясь от нечего делать. Подвернулся-де наивный влюбленный дурак, так отчего же не пококотничать с ним? Серьезному чувству помешать это не может!

Серьезное чувство подразумевалось у Елчанинова, конечно, в отношениях Веры к маркизу; а «влюбленный, наивный дурак» был сам он. Она занялась им просто так, а он-то вообразил уж и Бог весть что!

Елчанинову стало даже совестно.

Да и откуда он выдумал, что Вера могла искренне любить его? Ведь и знает-то она его всего без году неделю!

«Без году неделю! – вспоминал Елчанинов. – Кто говорил

эти слова? Именно так и говорил кто-то: без году неделю».

Он долго ломал голову и решительно не мог вспомнить.

Потом вдруг он вспомнил о карлике, о существовании которого он совсем забыл под влиянием волнений всего пережитого в эти дни.

И когда он вспомнил о карлике, все перевернулось, то есть не все, а только тот образ действий, который он сам обдумал уже до мельчайших подробностей.

Растравляя и бередя свою рану, Елчанинов живо представлял себе, как он, конечно, никогда уже больше не пойдет к Вере, но непременно постарается встретиться с ней где-нибудь (и как можно скорее) и сухо, церемонно отвесить ей нижайший поклон. Поклонившись, он посмотрит на нее так, что она все поймет, смутится, но все-таки спросит, отчего его так давно не видно.

Вера, в мыслях Елчанинова, непременно должна была спросить это, чтобы дать ему возможность уничтожить ее необыкновенно тонким, остроумным и странно язвительным ответом. У него было уже выработано несколько редакций этого ответа, но он ни одной из них, хотя все они были очень хороши, не остался доволен.

Теперь, когда Елчанинов вспомнил о карлике, все изменилось, потому что во всем виноват был этот карлик: последний так говорил с ним, как будто это было действительно по душе; он-то и ввел его в заблуждение.

«Но что карлик? Карлик – дурак, – раздумывал Елчани-

нов, – незачем было все-таки обнадёживать человека!»

И вся злоба, обида и раздражение, которые поднялись в Елчанинове, обратились у него на этого ненавистного карлика.

Ему начало казаться, явись теперь перед ним Максим Ионыч, он просто в живых его не оставил бы.

Но так ему казалось только! Как раз в эту минуту явился к нему карлик Максим Ионыч, и Елчанинов, увидев его, не только оставил его в живых, но почувствовал, что и к нему самому возвращается жизнь.

Вера, напрасно прождав Елчанинова все утро, прислала за ним Максима Ионыча.

– Что это, золотой мой, – стал укорять тот Елчанинова, – обещали прийти и не идете? Верушка беспокоится!

– Как беспокоится? – радостно удивился Елчанинов. – Беспокоится обо мне?

– Ну да, разумеется, о вас! О ком же ей иначе и тревожиться?

Елчанинов, сразу же по этому приходу карлика увидевший, что все будет хорошо, все-таки спросил:

– А маркиз?

– Какой? – нахмурился карлик.

– Маркиз де Трамвиль.

– Ну, так что же? Маркиз поправился и из иезуитского дома к нам во флигель на житье переезжает.

Елчанинов от изумления расставил руки и раскрыл рот, а

затем произнес:

– Так как же это, Максим Ионыч? Я уж тут ничего не пойму! Вера Николаевна прислала вас за мной и ждет меня, а между тем ее жених, маркиз де Трамвиль, переезжает к вам во флигель сегодня! Что все это значит? Ведь она сегодня при Варгине назвала полицейскому чиновнику маркиза своим женихом!

– Что полицейский чиновник! – махнул рукой карлик. – У него чины да галуны на шляпе, пусть он их и знает! А тут дело сердечное! Пойдемте, Верушка сама вам все объяснит.

Однако Елчанинов воспротивился этому.

– Да не хочу я идти, если этот маркиз там! Какую же роль я буду играть?

– Не вы роль будете играть, а мы сыграем вашу свадьбу с Верушкой! А насчет маркиза не беспокойтесь! Вера все расскажет вам! Надо только идти к ней поскорее.

Елчанинов, хотя и ничего не понял, но вдруг согласился, что идти действительно надо, а когда он пришел к Вере и увидел ее лицо и светлые, милые глаза, он сразу почувствовал, что она не может быть ни в чем виновата, и ждал от нее объяснения, заранее готовый безусловно поверить всему, что она ему скажет.

И она объяснила, и все стало ясно, понятно, просто и хорошо.

Маркиз де Трамвиль никогда не был ее женихом и даже не мог быть им. Он был ее родным братом, сыном князя

Верхотурова и двоюродным племянником карлика Максима Ионыча.

Воспитывался он за границей, где был отдан в иезуитскую школу, потому что иезуитские школы считались самыми лучшими. Но иезуиты запутали его в свои сети.

По окончании курса наук он был замешан в Польше в польские дела, и въезд ему в Россию под русским именем и в качестве русского подданного был запрещен. Поэтому, чтобы попасть в Россию после смерти отца, где уже была его сестра Вера, он принял имя французского маркиза де Трамвиля и взялся исполнить поручение по доставлению документов и писем от Наполеона Бонапарта к иезуитам в Петербург. Иезуиты же достали ему паспорт и дали необходимые средства на дорогу.

Всюду и везде были эти люди, и благодаря своей вседухности они были и всеильны.

Полицейскому чиновнику Вера не могла открыть настоящее звание маркиза, и ей волей-неволей пришлось назвать его своим женихом. Она это сделала не смущаясь, потому что заявление вовсе не являлось официальным, а просто было в разговоре, чтобы прекратить дальнейшие расспросы не в меру любопытного чиновника.

Глава XXXVI

Теперь остается досказать уже немногое.

Прошло некоторое время после смерти несчастной жертвы иезуитов.

«Сирена» – яхта леди Гариссон – при первом же попутном ветре распустила паруса и ушла обратно в Англию.

Она как будто уносила вместе с собой в беспредельный морской простор даже и саму память о своей несчастной владелице. Никто не поинтересовался судьбой леди Гариссон, она исчезла бесследно, словно и не было ее на свете.

Однако нашлась душа, которая не забыла несчастной женщины, попавшейся в сети иезуитских хитросплетений.

Эта душа принадлежала скромному человеку, много и искренне любившему мнимую леди Гариссон и ставшему виновником ее несчастья.

На одном из католических кладбищ Петербурга до сих пор еще существует старая каменная плита, которую положил Станислав на могилу своей жены, откладывая для этого деньги из своего жалованья, которое дала ему Вера, вышедшая замуж за Елчанинова: она приняла Станислава к себе в контору по управлению именьями.

Надпись на плите почти стерлась, и едва ли теперь кто-нибудь из случайных прохожих знает, что под ней похоронена женщина, затмевавшая своей красотой современных ей кра-

савиц и мечтавшая дерзко захватить, благодаря своей красоте, в свои слабые руки власть, которая никогда не выпадает на долю обыкновенных смертных.

Но она была обыкновенная смертная, и вместо исполнения ее смелых мечтаний ей достались обычные для каждого три аршина земли да каменная плита, купленная на гроши убогого, единственно не забывшего ее после смерти, человека.

Остальные все забыли, как уже сказано, кто и что была она. Да многие вовсе и не знали этого, и только прозвище ее осталось, да и то благодаря не ей, а роскошной яхте, бросившей якорь в устье Невы и вызвавшей этим толки и пересуды среди досужего общественного мнения, которое делает по-своему историю, и прозвище это было «Сирена».

Свадьба Елчанинова была отпразднована в орловском имении, куда приехали оба его приятеля – Варгин и Кирш.

Брат Веры, выздоровевший и кое-как распутавшийся с иезуитами, тоже приехал туда, продолжая оставаться официально французским маркизом де Трамвиль.

Кирш, на первых порах, не оставил еще арапского облика и ходил по деревне черным, вызывая ужас в мальчишках и смех и сожаление во взрослых. В тайну его была посвящена одна только Вера Елчанинова.

Старик Зонненфельдт был заочно посаженным отцом Веры и прислал ей чудесный образ, усыпанный драгоценными камнями.

Итак, все эти люди были счастливы, но прошлое долго еще жило в памяти. Они часто вспоминали иезуитов, и каждый раз им страшно становилось за всякого, кто был близок к этой могучей организации, прикрывавшейся великим именем Христа и не останавливавшейся ни перед каким злодеянием ради достижения своих целей.

История «Сирены» была лишь одним из эпизодов деятельности иезуитов в России во времена Павла Петровича; но эта деятельность далеко не ограничилась одним эпизодом.

Патер Грубер остался в Петербурге. Этот хитрый, способный на все человек приобретал все больший и больший вес, и его влияние становилось заметным всюду.

Чем дальше шло время, тем все больше охватывали своими сетями иезуиты русское общество. Они забрали в свои руки воспитание юношества, и, казалось, ничто не могло теперь вырвать из их цепких рук этих жертв.

Но судьба судила иное. Трем приятелям – Киршу, Елчанинову и художнику Варгину – пришлось еще столкнуться с ними, так что наши читатели еще встретятся с их, знакомыми теперь именами.